

В НОМЕРЕ

**Свобода
от морального
кодекса**

Российское общество так до конца и не разобралось, что же на самом деле происходило перед разрушением СССР. Мы тогда плохо понимали, как же реально было устроено наше государство, с непостижимой лёгкостью думали о его разрушении, не представляя последствий.

СТР. 3

**Когда гонор
губит страну**

В современной Польше утвердился миф о трёх разделах Речи Посполитой, о трёх алчных державах, которые раздирали на части великое государство... Но судьба Польши в XVIII веке - это не квартирный взлом с убийством, а суицид на социальной почве.

СТР. 9

**«ОТК
«Культуре» -
это я»**

У наших коллег - юбилей. Газете «Культура» исполняется 85 лет. Последние три года этим пророссийским общественно-политическим изданием, с каждым номером набирающим популярность, руководит Елена Ямпольская. В рубрике «Персона» она рассказывает не только о газете...

СТР. 11

**Вызволнение
«железного
коня»**

За последние полгода в Москве были принудительно эвакуированы 11 тысяч транспортных средств. В конце октября один из водителей, пытаясь помешать эвакуации, почти сутки просидел в своей машине. Может быть, проще было заплатить штраф? Да, проще, но этот вариант предполагает не только наказание, но и унижение.

СТР. 14

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 32 126 человек. Заходите!

ПОДАРИВШАЯ «НАДЕЖДУ»

Юбилей Александры Пахмутовой

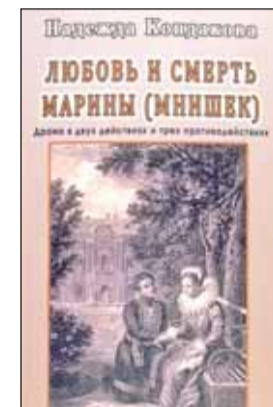

То даёшь надежду,
то над горем плачешь,
То летишь далёко
в широте полей...
Мы хотим, чтоб знала,
как ты много значишь,
Маленькая птичка -
русский соловей.
Пусть трещат сороки,
пусть кричат вороны,
Но не заглушить им песни
соловья.
В городах и весях
по родной сторонке
В каждом русском
сердце музыка твоя.
И в тайге дремучей,
и в сиянье сада,
И в концертном зале -
вейся и живи,
Царствуй, Александра,
Здравствуй, Александра,
Охрани Россию
музыкой любви!

Владимир КОСТРОВ

Продолжение темы на стр. 8

КНИГА НЕДЕЛИ

Надежда Кондакова. **Любовь и смерть Марины (Мнишек)**: драма в двух действиях и трёх противодействиях. - М.: «Вест-Консалтинг», 2014. - 86 с. - 500 экз.

Написать в наше время историческую драму - задача не из лёгких. Но Надежда Кондакова блестяще с нею справилась. Главным образом потому, что пьеса лишь на первый взгляд относится к смутному времени, а на самом деле автора интересовал «женский характер, как таковой, наложенный на чудовищные обстоятельства конкретной судьбы...» Действительно, Мнишек обычно рассматривают как политическую фигуру (вспомним хотя бы замечательную повесть Леонида Бородин «Царица смуты»), но мало кто видел в ней обыкновенную женщину, запутавшуюся, слабую, ранимую, попытался разобраться в её переживаниях и сомнениях, решился проследить обычные человеческие рефлексии. «Уверю вас, моя несчастная героиня, Марина Мнишек, достойна исторической памяти ничуть не меньше, чем, скажем, несчастная Мария Стюарт...» - утверждает Кондакова. По мнению автора, «ничего нет печальнее исторических штампов и веками сложившихся несправедливых репутаций». Чтобы отойти от этих штампов, Кондакова решает обойтись в драме без Минина и Пожарского, отодвигает на вторые роли Отрепьева и Тушинского вора - основное лицо здесь Марина Мнишек, и именно её глазами показана летопись смутного времени. Характерно, что главная героиня не вызывает у читателя отрицательных чувств, тут скорее жалость:

Мне двадцать восемь... Если б знать могла я, какую цену заплачу за страшный, слепой конец ужасной сказки этой... Но в восемнадцать - все мы верим в сказки...

Эта драма о разбившихся вдребезги надеждах амбициозной панночки, заманувшей на русский трон, показывает, насколько сурово жизнь поступает с теми, кто руководствуется в своих действиях не разумом, а легковесными чувствами, а не интуицией, волей и разумом. Не созданная от природы для придворных интриг и политики, Мнишек всем сердцем верила в то, что ей удастся стать русской царицей и править огромным государством. Но по мере развития событий ей становилось понятно, что она всего лишь женщина и что за своё легкомыслие придётся заплатить самую дорогую цену.

КЛАСС ПРЕМИУМ

«Золотой Дельвиг» и его соискатели

Секретариат конкурса Всероссийской премии «За верность Слову и Отечеству» имени Антона Дельвига извещает всех, кому интересен наш конкурс, что приём произведений на соискание премии этого года завершён. Число соискателей на сегодняшний день насчитывает около трёхсот писательских имён. На конкурс представлены новые произведения из самых неожиданных уголков России и земного шара. Отметим, что на этот раз впервые пришло немало заявок на участие в конкурсе из российского Крыма - из Севастополя, Ялты, Феодосии и других городов. Как всегда, много произведений из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Иркутска, Волгограда, Самары, Вологды, Воронежа, Хабаровска, Фурманова, Тюмени, из Чувашии и Дагестана, из других городов и республик России. Пришли письма с книгами соискателей из Харькова, Донбаса, Луганска. Немало соискателей из ближнего зарубежья, как, например, из Армении, Белоруссии, Казахстана, Литвы. Поступили на конкурс книги от российских писателей из Израиля. География нашего конкурса продолжает расширяться после официальной даты завершения приёма - поступили и были приняты запоздавшие бандероли с книгами. Расширяется и карта издательств - от почти безымянных из российской глубинки до книг московского АСТ, издательства Дюссельдорфа и других регионов мира. Благодарим всех соискателей, которые приняли участие в конкурсном марафоне. Конкурсная комиссия премии приступила к своей ответственной работе. Длинный список предполагается обнародовать в начале декабря, а короткий - в последнем номере этого года.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

История без купюр

В Музее современной истории России открылась выставка «Брат на брата. Правда на правду», на которой представлены агитационные плакаты красного и белого движений времён Гражданской войны 1918-1922 гг. Экспонированы раритеты из коллекций уникальных плакатов, боевое оружие, знамёна и форма. Выставку открыла генеральный директор Музея современной истории России Ирина Великанова. Она отметила, что выставочный проект с говорящим названием посвящён одной из самых трагических страниц российской истории - Гражданской войне 1918-1922 гг. и является своеобразным предупреждением об опасности политической нестабильности и падения в бездну гражданского противостояния. Плакаты, которые можно сейчас увидеть в музее, долгое время находились в спецхране. «Мы решили выставить всё и представить историю без купюр. Мы не осуждаем ни одну из сторон. Как раз сейчас настало время, когда можно попробовать их примирить и вспомнить о них, потому что все они любили свою страну и хотели ей счастья и процветания», - отметила Ирина Великанова.

На церемонии открытия выступал ансамбль «Казачий круг» - один из лучших мировых коллективов исполнителей традиционной казачьей песни, созданный в 1987 году. Открытие выставки посетили вице-спикер Государственной думы Сергей Неверов и его коллега Ольга Баталина, депутаты Государственной думы, председатель Московской городской думы Алексей Шапошников, Герой России, член Общественной палаты Вячеслав Бочаров, председатель Союза художников России Андрей Ковальчук, члены Общественной палаты, сенаторы, студенты исторических факультетов, общественные деятели и журналисты.

Выставка открыта по 9 ноября.

ОЧЕВИДЕЦ

В ловушке русофобии

Один из основных русофобских мифов, осевших в сознании западного человека, таков: Россия – страна рабского населения, которое не только не имеет прав и свобод, но и тяги к ним. Она управляется тираном, то есть всесильным властителем, который употребляет власть во зло и тем самым ведёт свой слепой подчиняющийся народ на преступления. Так Россию стали описывать ещё при Иване Грозном. С тех пор мало что изменилось, кроме имён властителей.

Благодаря этому западная русистика, в том числе в политологической области, всегда была склонна игнорировать фактор общественного мнения, концентрируясь на характере и наклонностях лиц, обладающих высшей властью. Иногда можно встретить прямые заявления, что в России «нет и никогда не было общественного мнения». Такой взгляд не позволяет увидеть реальную среду общественной жизни, в которой действуют российские власти.

Этот же миф лежит в основе украинской идеологии, которая, по сути, суммирует русофобские идеи польской и в целом западной культуры. Украинское самосознание строится на отвержении русскости как традиции рабства и тирании в пользу европейской «свободы и демократии». В этой схеме нет и не может быть русской общественности как самостоятельного фактора. В результате представить себе русских, восставших за самоопределение региона, в данном случае Донбасса, просто невозможно: да, русские могут взбунтоваться, но если они объединятся на масштабное противостояние украинским властям – значит, их кто-то организовал. Кто-то – это тот самый тиран.

Вся проблема Донбасса в таком случае видится лишь в том, что его население за постсоветский период не успело пропитаться западным «духом свободы» и по-прежнему ищет хозяина, а тот использует его в злых планах по расширению власти и влияния. Для «свидомого украинца» не может быть «самоопределившегося Донбасса» – только тёмное население и злая тираническая воля, его направляющая. Очень сложная картина вырисовывается при прочтении почти любого западного текста о гражданской войне на юго-востоке Украины.

За этой неадекватностью скрывается и слабость Запада в связке с Киевом, ведь сфера возможного воздействия на ситуацию почти полностью сводится к давлению на «восточного тирана» и подавлению неразумного населения. Предложить что-либо приемлемое для самих жителей региона украинская сторона не способна, потому что не хочет и не может этого. И дело не только в идеологической «зашоренности». Если в Киеве откажутся от описания ситуации через русофобский миф, это подорвёт всю идеологию украинской государственности и обесмыслит само её существование. Этот идеологический момент как раз то, от чего украинская сторона отказывается не сможет даже из вполне прагматических соображений, – не позволит инстинкт самосохранения.

В результате Украина никак не готова признать, что воюет с «русскими ополченцами» – вернее, со своими же восставшими гражданами, а не с российской армией. Она не может признать и того, что воюет с «другими украинцами» – другими (пророссийскими) украинцами не может быть, поскольку это тогда уже не украинцы. И Украина, и Запад все свои проблемы сводят к Путину и к его воле, а из-за этого их послы и действия зачастую совершенно неадекватны реальности.

Санкции Запада рассчитаны главным образом на «смещение царя боярами», общественные же реалии игнорируются. На Западе не могут понять, что вообще-то бессмысленно свергать Путина, если в России есть мощное общественное мнение в пользу Новороссии. Они этого не видят, а результаты соцопросов трактуют как плод воздействия пропаганды. Мол, стоит её поменять – изменятся и результаты. Идея договориться с Кремлём может быть и не лишней, но в ней недоценивается то окно возможностей, в котором Кремль может действовать, даже если сам захочет, как говорится, «слить Новороссию». Вне понимания оказываются и общества народных республик, отнюдь не во всём «послушные Кремлю», а теперь и вовсе весьма скептически к нему настроенные и создающие, несомненно, свой политический проект.

В ту же ловушку русофобского мифа попадает часть российской общественности – наши нелибералы, у них всё построено на том же: критика действий Путина как творца конфликта. Вестернизированность мышления и отвержение русской идентичности побуждают их видеть русский народ и его действия в том же ключе, что и на Западе. Страна-де населена на «84 процента дураками», обманутыми госпропагандой, а само государство ассоциируется с его главой – в результате оппозиционность к нему гармонично добавляется фобией к «его народу».

Национально-освободительные восстания воспринимаются нашими либералами на ура, если они против России (т.е. «против рабства и тирании за права и свободу»). Восстание же или волеизъявление за соединение или воссоединение с Россией, восстание русских, не может быть освободительным, поскольку русские по природе склонны искать не свободу, а рабство. И только органическое отвращение к свету западной цивилизации и страстное желание подчиниться царю может их подвигнуть на такие действия.

Наша «либералы», занявшие в этой войне сторону «против России и русских», – это те же самые украинцы, только лишённые возможности принять украинскую идентичность. Они тоже отвергают русофобские мифы и меряют добро по степени приближения к Западу. Наш своеобразный русский «либерализм» и «наше» украинство – это единое явление в русской культуре, плод восприятия в ней западного взгляда на Россию и русских.

Разница лишь в том, что украинство предлагает менять русское самосознание на другое вроде как тоже национальное – украинское, а вот «либерализм» может предложить лишь «общечеловеческие ценности».

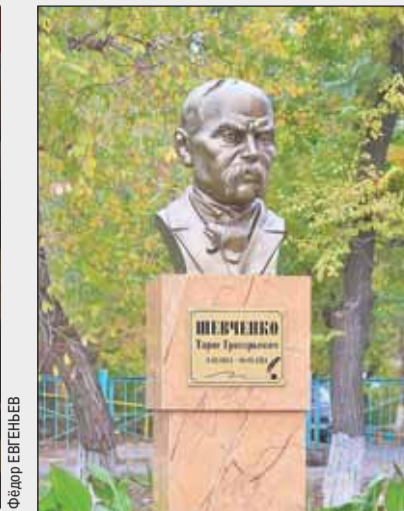
Спор о Новороссии, который идёт внутри России, по сути, тот же, что и на полях гражданской войны в Новороссии: между теми, кто сохранил русскую идентичность, и теми, кто от неё отрёкся ради суррогата западных идеологий. Тем, для кого отказ от русскости – это билет на желанный Запад. А мы... Мы для них просто не существуем.

Олег НЕМЕНСКИЙ

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

В Центральном доме художника проходит фестиваль Русского географического общества, который даёт возможность передвигаться по России, не покупая билетов. Экспозиция рассказывает о самых известных путешественниках, об итогах удивительных экспедиций.

По словам географов, даже в XXI веке на картах ещё остались белые пятна. На Курилах до сих пор находят новые острова. Двери фестиваля будут открыты до 6 ноября.

«Окно в Италию» распахнул благотворительный фонд «Арт-Линия» в столичной библиотеке им. Боголюбова, где прошёл одноимённый вечер юных музыкантов. Руководитель музыкально-этических программ Татьяна Малышева и её юные подопечные познакомили собравшихся с творчеством итальянских композиторов, звучали, естественно, и стихи. Аплодисменты и маленькие перцы из Неаполя достались поразившим зал своим мастерством Марии Поляковой, Ярмиле Преподобной, Артёму Шило, Родиону Шакирову, Ксении Агафоновой, Александре Адельгейм, Елизавете Малышевой, Михаилу Митрофанову, Нине Данг, Софии Федотовой. Просим запомнить эти имена, эти ребята себя ещё покажут. Недаром на их выступлениях уже не хватает мест для слушателей.

В Астрахани состоялась церемония открытия бюста выдающемуся украинскому поэту Тарасу Шевченко. Памятник установлен во дворе средней школы № 4, которая носит его имя. Бюст создан на спонсорские деньги, почти половину суммы добровольно собрали учителя школы.

ДАТА

Разделённое единство

Мы снова отметили День народного единства. В последние годы в его тени оказывается дата, которая ещё не так давно была главным государственным и общенародным праздником – 7 ноября, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. С 1995 года – это День воинской славы России, День проведения во-

енного парада на Красной площади в 1941 году в честь двадцать четвёртой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. То есть годовщину революции не отмечаем, а исторический парад в её честь – празднуем. Вот такой наворот, который всё-таки следует осмыслить.

4 ноября – День народного единства. Дата приурочена к победе ополчения Минина и Пожарского над польско-литовскими завоевателями в 1612 году. Тогда после многих лет внутренней Смуты и разбойного разгула завоевателей на кону стояло само существование России. Самоотверженными трудами двух её великих сынов, сумевших сплотить вокруг себя сограждан, была одержана знаменательная победа. Как оказалось – судьбоносная. Столь же исторически важная, как и Великая Победа 9 мая 1945 года. До 1917 года событие отмечалось как всенародный праздник.

Что же точно произошло 4 ноября 1612 года? В книге «Россия под скипетром Романовых, 1613–1913», изданной в 1912 году, указано, что 22 октября (4 ноября) 1612 года ополчение Минина и Пожарского овладело Китай-городом. И только через четыре дня, 8 ноября, поляки оставили Кремль. Собственно, на этом сходятся все историки. Они считали именно 8–9 ноября днями, знаменующими ту далёкую победу над захватчиками. Но до революции отмечали 4 ноября как День Казанской иконы Божией Матери, объявленный государственным праздником ещё в 1649 году указом царя Алексея Михайловича. По преданию, ополченцам удалось одержать победу именно благодаря её заступничеству. Для дореволюционного государства именно тут был заложен главный смысл события.

Почему же ныне, после распада СССР, для празднования выбран день именно 4 ноября, хотя взятие Китай-города – это лишь преддверие победы? Совершенно очевидно, что для того, чтобы «задвинуть», «перебить» годовщину Октября. Расчёт понятный, но «задвинуть» так и не удалось...

Октябрьскую революцию, как её ни назови, как ни старайся принизить её историческую весомость, нельзя отодвинуть на задворки истории не только нашей страны, но и всего мира.

Да и нужно ли это делать? Во благо ли это нашей исторической памяти и воспитанию подрастающих поколений? Мой отец не был офицером или дворянином. Он родился и рос в нищей семье в бедной белорусской деревне, где верхом благополучия был горшок горячей бульбы на столе. В двадцать лет стал кормильцем семьи, где помимо него было ещё семеро детей. На Гражданской войне отец не стрелял, он подковывал лошадей – служил в Первой конной Будённого. Именно в Красной армии его,

Константин Васильев. Парад сорок первого года

безграмотного, научили читать-писать. Потом честно трудился, держал семью... Затем Великая Отечественная... Не забыть никогда бегства из родного Витебска, нищеты и бездомья в эвакуации, когда отец на фронте, мама в тифозном бараче, а мы, двое малышей, на улах по чужим углам...

Свой отец вернулся инвалидом, но продолжал добросовестно служить стране, а она ценила в нём мастера кузнечного дела – он признавался лучшим кузнецом до войны Западной, а после войны Оренбургской железных дорог. Именно рождённая Октябрём власть помогла ему обрести человеческое достоинство, скромное благополучие (что он очень ценил) и, главное, дать образование детям.

Для него, кузнеца и солдата, праздник 7 ноября всегда был первым праздником. Сколько таких тружеников и патриотов и сегодня по всей России? И зачем в обиду им манипулировать датами? Ведь отменной Октябрьской праздника как бы признаётся вина российского народа в начале XX века, восставшего против строя, который, по общему признанию, изжил себя, сгинул изнутри, опозорил себя кровавыми расправами в 1905–1907 годах, когда в стране произошло более 22 тысяч разных по размаху волнений. Этот строй привёл к гибели миллионы солдат в ненужных и бессмысленных войнах, довёл страну до краха...

В советские времена были любители позлословить, что мы-де страна с

непредсказуемым прошлым. Неужели ничего не изменилось? И не похоже ли процессы «переоценки ценностей и символов» ради политической выгоды ведутся сейчас на Украине?... Хочу также отметить, что и в советские времена никогда не умалывалась победа Минина и Пожарского, она вечно прославлялась.

Для меня события 8 ноября 1612 года и 7 ноября 1917 года имеют одну общую суть – народ смёл неудобную власть. Это редкие в отечественной истории моменты торжества народного единства и победы над негодными, ненавидимыми или чужеродными властителями. И было бы, на мой взгляд, правильно в равной степени уважительно признавать оба исторических события чрезвычайно значимыми. Признание равенства побед народа имеет глубокий смысл и для будущего как напоминание всем новым властям страны: нельзя бесконечно манипулировать исторической памятью, сознанием и благополучием народа. Кстати, авторы концепции нового учебника истории страны намереваются объединить Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года в единое целое. Иными словами, обе эти революции и последовавшая затем Гражданская война обозначены как этапы Великой народной революции. Очевидно, в этом имеется немалый резон.

Иосиф БРУМИН, кандидат технических наук, САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

ИнтерНЕТ-ИнтерДА

«ЛГ», № 42

■ Смело и решительно. Она чем-то очень напоминает мне решительную работу германских профсоюзов, коммун и муниципалитетов после Второй мировой войны. А также построение социального общества в Скандинавских странах, где трудящиеся уходят на пенсию после 65 и выше лет работы на благо государства. Представляете, как народ этих стран отстаивает свои права на счастливую жизнь?

Рано или поздно Россия также получит подобную привилегию. Правда, для того ей необходимо научиться размножаться в условиях капиталистической разрухи, как это сделали китайцы, живущие в прогрессивном во всех отношениях, пусть в коммунистическом, могучем народном государстве.

Сергей13

■ Всё правильно сказано. Есть очень надёжный свидетель, подтверждающий сказанное: американский экономист Джеффри Сакс, советник правительства Ельцина в 1991–1992 годах. До этого он проводил рыночные реформы в Бразилии и Польше. В 1993 году он отказался от работы в России.

В интервью 2000 года Сакс говорил: «Российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочили, что дело государственности – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

В.И. Колесов

■ Жаль, что многие не понимают: лучшей доли для народа, кроме как освоение обществом разумного социализма, не найти, вот только построить его нужно не на собственных костях и привилегиях чиновников, как произошло это в СССР, а на совести и чести самого народа...

В.В. Попов

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ АНО «Редакция «Литературной газеты»</p> <p>Главный редактор ЮРИЙ ПОЛЯКОВ</p> <p>Заместители главного редактора Леонид Колпаков, Игорь Серков</p>	<p>ОТДЕЛЫ:</p> <p>«Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов</p> <p>«Литература и библиография» тел. 8-499-788-02-05 Максим Замшев, Игорь Панин, Татьяна Шабалева</p> <p>«Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Аборсимова, Анна Башкирова, Алена Кузнецова</p> <p>«ТелевЕдение» тел. 8-499-788-02-12 Александр Кондратов</p> <p>«Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Владимир Поляков</p> <p>«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53</p>	<p>Обозреватели Сергей Мнацаканян, Марина Кудимова, Игорь Гамаюнов</p> <p>Спецпроекты и приложения тел. 8-499-788-02-09 Анастасия Ермакова, Арсений Замостянов</p> <p>Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бизнес-редактор Евгений Фелоровский, художественный редактор Антон Меньшов</p> <p>Сайт «ЛГ» редактор Ольга Моторина litgazeta.webeditor@gmail.com</p> <p>Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов</p> <p>Собственные корреспонденты Юрий Долганов (Крым), Владимир Беликов (Пермь), Жан Миндубаев (Удмуртская область, Татарстан),</p>	<p>Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Сергей Евстратов (Республика Молдова), Юрий Щербakov (Астрахань и Калининград), Лия Ивановна (Армения), Бахытжан Каналыев (Республика Казахстан), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамажер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай), Евгений Минин (Израиль), Эльвард Асланян (Кипр)</p> <p>Исполнительный директор АНО «Редакция «Литературной газеты» Александр Перевощиков</p> <p>Московский тираж – 55 015 экз. Федеральный тираж – 33 815 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростов-на-Дону, Воронеж, Новосибирске) Тираж в Крыму – 2500 экз. Тираж в Европе и США – 5050 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне) Тираж в Израиле – 20 050 экз. Тираж в Великобритании – 8500 экз. Тираж в Греции – 2860 экз.</p>	<p>Общий тираж 129 790 экз.</p> <p>Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Прайм Принт Москва», 141700, Московская область, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д. 5В</p> <p>Номер подписан на печати 3 ноября 2014 г. Зак. № 5030</p> <p>Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.</p> <p>Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)</p> <p>Подписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12 начальник отдела Анна Феклина</p>	<p>Экспортная подписка – по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications» Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г.</p> <p>Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028</p> <p>тел. 8-499-788-02-52 Факс: 8-499-788-02-10</p> <p>Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52 Переписка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна.</p> <p>Ведущий редактор номера ЛЕОНИД КОЛПАКОВ</p>
--	--	---	---	--	---

ДИСКУССИЯ

КНИЖНЫЙ РЯД

Свобода от морального кодекса

Книга Вячеслава Щепоткина «Крик совы перед концом сезона» посвящена уникальной шестилетке, которую советские люди пережили в 1985–1991 гг. и которая окончилась разрушением громадного государства СССР, первым в мире пытавшегося построить социализм и коммунизм. После прочтения, как говорится, «нахлынули воспоминания».

Новый вождь КПСС Михаил Горбачёв заявил тогда: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться». Выступление перед партактивом Ленинградского горкома с той исторической речью впечатлило. Впервые за сознательную жизнь я слушал тогда советского политического деятеля, говорившего перед публикой, а не читающего по бумажке, долго и нудно. Генсек показал себя отличным актёром, делал паузы, жестукировал, шутил. В речи была программа КПСС. Обозначились перспективы по всем направлениям — экономическому, идеологиче-

что сложную, неоднозначную проблему можно одолеть нахрапом».

Эта стратегия авантюрного нахрапа, избранная генсеком, стала проявляться во всех сферах. Начали с «ускорения» экономики — якобы хотели развивать ведущие отрасли. Не получилось — или программа была плохая, или исполнители никудышные. Или на самом деле была цель иная.

То ли по подкачке чьей-то, то ли сами придумали: стали искать новые экономические механизмы. Даже специальный Пленум ЦК провели. Но его решения не выполнили. Кроме одного — на-

и здоровое возражение: «Что же тогда за система у нас, если его остановить не может?! Где партия — руководящая и направляющая сила? Где ваше (речь о КГБ) ведомство? В Америке президентов хоть отстреливают, если нет другой возможности избавиться?»

Систему управления в СССР словно создавали под будущее разрушение государства. Партийно-советские кадры, воспитанные при Хрущёве и Брежнев, никак перестраиваться не хотели. Зачем?! Им и так жилось славно и сытно. Сейчас говорят: надо было обязательно демократизировать КПСС, очистив её от балласта. Но других людей, кроме партийцев, для управления страной не было. И возможно ли было преобразовать партию, чтобы она провела реформы без разрушения социализма и СССР?

Аппарат КПСС на всех уровнях привык приспосабливаться к указаниям верхов, чтобы всегда сохранять свои выгоды. Высшая партноменклатура, видя, что

Таким вопросом мучается одна из героинь романа. Для меня это не было тайной, поступив на журфак МГУ, я обнаружил, что мало кто из будущих «партийных пропагандистов» хотел даже развивать социализм, не то что строить «коммунизм». Цинизм был в те годы уже весьма распространённым «учением». Сним же столкнулся и на работе в разных редакциях.

В романе есть персонаж (в нём легко узнаётся известный газетчик) — весьма типичный представитель партийной журналистики. Из маленького городка Западной Украины. Работал за рубежом. И вот стал замом главного редактора крупнейшей газеты. Отличался он двумя качествами — открытой неприязнью к статьям о проблемах русского народа и флюгерным мастерством определения направления властного ветра.

В свой звёздный час, в дни ГКЧП, преобразился радикально: «Пропагло рабское почтение к партии. Теперь Никита Семёнович находил о ней самые грубые слова, говорил, будто отдавал армейские команды. Глядел на всех жёстко, с нескрываемым высокомерием».

И таких вмиг преобразившихся было много.

«Что ж это за творение такое — человек? — думал Савельев, слушая этих перевёртышей, — чтобы так, за несколько дней или даже часов, изменить свою суть на прямо противоположную... История повторяется. Циники от политики всегда апеллировали прежде всего к низменным потаённым человека, рассчитывая обрести управляемую тёмными инстинктами массу».

Ставку на подлецов сделали и после демонтажа СССР. Автор напомнил, как в дни противостояния с Верховным Советом они орли: «Красно-коричневые оборотни обнагтели от безнаказанности! Тупые негодяи понимают только кулак! Поддержим символ демократии — нашего президента Ельцина!» Тому якобы мешали работать «коммуно-фашисты». И Ельцин и его приспешники отдали приказ из танков стрелять по закону парламенту. Установив мародёрский режим, они начали разграбление богатейшего государства.

«Четыре года самой разрушительной в нашей истории войны нанесли стране меньше ущерба, чем один год приватизации по Ельцину-Чубайсу! Большинство предприятий провалилось иностранцам. Через подставных людей, по ценам в сотни раз дешевле, чем они стоили. Челябинский тракторный завод, где было 54 тысячи работников, отдали за два миллиона двести тысяч долларов. В Европе столько стоит не-

большая пекарня».

Отчего так безболезненно прошла ваша трансформация из «товарищей» в «господа»? К примеру, в моём городе никто из руководителей КПСС не защищал «родную мамку» от проклятых «демократов». А ведь силы-то были неравные: у КПСС — Политбюро, ЦК, КГБ, прокуратура, суды, армия... Всё слали. В три дня. Значит, защищать не спешило хотели. А 19 миллионов рядовых членов КПСС выполняли покорно указания верхов, зная, что противиться — себе во вред. Но тогда тоже несите ответственность за разрушение СССР. Удобно считать себя невиноватым, что виноват — дядя.

Сначала номенклатура ещё боялась мнимых преследований. Но после расстрела в 93-м Верховного Совета и разгона местных Советов вдруг обнаружили, что на власть ставят бывших горкомовских, стало быть, уже не надо бояться... Однако директора радились тогда ещё в «красные одежды».

Помню, как в 93-м в Ковров приехал из Москвы главный приватизатор и на «партхозактиве» убеждал заводских, что скоро на предприятия инвестиции хлынут «бурным потоком».

Инвестиции не хлынули, но вскоре директорату хитро дали взятку, передав им 5-процентный пакет акций заводов. Остальные начальники потом добрали, скупая их по дешёвке у работяг, им специально задерживали зарплату. Прихватили и магазины, и дачи, и стадионы, и много чего ещё... «Красные директора» быстро отказались от «красных идей». Господами они стали.

Народ, однако, у нас забывчивый и прощающий. Да и потом, наверное, как всегда, решили, что «против ветра не плыви». К народу, голосовавшему в 96-м за Ельцина, в романе устами одного персонажа тоже высказаны претензии:

«Да, на него обрушили небывалый в истории словопад дезинформации, прямой лжи и полудонной клеветы. Но разве слушающие всё это безработный инженер, голодная мать, разорённый крестьянин не видели, при ком они получили свои бедня? Народ!.. Што ж он за глина такая, из которой то и дело лепят топор на его собственную шею?»

А у бывших «товарищей секретарей» легко получилось выдать из себя «непримиримости к несправедливости, нечестности, стяжательству» — «Моральный кодекс строителя коммунизма» в их натурах не оставил следов.

ВЛАДИМИР ПОЛЯКОВ

ПОСТСКРИПТУМ. Думается, что российский обществу так до конца и не разобрались, что же на самом деле происходило перед разрушением СССР. Мы тогда плохо понимали, как же реально было устроено наше государство, с nepocпeктивнoй лёгкостью думали о его разрушении, не представляя последствий.

И когда жаждущих разрушения и сомневающихся стало достаточно много, произошло примерно то же, что в феврале 1917-го, — мощнейшее государство «слиняло в три дня». И это фантастическое событие до сих пор остаётся непонятым. А сегодня уже идут разговоры о перестройке-2, которая якобы началась с декабря 2011-го, с митингов на Болотной. И у многих опять в голове мысли, что страна ни на что не годна, что на её месте нужно что-то иное, а нынешнюю просто разрушить, развалить... И это в условиях, когда Запад объявил России новую холодную войну, откровенно говорит о желании нанести непоправимый урон российской экономике.

Быть ли перестройке-2? Вопрос совсем не праздный.

Очередь к микрофону. Первый съезд «перестройщиков» — народных депутатов. 25.05.1989

скому, политическому и прочая. Были надежды, но возникли и сильные сомнения.

С напоминания о предыстории перестройки и начинается книга. Брежнев пришёл полсотни лет назад, когда «стране надолго вздрагивать от сумасбродных авантур хитрованца», заставившего сеять кукурузу даже за полярным кругом, душившего свирепыми налогами подсобные хозяйства и объявившего миру: к 1980 году будет построен коммунизм.

«После сумасбродств «колобка в соломенной шляпе», — напоминает автор, — всё лето добродушие черноробово красавца Брежнева наполняли людей оптимизмом, желанием работать. Именно на брежневское время приходится наивысший подъём экономики СССР. Но и тогда же — к концу брежневских лет — начинается его стагнация».

Народ надеялся может, новому генсеку Горбачёву и удачи радикально перестроить государство, всё более походящее на корабль, тащущий посуху. Правда, начал он перестройку всё же весьма странно, о чём пишет автор в историческом отступлении:

«Горбачёв объявил о начале борьбы против пьянства и алкоголизма. Купаясь в эйфории от доставшейся высшей власти во второй державе мира, он решил,

чали резко размножиться кооперативы. В них сколачивали первоначальный капитал. За счёт разграбления предприятий при активном участии их начальства. Преступлением было тогда резко отменить госмонополию на внешнюю торговлю. Плохо знал генсек труды Ленина, твердившего, что монополия — надёжная защита от империализма Запада, ибо без неё иностранцы скупят и вывезут за границу всё ценное. Так и случилось. «Внутренние ценники, рассчитанные на невысокие зарплаты населения, были на много, а порой в несколько раз ниже стоимости этих же товаров за границей... За границу пошло продовольствие, золото, пушнины, лесоматериалы, удобрения, химтовары и много другой продукции».

Все «реформы» вели к одному: «Разрушение внутреннего рынка и государственной ответственности пошло шагами Гулливера». Государство целенаправленно разрушали. Многие персонажи книги считают именно Горбачёва главным виновником набирающего темпы разрушения: «Мелкий, тщеславный человек, самонадеянно поверивший в свои возможности, оказался слабым и недальновидным функционером».

Однако на это в книге есть

корабль тонет, думала тогда лишь об одном — как самой спастись и какие выгоды можно извлечь из катастрофы. Создавали банки и фирмы, прикормленно спекулировавшие за кордоном созданными за десятилетия тяжёлым трудом народа богатствами. Детей пристраивали на учёбу за рубежом.

Можно ли было тогда повести СССР по другому пути? Теоретически — да. Практически... Не было людей, способных руководить государством лучше. Иначе что ж они вовремя активно не боролись с «линией Горбачёва»? И всё больше усиливаются подозрения, что задолго до перестройки некие силы планировали трансформировать СССР так, чтобы стать полными хозяевами его нефтегазовых богатств.

Одна из сюжетных линий романа — о жизни редакция «второй газеты» страны. Её редактором назначили «верного ленинца» с «бульдोजной хваткой», специализировавшегося на толкованиях работ вождя мирового пролетариата. Но со временем он бюстиком Ильича начал колоть орехи. Освободился, стало быть, от заблуждений. От них легко избавлялись многие журналисты, взращённые на «партийности печати».

Как так быстро возникла совершенно иная журналистика?

ПОЛИТЭКОНОМИКА

Вивисекция госсектора

Слово «приватизация» давно уже стало у наших правящих кругов неким заклятием против злых духов. Приверженность процессу «разгосударствления» можно рассматривать и как маниакальный синдром: чуть стихнет недуг, а потом бросается на наш социальный организм с удвоенной силой.

Ещё на слуху напевы прежних лет. То вдруг острая нужда «в кратчайшие сроки подготовить план приватизации крупных компаний, в которых доля госсобственности превышает пятьдесят процентов», то жагда немедленно снизить процент ограничений на иностранное участие в отечественных компаниях. Так ведь снижали уже, а потом ужасались оттоку капитала.

Вместо того чтобы строго спросить за отсутствие контроля в госсекторе, с необоримым упорством изобретают всё новые схемы увода народной собственности из коллективного владения. И юные советники по экономике вещают, сколько

денег мы все получим от реализации птицефабрики, где куры несут золотые яйца. С тем же сладострастным упоением нам объясняли в 95-м, сколько от залоговых аукционов казна получит денег, которые из казны же на эти аукционы и выуживались будущими олигархами...

Это уже стало печальной традицией. Помните сакраментальное ельцинское: «Я сокращаю перечень стратегических предприятий в пять раз... Такой указ мною подписан».

Не внемлют господа приватизаторы, и никакие резоны им непонятны. А ведь ещё Аристотель утверждал: богатство — не во владении, а в пользовании. Прудон сказал и того резче: собственность

есть кража. Граф Сен-Симон был не против частного труда, но свято верил в прогресс морали и возглаголал: по-настоящему эффективны только те стимулы к труду, что основываются на понятиях справедливости и морального удовлетворения, поэтому «от каждого по способностям — каждому по труду». Утопист, конечно же, но среди его утопий идея общеевропейского парламента...

В кибуцах (израильских колхозах) вообще до сих пор предпочитают марксову формулу — «каждому по потребности» (иначе — всем по-ровну) — и ничего, справляются, всё на доверии. При общей численности колхозников в сто тысяч человек обеспечивают почти половину сельскохозяйственного производства Израиля.

Есть одно «но». Госкапитализм в его нынешнем фазисе и в самом деле неэффективен. И в наших ны-

нешних условиях почти не имеет будущего — как всё, обречённое на заклятие и терпящее системные обрушения. В ресурсных отраслях — потому что слишком прибылен, и эту прибыль в них научились прятать не хуже, чем Клоу прятал кроликов в цилиндре. В госкорпорациях — потому что они изначально создавались под последующую приватизацию. В мизерном сегменте народных предприятий так ничего и не забрежжало.

Долгие годы высоких цен на нефть (даже с поправкой на то, что в фискальные органы поступало неизмеримо меньше возможного) привели к социальной стагнации общества и серьёзным мутациям в ментальности населения — в первую очередь молодёжи. Офисных трясугозок уже давно убедили, что общественная собственность не нужна и неэффективна по определению.

В нынешней России «госкапитализм» неэффективен ввиду своей маргинальности, загнивания в угол. Госсектор создан режим наименьшего благоприятствования. Он уже нежизнеспособен — как отбившийся от прайда львёнок, даром

что царь зверей. Мы бы и примирились с этим, но международная ситуация в последний год осложнилась до предела, что в корне меняет и подход к экономике. Во всём мире признаётся один фундаментальный закон: в случае форс-мажора, когда экономика переходит в мобилизационный режим, государство просто обязано отложиться в сторону рыночные инструменты и взять в руки нерыночные, командно-административные.

Режим внешних санкций и стал для нас форс-мажором, настоящим испытанием для экономики России.

Только коллективными усилиями и справедливым распределением общественных благ можно добиться экономической безопасности. Это — сверхприоритет, он заповедан народной мудростью на всех языках мира. Цена человеческим отношениям познаётся в беде, точно так же — и производственным. К чёрту внутривидовую конкуренцию — встают приоритеты всего рода. И если испытание бедой пройдено успешно — значит, действовали правильно, артельно,

Солдат всегда солдат

Когда началась война, он прибавил себе год и пошел под призыв 1924 года рождения. Был ранен в боях, награждён орденом... Из этого призыва осталось в живых всего три процента... О судьбе поколения 1924-го написано много воспоминаний, книг, но вся правда о нём так и не сказана.

Когда Дмитрий Язов решили назначить министром обороны СССР, он служил уже пятьдесят лет. Кто же мог предположить, что он, фронтовик, пробившийся в военную элиту из самых низов, станет последним маршалом Советского Союза, а на склоне лет окажется в тюрьме с формулировкой «за измену Родине». На свободу он вышел уже в совершенно другой стране...

Дмитрий Язов. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. М.: Центрполиграф, 2014. — 316 с. — 2000 экз.

Дмитрий Язов. Карибский кризис. М.: Центрполиграф, 2014. — 445 с. — 2000 экз.

Об этом небывалом пути Дмитрий Язов и рассказывает в книге «Удары судьбы». Служба в самых различных уголках нашей Родины — от Карелии до Дальнего Востока. Воинская работа за её рубежами — Куба, Чехословакия, Афганистан... Места, где решались судьбы страны и мира. Встречи с самыми примечательными людьми эпохи — Хрущёв, Брежнев, Андропов, Горбачёв, Ахромеев, Кастро, Цзян Цзэмин, Ким Чен Ир, имам Хомейни, Буш...

И вот к какому выводу он приходит, осмысляя пройденное и пережитое:

«Все наши проблемы заключаются в том, что мы, русские, всегда готовы выйти в открытое поле и принять бой. Но мы не ведаем, как противостоят подлости. Нам ещё предстоит научиться встречать подлость и предательство во всеоружии... Но я бы не советовал увлекаться популярной игрой в Апокалипсис. При наших-то возможностях — это малодушие. Надо верить в созидательную энергию русского народа».

Вторая книга посвящена «Карибскому кризису», в дни которого советский офицер Дмитрий Язов служил на Кубе.

«Кризис был, пожалуй, самым острым и опасным эпизодом холодной войны, когда советско-американские взаимоотношения достигли критической черты. Стороны стояли на грани всеобщей ракетно-ядерной войны, а Куба оказалась в самом эпицентре тех событий», — вспоминает он. Но мысль его постоянно возвращается в современность: «Новый мир — новые реалии, которые требуют от политического руководства России политической мудрости, железной воли, настойчивости и твёрдости, решительности действий. А самое главное — чёткого понимания и жёсткого отстаивания национальных интересов России. Любая уступка, сделанная из благих намерений, расценивается нашими оппонентами и недругами как слабость и неизбежно приводит к новым и новым потерям. В этом смысле уроки Карибского кризиса, на мой взгляд, нами до конца ещё не усвоены, не проанализированы и не взяты на вооружение».

И вот ещё примечательная мысль из книги, которую нельзя не привести:

«Я каждый раз задаю вопросом: как так получилось, что маленькая Куба смогла выйти победителем из неравной схватки с американской сверхдержавой? Откуда у крошечного острова в океане столько твёрдости? Откуда у его мирных жителей столько мужества, стойкости, решимости и веры в себя? Откуда взяла силы эта маленькая нация, население которой на протяжении многих веков пребывало в колониальном и полуколониальном состоянии, собирая сахарный тростник на плантациях американских богачей и убажывая богатых туристов?»

Кубинцы нашли в себе силы выступить против рабства духовного, психологического, внутреннего. Любовь к своей стране, патриотизм, возведённый в ранг государственной идеологии, стали основой того духа, о котором сломали себе зубы американские империалисты. Кубинцы показали себя нацией, достойной самого глубокого уважения».

ДМИТРИЙ МАКАРОВ

всем миром, на общее благо, забыв о частной выгоде.

В последнее время мы снова слышим о планах правительства продолжить приватизацию в ключевых отраслях — и особенно в ресурсной. В списках стратегических предприятий, подлежащих приватизации, мы видим те, что демонстрировали стабильно высокую эффективность. Делается это вопреки нарастающей в социуме потребности ограничить интересы частного сектора экономики. Ведь Запад заваливает нас санкциями до полного изнеможения. Нефтяные котировки падают, а с ними и курс рубля. Рухнет торговля, многие потеряют работу... Разве не форс-мажор? По всем правилам мы должны готовить экономику к мобилизационному режиму, а вместо этого опять корыстные химеры приватизации...

Отсутствие логики и здравого смысла? Да нет, логика-то есть, но всё та же — антисоциальная, в духе гайдаризации начала 90-х. Хотя и под патристическую риторику...

ГЕННАДИЙ ДУДАРЕВ

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«События вырастают из глубины...»

В жизни Юрия Беликова не было лёгких периодов

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Юрий Александрович БЕЛИКОВ – поэт, журналист. Родился 15 июня 1958 года в городе Чусовом Пермской области. В 1980-м окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор четырёх книг – «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой» и «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов», лауреат литературных премий: имени Павла Бажова, Алексея Решетова и Антона Дельвига. Основатель трёх поэтических групп – «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х) и «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов». Входил в редколлегия журнала «Юность», был собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором «Труда». Стихи, кроме периодики, публиковались в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антологии русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов», «Гениальные стихи» и др. Включены в антологию «10 веков русской поэзии» Евгения Евтушенко. Награждён орденом Велимира «Крест поэта» и орденом Достоевского 1-й степени. Живёт в Перми.

того количества, что представлены на одном сайте.

— Много званных, но мало... «дикороссов». «Дикороссы» безошибочно опознают друг друга. На прошедшем вручении «Дельвига» ко мне подошёл человек: «Вы ведь Юрий Беликов? Вождь «дикороссов»?» (Это звучало примерно как «вождь краснокожих»). И вручил мне книгу, так и подписав: «Вождю «дикороссов» (к которым я себя отношу)». «Дикороссы» — не совсем проект. Они были до меня и будут после. Это врождённое или приобретённое чувство края бытия. «Дикороссом» был Лермонтов с его «Люблю Отчизну я, но странною любовью». «Дикороссом» был растоптаный Белинским Владимир Бенедиктов, выдохнувший: «Я — на Чортовом мосту!» «Дикороссами» были Павел Васильев, Николай Клюев. А далее — Аркадий Кутилов, Леонид Губанов, Лев Таран... Два года назад, на Воложинском фестивале в Коктебеле, где «дикороссов» представляло мощное сибирское крыло в лице Марины Саввиных, Сергея Кузнецких и Виталия Науменко, ко мне начали подходить люди, убеждающие, что у них есть «дикоросские» стихи. Едва глянув на бурятского поэта Амарсану Улзутуева, изрыгающего «А копыта коней широкие, как лапы...», я убедился: типичный «дикоросс»! А когда прочитал в подаренной мне книжке Маши Малиновской из Гомеля, чьё лицо в вешушках напоминало старательский лоток золотискателя: «В церквях упорно ставлю свечи за висельников и дворян», понял, что её автор наделён вполне «дикоросским»

сознанием. Помнишь, Брюсов вопрошал: «Где вы, грядущие гунны?» Успокойтесь. Мы здесь. И ещё объявляю.

— А откуда у тебя взялся титул «Махатмы российских поэтов»? Что это вообще за должность такая?

— Иван Жданов, который родом с Алтая, как-то подписал мне своего «Фоторобота запретного мира»: «Коронованному алтайцу от некоронованного». В год 1989-й на Алтай, где в Бийске проходил 1-й Всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», съехались-слетались подпольные поэты ещё не поделённой империи. А раз это Алтай, овеянный легендами о Шамбале, то выбирали не короля поэтов, а махатму. И так случилось, что жюри в чёрную мантию махатмы обрядило меня. Говорят, полголоса не хватило Жене Ройзману, а то бы он был махатмой, а не мэром Екатеринбург. Ройзман, когда ещё ходил в депутаты Госдумы, как-то мне признался: «Стихи — дело-то серьёзное. Самое, может, серьёзное из всех!» Все бы теперешние и будущие мэры так мыслили!

— Неоднократно о тебе писали, что не пишешь стихи со своими стихами ни в какие рамки. Да я и сам писал что-то подобное в рецензии на твою книгу. А куда ты пишешь стихи? Как бы ты обозначил своё место?

— На днях мне матушка моя сказала: «Ты — нестандартный. Как на тебя одежду покупать? Некоторые наденут — любой костюм подходит». Авангардисты говорят: «Так он же традиционалист!» Традиционалист: «Так он же авангардист!» Это меня устра-

ивает. Мне нравится есенинское: «Розу белою с чёрною жабой я хотел на земле повенчать».

— Но может ли сейчас у поэта быть своё место? Мы ведь постоянно сталкиваемся с таким явлением, как проекты. Вроде «Фабрики звёзд», только в литературе. Симпатичная девочка с высокой грудью всегда победит на публичных чтениях охающего стихотворца среднего возраста, пусть он даже окажется Николаем Заболоцким. Слёзы, литфестивали и выступления в рестораничках — всё это далеко от того, что совсем ещё недавно считалось поэзией.

— Мой красноярский друг Сергей Кузнецких, например, переназначил общеизвестное: «Поэт в России меньше, чем сержант...» Думаю, что на равных правах существует как этот вариант, так и хрестоматийный. Допустим, я до сей поры, если не вападаю в депрессию, верен собственному заблуждению, что место поэта нечто вроде миссии священника, только с более широкими полномочиями...

— О тебе легенды ходят, вон, даже уже не раз упомянутый Евтушенко написал, что ты — потомок Филиппа Беликова, служившего при Анне Иоанновне в ипостасях алхимика и экономиста, ставшего впоследствии узником Шлиссельбурга, а затем ссыльным на Урале. А легенда — это то, без чего поэта быть не может. С другой стороны — времена изменились. Кому нужна эта легенда?

— А вот когда я, как сейчас ты, начинаю забрасывать себя депрессивными вопросами, то прихожу к мнению, что эта легенда не только не нужна никому, кроме великого романтика Евтушенко, она не нужна даже мне. Как, собственно, и книги, которые мы пишем и издаём. Недавнюю свою книжку «Я скоро из облака выйду» я умудрился закончить так:

Скряга я пусть, сквалыга, ступник, чернец в дому, только нет слаще миса — звать: у тебя есть книга, отданная — Никому!

Иногда мне мнится, что поэзия и вообще художественное преображение читателя — из разряда человеческих рудиментов. Но вот, предположим, на днях оказался на пермском вешевом рынке. Долго примеряю пиджаки (поскольку я нестандартный) и друг с си-

яющими глазами является мне симпатичная девушка и, протягивая листок бумаги и авторучку, просит у меня автограф. Не на фестивале поэзии — на вешевом рынке! Я, конечно, мог сыграть в Савелия Крамарова из «Джентльменов удачи», который, когда у него попросили в фильме автограф, молвил: «Чего нет, того нет!», но уж больно это было поразительно, и мои пиджачные ставки в глазах изумлённых продавцов резко повысились...

— Многие годы ты работаешь журналистом. Не только о литературе писал, но и о стройках, и об НЛО, и ещё много о чём; приходил работать в редакции, уходил, числился собкором, спецкором... Это любовь к журналистике такая или просто на хлеб зарабатывать?

— Как-то бродил вдоль камского залива, и Бог одарил меня экспромтом:

*Господь не читает всех ваших газет!
А, впрочем, наверно, и клип не читает...
Есть белый, давно им прочитанный,
Свет.*

Его перечитывать — сил не хватает.

Какая, к чёрту, любовь к журналистике?! Я и сейчас вынужден на хлеб зарабатывать таким вот способом. Другое дело, что ко всему привык относиться добросовестно — не жалея палитры. По этой причине кто-то меня знает больше как журналиста, нежели поэта. Помню, в одной пермской компании хозяйка квартиры, куда набилась богема, представляет гостей друг другу: «Это — бард, это — поэт, это — балетмейстер...» И, глядя на меня: «А это — журналист!» Я вида не подал, но мысленно ей поаплодировал. Когда-то я написал: «...если поэта, как рыбу, жизнь вернула в газету...» Да, «завернула». И это не проходит бесследно. Человек распинает собственные мозги, время и сердце. Что остаётся?.. Однажды Виктор Астафьев, который, как известно, прошёл через «литрабство» в «Чусовском рабочем», сказал: «Тут нужно быть беспощадным: работая в газете, я осквернял родное слово. Конечно же, я приобрёл в ней какие-то азы, от которых, если ты пожелал стать писателем, уже через год надо было обороняться всеми силами, и мне это удавалось с большим трудом...»

— А чем должен заниматься поэт? Вот если б не было необходимости работать в СМИ и вообще работать, что бы ты делал?

— Сосерцал. Сидел бы у воды. Наблюдал бы за облаками и думал, что, когда они уплывут за горизонт, их увидит моя возлюбленная, и наши взгляды пересекутся. Лицедрел бы, как набухает, а потом распаивается бутон китайской розы — алый, с ярко-жёлтыми пестиком и тычинками — а затем, к концу дня, словно вбирая в себя всё отвратное в мире людей, вянет-погибает и навсегда сворачивается в блёклый жгут. Не замечал? Люди выходят на пенсию: один начинает писать стихи, другой — картины, третий — музыку. А до этого будто бы и не жили! «Созерцательное отношение к жизни», когда-то заклеймённое, — вот, оказывается, то главное, что даётся человеку на Земле.

Беседы вёл Игорь ПАНИН

Три обязательных вопроса:

— В начале XX века критики наперебой говорили, что писатель измелчал. А что можно сказать о нынешнем времени? Почему писатели перестали быть «властителями дум»?

— Книжная пыль — самая тяжёлая и вредная. А «властителями дум» перестали быть не только писатели нынешние, а вообще — все, начиная с Гомера. Почему? Потому что человек неисправим. Он сейчас твердит по-пушкински: «Над вымыслом слезами обольюсь», а захопнул книжку — и уже к топору тянется. И чем больше литература пугается человека исправит, тем быстрее она выветривается из людей.

— Можешь ли представить ситуацию «литература без читателя» и будешь ли продолжать писать, если это станет явью?

— Для меня это давно — явь. Я и раньше писал стихи для себя и... для деревьев.

— На какой вопрос ты хотел бы ответить, но я его не задал?

— Вот если б ты меня спросил: «Чем на Земле всё закончится?» Сначала человечество предаст своих поэтов (впрочем, может, они того заслуживают), затем распалится за всё содеянное на Земле, попробует спастись, и, спасаясь, поднимется на лермонтовскую высоту и убедится, что «спит Земля», но уже не «в синие голубом», и ступит на другую планету, и начнёт к ней приторачиваться, и вот тогда — там, на другой планете, оно вспомнит главный свой земной атавизм — поэзию.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Планшетная проза

Это повествование одессита, который был непосредственным свидетелем событий 2 мая. «Девять дней», где художественное изображение соседствует с документальной хроникой и её стилизацией и границей между ними размыты, — можно назвать романом-стримом (стрим — видео прямо с сервера, без загрузки на локальную машину).

Герой, он же автор, помышляет о написании сценариев. Его сознание вполне «кинематографично». (Редкие эпизоды, когда Венья расслаблен и погружен в «златое безмыслие», — чтение на одесском прибрежном склоне сценариев любимого Шпалюкова.) Но подручные технические средства, задействованные в видеоряде «Девяти дней», ограничены «планшетной» стилистикой. Одесские события таковы, что ни режиссёр-«бесого», ни ангел, который «кричит в огромный рупор», не в состоянии были бы образумить исполнителей. Автор может довольствоваться лишь ролью стримера. Он не всегда успевает осмыслить происходящее — только транслирует его. По мере возможности вклинивается с отстранёнными комментариями или ретроспективными отступлениями. Но даже когда темп действия спадает, сознание продолжает «стримить». От планшета нельзя требовать совершенного изображения и оптимальной картинности. Его обладатель далеко не всегда волен в выборе ракурса. У стрима — другая «оптика». Но она позволяет охватить то, что не попадает в кадр к профессиональному телерепортеру. Планшет фиксирует и голоса улиц, и

прямоу речь стримера, которые могут обернуться и против персонажей, и против автора... Узвизмой позицией, саморазоблачительными проговорами стримеру приходится платить за эффект присутствия. Как эти голоса неотделимы от стрима, так узвизмая прямая речь персонажей «Девяти дней» неотделима от ткани повествования.

3 мая герой садится писать репортаж для российского издания: «*Бывает состояние, когда необходимо срочно выговориться, потому что невозможно держать боль*

Всеволод Непогодин.
Девять дней в мае:
Роман. — Нева, № 10, 2014.

в себе. Хочется поскорее растаться с багажом тяжёлых слов, придавливающим человеческое сердце...» Речь идёт не только о журналистском репортаже, но и о написании романа. Скорее всего, автор дорожит некоторыми непринудимыми впечатлениями от увиденного — и не может предпочесть им литературную правду. А жизненная правда оказывается недостаточной убедительной. Например, типажи, выхваченные в толпе антимайдановцев, готовящихся к столкновениям: мужик с топором, условный «мясоруб с Привоза», «колоритная дама с сигареткой в зубах... со скалкой и деревянной доской для резки овощей». Вероятно, это тот случай, когда жизнь подкупает автора литературностью, подсовывает готовый кадр... Но предполагается, что оператор качественно поработает над этими портретами, над крупными планами этой уходящей природы...

Автору «необходимо срочно выговориться», потому что Одесса «ушла» скоропостижно. После 2 мая её общественно-политический, культурный пейзаж изменился и оскудел молниеносно. Уходящая натура исчезает из поля зрения — остаётся

Венья обходится без длинных периодов. Любой из девяти дней романа может распастись на публицистические колонки.

Венья охотно представляет коллективное бессознательное своей части Одессы. Суждения героя легковесны. Он словно готовится к выходу на какое-нибудь телевизионное ток-шоу, оперируя идеологическими клише, столкновения с которыми не выдерживает «новая правда» одесской интеллигенции. О чём это говорит? Только о невысокой ценовой категории той «новой правды», которую можно без труда посрамить таким спором. С чего бы герой выбирать благородное оружие для поединка с публикой, которую можно (и нужно) гнать поганой метлой? Не станет же Венья беседовать со жлобом на Привозе о своём любимом Шпалюкове. Так с какого праздника ему вступать в полемику с выходящей интеллигенцией и самопровозглашёнными интеллектуалами Одессы, да ещё по их правилам? Нет, только безжалостная дымовуха под дверь — туда, где курится фамиам поэту Херснимскому: «*Они наивно верили в то, что новая независимая Украина непременно одарит их всеми благами цивилизации за неумелые пересказ баек Утёсова и знание рецепта приготовления фаршированной рыбы. Чуда не случилось, и леньвые бабунки оказались на обочине жизни. Им постоянно приходилось унижаться. Каждые выходные либеральные тугодумы ходили утром по Привозу и с важным видом пробовали балык, творог и брынзу. Они имитировали дегустиацию с целью последующей приобретения продуктов, а на самом деле пытались досыта наестся бесплатными ку-*

сочками. Продавщицы вскоре раскусили трюк никогда ничего не покушавших снобов и стали гнать их половыми тряпаческие колонки.

В романе нет никакого психологизма. Но психологический портрет героя проступает чётко, достигается это средствами простыми и бесхитростными, скорее всего, непривычными.

Венья со своим планшетом может бесцеремонно заявиться в мастерскую к скульптору Салмановскому, чтоб сфотографировать памятник Хрущёву, переделываемый в Ойстрахе... Поэт Херснимский и его друг Салмановский организовали сбор средств на памятник скрипачу Ойстрахе. А памятник уже готов: Салмановский-старший когда-то изваял Хрущёва. «*После смерти отца и Ойстраха младший Салмановский чуть видоизменил лицо Никите и присоветил ему скрипку*». Эпизод с аферой, придуманной Херснимским и его другом Салмановским, — разумеется, выдумка. Но прототип персонажа Херснимского действительно специалист по подменам: рядить себя в тогу Бродского — всё равно что Хрущёву «присобачивать» скрипку Ойстрахе. Прототип Херснимского умеет сделать гешефт на просиди Бродского. А потом «долго и нудно рассказывать», почему Иосиф Александрович сам виноват... Ну а фейбучная «публицистика» Херснимского об одесской трагедии — вообще образец подмены понятий. Венья отравлен той Одессой, где торжествуют Салмановские и Херснимские. Но другой интеллигенции у неё для него нет...

Проезд:
от ст. м. «Курская» — трамвай № 24 (до ост. «Доброблодская ул.»);
от ст. м. «Красные Ворота» — троллейбус № 24 (до ост. «Ул. Радио»);
от ст. м. «Бауманская» — трамвай № 37, 45, 50 (до ост. МГУ им. Н.Э. Баумана)

Телефон для справок:
+7 916 931 96 62
Программа конференции на сайте
www.lgz.ru

Научно-теоретическая конференция
«Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство»
(к 60-летию писателя)
10 ноября 2014 г.

Участствуют известные учёные, филологи, историки литературы, писатели из Москвы, других городов России, СНГ.

Регистрация участников (10:00-11:00)

Конференция состоится по адресу: 105005, Москва, ул. Радио, 10а. Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный областной университет. Зал заседания учёного совета, аудитория № 78.

Конференция состоится по адресу: 105005, Москва, ул. Радио, 10а. Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный областной университет. Зал заседания учёного совета, аудитория № 78.

Телефон для справок:
+7 916 931 96 62
Программа конференции на сайте

www.lgz.ru

Андрей ДМИТРИЕВ, ХАРЬКОВ

ПАМЯТЬ

Булычёву – 80, или Универсальный писатель

Под этим именем нескольким поколениям читателей был известен учёный-историк, доктор исторических наук Игорь Всеволодович Можейко (1934–2003). Сам писатель признался однажды, что даже его коллеги по работе из Института востоковедения долгое время не подозревали о «второй работе» учёного и никак не связывали имя фантаста «Кир Булычёв» с уважаемым доктором наук И. В. Можейко.

Писатель родился в 1934 году в Москве, окончил Московский педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза с дипломом востоковеда. Затем он несколько лет работал в Бирме, объездил множество других стран. В середине 1960-х годов Игорь Всеволодович пришёл на работу в Институт востоковедения РАН, которому остался верен до самой смерти.

В 1960 году в печати появились его первые публикации – очерки о Бирме. А несколько годами позже, в 1965-м, в журналах замелькало новое имя – писателя-фантаста Кира Булычёва: сначала появился рассказ-мистификация «Долг гостеприимства», а затем и первые новеллы из ныне знаменитого цикла детской фантастики – «Девочка, с которой ничего не случится».

Творчество Кира Булычёва, до конца жизни удерживавшего статус одного из самых популярных фантастов России, хорошо известно уже трём поколениям читателей. Десятки книг очень разной и удивительно доброй, мудрой фантастики – будь то детские повести про Алису Селезневу, «космическая» серия о докторе Павлыше, весёлые и грустные истории о славном городе Великий Гусярь или совсем «взрослый» цикл произведений под общим названием «Река Хронос». Многие повести и романы Булычёва стали классикой современной российской научной фантастики – «Меч генерала

ИРИНА ЛАС

Бандулы» (1968), «Последняя война» (1970), «Люди как люди» (1975), «Летнее утро» (1979), «Перевал» (1983), «Посёлок» (1988), «Похищение чародея» (1989), «Агент КФ» (1986) и многие другие. Едва ли меньшей популярностью пользуются художественные и анимационные фильмы, снятые по произведениям и сценариям Кира Булычёва. Назовём только самые знаменитые из них: «Тайна третьей планеты», «Перевал», «Шанс», «Через тернии к звёздам», «Гость из будущего». За сценарий фильма «Через тернии к звёздам» писатель в 1982 году был удостоен Госпремии СССР.

Игорь Всеволодович, человек колоссальной эрудиции, постоянно удивлял своей уникальной работоспособностью и многосторонностью. Помимо произведений художественной прозы и научных монографий, из-под его пера вышло большое количество книг самой разнообразной тематики: научно-популярные издания по истории, нумизматике, фалеристике, критические и литературоведческие очер-

ки... И уж совсем немногие знали, что Игорь Всеволодович – замечательный художник-пейзажист и остроумный поэт, автор трёх поэтических сборников, вышедших небольшими, коллекционными тиражами: «Я пришёл к тебе с пакетом / Рассказать, что Солнце село. / Что Луна и все планеты / Взвзаты по тому же делу».

Писатель никогда не вступал ни в какие творческие союзы, трепетно относился к личной свободе, пренебрегал наградами и регалиями. Может быть, поэтому жанровых премий в коллекции писателя не так много – приз читательских симпатий «Сигма-Ф», «Бронзовая улитка», «АБС-премия»... Только в 1997 году он согласился наконец принять старейшую отечественную награду в области фантастики – премию «Аэлита».

В конце 2003 года увидела свет последняя книга писателя – роман-сказка «Убежище». По итогам читательского голосования, состоявшегося на конгрессе фантастики «Роскон», она единодушно была признана лучшей фантастической книгой для детей прошедшего года. Увы, сам писатель не успел увидеть роман изданным. Пятого сентября 2003 года Кира Булычёва не стало.

После смерти знаменитого фантаста редакцией старейшего отечественного журнала фантастики «Если» (увы, уже не существующего) была учреждена Мемориальная премия им. Кира Булычёва, которая с 2004 года ежегодно присуждается за лучшее фантастическое произведение с ярко выраженным гуманистическим посылом.

Главное испытание для любого писателя – испытание временем. По счастью, Кир Булычёв это испытание выдержал: его книги регулярно переиздаются и пользуются неизменной любовью у читателей разных возрастов.

Евгений ХАРИТОНОВ

СКАНДАЛ

Против клеветы и самоуправства

Открытое письмо писателей членам СРП

15 октября 2014 года в «Доме Ростовых» на Поварской улице в Москве состоялось так называемое Открытое писательское собрание, в котором участвовала первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Владимировна Василенко.

Без согласования с правлением, без обсуждения с писательским сообществом С. В. Василенко делегировала себя в качестве полномочного представителя нашего союза на мероприятие, участники которого оклеветали советника Президента по культуре Владимира Ильича Толстого.

С пренебрежением к нормам демократии и человеческой порядочности, без решения правления, без выяснения мнений писателей материала этого собрания были опубликованы 22 октября 2014 года на официальном сайте Союза российских писателей, а 27 октября были спешно удалены, что прямо указывает на признание самим публикатором своей недобросовестности.

С. В. Василенко хорошо понимала, что в случае предвзятого обсуждения этих материалов ей не удалось бы внушить писателям, которые участвуют в реальном литературном процессе, что Владимир Толстой (цитируем) «место делового сотрудничества, внимания и поддержки

литературных талантов поощряет в творческой среде доносительство», «прибегает к постыдным приёмам – угрозам, шельмованию» и т.д.

Если бы Василенко решила отстаивать эти измышления перед нами, прежде чем их публиковать, ей не удалось бы выступить от имени всего Союза.

Мы знаем Владимира Толстого с 90-х годов – не только как публициста, издателя, музейно-работника, но и глубоко порядочного человека. Мы знаем и помним, что именно он ещё в 1996 году основал и на протяжении 18 лет организационно обеспечивал Международные Яснополянские писательские встречи, был и остаётся душой и руководителем этого форума, который снискал уважение писателей России, славистов, переводчиков, учёных, литераторов из разных стран мира. Эти встречи сегодня являются одной из наиболее конструктивных площадок культурного сотрудничества и диалога между представителями разнонаправленных течений в русской и мировой словесности. Мы знаем Толстого как человека, который стоял у истоков одной из самых авторитетных литературных премий в стране «Ясная Поляна», отмечающей все заметные и яркие таланты нового вре-

мени. Мы знаем об издательских программах Толстого, которые поддерживают выпуск книг и грантами литераторов по всей стране. О его реальной поддержке отечественных «толстых» журналов. О его инициативе учреждения Года литературы в России.

Принимая в обход законных процедур свои единоличные решения, Василенко хотела переложить на членов СРП ответственность за свою несамостоятельность и злоупотребления полномочиями председателя правления Союза российских писателей. Но Светлана Владимировна ошиблась, если думала, что мы безропотно примем любые её решения.

Мы заявляем С. В. Василенко своё недоверие как руководителю СРП и призываем добровольно сложить с себя полномочия первого секретаря правления Союза российских писателей.

Мы также сообщаем, что наше письмо открыто для подписей всех писателей, которые разделяют нашу позицию и взгляд на нынешнюю ситуацию в СРП.

Члены Союза российских писателей:

Павел БАСИНСКИЙ, Алексей ВАРЛАМОВ, Борис ЕВСЕЕВ, Владимир ОТРОШЕНКО, Олег ПАВЛОВ

разделяет возмущение литераторов, подписавших публикуемое обращение в связи с хулиганскими травлями Владимира Толстого, развязанной И. Переверзинным, С. Куняевым и примкнувшей к ним С. Василенко. Справедливости ради нужно добавить, что ещё один член руководства СРП всегда горячо поддерживал адекватных людей из литфондов. Речь идёт о питерском писателе Михаиле Кураеве, принимавшем, кстати сказать, самое активное участие в прословутом майдане на Поварской, о котором мы подробно писали. Мы поддерживаем позицию Павла Басинского, Алексея Варламова, Бориса Евсеева, Владимира Отрошенко, Олега Павлова и считаем, что их выступление – это шаг к оздоровлению литературного сообщества.

ШТУДИИ

По Графоману тоскую...

Тоскую по громадному, честному, былому Графоману. Такому настоящему, с толстой рукописной, плотно зашнурованной папкой. Только увидевши его на пороге редакции (а он почему-то любил по обыкновению белую суконную – парадную! – одежду и летом иногда соломенную с широкими полями шляпу), только заглянешь в рукопись – и всё сразу ясно: Графоман. Где ты, дорогой человек, великий проектор, мечтатель, радель за всемирную справедливость? Нету тебя. Вымер, как мамонт.

А кто остался взамен? Свято место пусто не бывает? Не бывает. Взамен остались ладненские, гладненские, лысенские слонки, похожие на скингедов в отличие от мохнатых мамонтов. Иногда до того гладенькие, что кажется – марморные. Да и графоманами их сразу не назовёшь, с ходу не распознаешь. Особенно в стане стихотворцев.

Техника стихосложения на высоком уровне, как правило. Плюс изощрённость форм и тропов. Всё знают, всё умеют, всему обучены. Верлибр – на западный манер, частенько без знаков препинания. А если рифма, то уж такая закрученная, что сам Семён Кирсанов, виртуоз из виртуозов, языком бы, пожалуй, прищёпнулся от восхищения!

Слушая или же читая их молодые, отлично скроенные стихи, ты искренне восхищаешься и думаешь про себя: «Вот же племя народилось! Они ошеломят мир, они перевернут устаревшие представления, они, они...»

Но вот что удивительно: только окончилось чтение, только вышел из зала, через какой-то десяток шагов по улице, сию же минуту, что слушал, чем восхищался, вдруг с ужасом осознаёшь – не можешь вспомнить ни строчки! Да какое там строчки, ты вообще не помнишь ничего. О чём это было? Что это было? И было ли что-то вообще?

И понимаешь – тебя просто надули... не фокусники даже, а ловкие жулики, разводящие людей на «шарики-марки».

Напёрсточники!

Боже ты мой, что же это за чародейство творилось в зале? Ведь владел,

черты, всеми приёмами стиха, могут что угодно наворотить... а стихи через несколько минут ссымаются в память, как ссымаются самые затейливые, невероятные сны.

И со временем приходит осознание – да это же новый вид или подвид графомани! Техника есть, величия нет...

Вот-вот, ключевое слово нащупано – величие. Вспоминается прекрасная, печальная ода графоману 60-х годов, пропавшая Ярославом Смеляковым. Это о том великом и честном Графомане, которому писатели и редакторы, собираясь за рюмкой в компании, мечтали поставить памятник.

«Памятник Неизвестному Графоману».

В каждой шутке есть доля шутки. Кормились от громадных рукописей Великого Графомана многие профессионалы. Внутренние рецензии в советских издательствах очень неохло оплачивались. Очень!

Вот строфа из оды Смелякова «Поэты»:

«...замыслов величие
Их души собственные жгло,
Но сквозь затвор косноязычья
Пробиться к людям не могло...»

И – совершенно независимо от Смелякова – Анна Ахматова говорила о том, что в конечном итоге всякое состоявшееся произведение оценивается по величию замысла. Смеляков же в отличие от Ахматовой отожился воспеть и несостоявшихся. Несостоявшихся гигантов.

Вот чего недостаёт нынешнему гладенькому, чистенькому, виртуозному графоману, каким-то чудом или чародейством преодолевшему тот самый «затвор косноязычья», о котором писал Смеляков, недостаёт величия замысла.

Как ни крути, как ни верти, а если два таких разных поэта, как Смеляков и Ахматова (да и не только они!), говорят об одном и том же, ставят один и тот же диагноз, нельзя не прислушаться. И не затосковать...

По Графоману тоскую...

Вячеслав КИТЕНКО

ВПЕРВЫЕ В «ЛГ»

Квантовый ритм

Поэзия – прежде всего здесь и сейчас трюм: кризис мироздания, скрепляемый лишь сугубо личностным дыханием и – вдохновением автора. Это особое царство: вдруг – где решение любых «последних» вопросов самодежно и симфонично... в своей ложительной неразрешимости. Среди самой Вечности и тайне Бытия. Вся эта парадоксальная содержательность органично преисполняется в творчестве молодого русского поэта Вадима Черемных, открывшего для себя ни много ни мало «Белый» космос в его внелоговеческой объективности: «без нулей» и «единиц» – и одновременно (=одноречно!) в его «юной», вечно смелой пассионарной открытости: «ветру ноября». Совершенно-квантовому ритму и собственно космоса, и собственно стихов: души – нашего перекрёстного: «автостопом» – дебютанта.

ПЁТР КАЛИТИН

Вадим ЧЕРЕМНЫХ**ЧЁРНЫЕ ЛОШАДИ**

*Нескромная осень – остывшая сталь
Туней парикмахерской бритвы.
А город безмолвней причёсан под ноль,
В гримёрке помадой – молитвы.*

*Гвоздями прогнулся худой календарь,
Здесь празднично красные лимбы.
Ветра, выдувайте из раны всю соль,
С голою – маскарадные нимбы.*

*А чёрные лошади – ветр ноября
Длора тяжёлая кода.
Срываюся к дьяволу все якоря,
Чтоб сгнупть в проблеме болота.*

*Артист заползает на сцену – как в кров,
И рампа темлом согревает.
Артист оживляет холодную роль,
На минном помосте играет.*

*Он стал неотъемлемой частью ветров,
Срываюся старые маски.
Какой будет боли богатый улов,
Как выцветут мёртвые краски!*

*Пусть чёрные кони в театр ноября
Прокрадут надменный голопом.
На дне затопились мои якоря.
Взлетела душа – автостопом.*

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

«Пламя» – Лермонтову

Вышел в свет новый номер журнала «Пламя» («Пламя»), посвящённый 200-летию великого русского поэта и писателя Михаила Юрьевича Лермонтова.

Журнал «Пламя» основан в 1924 году великим болгарским прозаиком, поэтом, антифашистом Гео Милевым. В последние несколько десятилетий журнал возглавляет известный болгарский поэт Георгий Константинов, автор около 30 поэтических сборников, около десятка детских книг.

Верная своим традициям, редколлегия журнала представляет лучшие переводы стихов поэта, осуществлённые как известными болгарскими поэтами и переводчиками: Петром Велчевым, Андреем Германовым, Григором Ленковым, Любом Любеновым, Стояном Бакърджиевым, Найденом Вилчевым, так и новыми молодыми переводчиками из провинции: Георгием Ангеловым, Татьяной Любеновой, Георгием Христовым.

Юношеские стихи Лермонтова перевёл и вынес на суд читателей молодой переводчик Димитр Карачивев. Редактор журнала Румен Шомов, награждённый в 2014 г. Союзом переводчиков Болгарии за яркий перевод

произведений Альберта Лиханова и Светланы Савицкой, в новой, переработанной редакции представил перевод 2-й части «Героя нашего времени».

В разделе «Литературная критика XIX века» помещена малоизвестная статья Николая Гумилёва «Читатель», касающаяся стихотворной техники Михаила Лермонтова. Эпистолярное наследие поэта, опубликованное в журнале в переводе Георгия Германова, даёт представление о литературных связях поэта.

В номере в разделе «Новая болгарская поэзия» опубликовано стихотворение известного болгарского поэта Матвея Шопкина «Обращение к Михаилу Ю. Лермонтову».

Номер богат иллюстрирован редкими рисунками самого автора и репродукциями великого Михаила Врубеля. На встрече главного редактора журнала Георгия Константинова и руководителя представительства Россоотрудничества в Болгарии Виктора Баженова были обсуждены вопросы дальнейшего сотрудничества.

Они всегда пребудут молодыми

III ежегодные литературные чтения «Они ушли. Они остались» памяти поэтов, ушедших молодыми в конце XX – начале XXI века, пройдут с 14 по 16 ноября в следующих московских аудиториях: **14 ноября (пятница)** – Российская государственная библиотека для молодежи (ул. Б. Черкизовская, д. 4, м. «Преображенская площадь»). Начало в 18.00.

15 ноября (суббота) – Государственная центральная библиотека им. М.Ю. Лермонтова (ул. Барболина, д. 6, м. «Сокольники»). Начало в 15.30.

16 ноября (воскресенье) – Институт журналистики и литературного творчества (Калашный пер., д. 3, м. «Арбатская»). Начало в 15.30, круглый стол в 18.45. На мероприятиях будут прочитаны доклады более чем о тридцати поэтах, среди которых Александр Бародым, Юлия Бондалетова, Марина Георгадзе, Константин Григорьев, Влад Клён, Михаил Лап-

тев, Эдуард Кирсанов, Андрей Новиков, Борис Рыжий, Ника Турбина, Андрей Туркин. В числе докладчиков – Клементина Ширшова, Николай Звягинцев, Алексей Караковский, Владимир Корнулов, Алексей Прокопьев, Алексей Сосна, Наталия Черных, Андрей Щербак-Жуков.

Мелодраматично по стихам ушедших поэтов исполнят актёры Максимилиан Потёмкин и Светлана Андрийчук.

На круглом столе «Поэтическая молодость и ранняя смерть» в воскресенье Александр Лаврин прочитает доклад «Поэт и смерть: быт, экзистенция, выбор пути».

Организаторы и участники памятных чтений – Борис Кутенков, Ирина Медведева, Елена Семёнова. Вход свободный.

Соб. инф.

ЛИТ ИНФОРМБЮРО**ЛИТПРЕМИЯ**

В Санкт-Петербурге наградили лауреатов X Всероссийской литературной премии имени С.Я. Маршака. Лауреатами стали издатель Илья Берштейн («За издательскую самоотверженность»), иллюстратор Михаил Бычков («Лучший художник») и поэт Михаил Яснов («Лучший автор»). Премия в номинации «За лучшую кни-

ЛИТФОРУМ

В Российской государственной детской библиотеке состоялся Всероссийский фестиваль детской книги, объединивший писателей, издателей, художников, редакторов, библиотечарей, преподавателей,

ЛИТБИБЛИЕИ

Драматург Леонид Зорин отметил своё 90-летие. С праздником его поздравил премьер-министр Дмитрий Медведев.

ЛИТПАМЯТЬ

Исполнилось 80 лет известному писателю, культурологу и переводчику Герольду Карловичу Бельгеру, автору многих книг прозы и переводов на русский с казахского и немецкого языков. Он за-служенный работник культуры Казахстана, кавалер ордена «Парасат», лауреат литературных премий. К юбилею писателя в издательстве «Жибек жолы» – «Шёлковый путь» вышли две книги Г.К. Бельгера – «Казахские арабски» и «Влази и рядом».

ЛИТМОЗАИКА

Испанские археологи возобновляют поиски места погребения поэта Федерико Гарсиа Лорки, который, как считается, был расстрелян и похоронен в братской могиле в 1936 году во времена гражданской войны в Испании. Поиски начнутся 17 ноября на площади в 300 квадратных метров на склоне холма недалеко от города Гранада.

ЛИТЖЕСТ

Писатель Михаил Задорнов заявил, что отказывается выступать на территории Латвии. По его словам, такое решение было принято по политическим мотивам.

ЛИТУРАТЫ

В Твери скончался поэт Анатолий Устьянцев. Ему было 63 года.

В Ярославле на 80-м году ушёл из жизни поэт Василий Пономаренко.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный дом литераторов ул. Большая Никитская, 52 Малый зал **5 ноября** – представление серии «Московские поэты» издательства «У Никитских ворот». Ведущий – Максим ЗАМШЕВ Начало в 18.30.

Встреча «ЛГ» с читателями в книжном магазине «Библио-Глобус» состоится 5 ноября в 17 часов в зале презентаций (–1-й уровень). Очерной номер газеты представляет обозреватель отдела «Политика» Владимир Сухолиннов. В справочно-информационном модуле зала № 8 можно оформить подписку на «ЛГ».

Великороссийский глагол

МАКСИМ ЗАМШЕВ

В этой подборке представлены поэты, заслужившие себе в литературе не только известность, но добившиеся того, что их имена прочно ассоциируются с высоким художественным уровнем и безупречным чутьём и вкусом. Михаил Синельников поэт очень тонкий, выстраивающий свою поэзию на деталях. Он пристально всматривается в чувственный мир человека. Каждая его стихотворная строка отделана до блеска, а форма безупречна. Максим

Лаврентьев — достаточно заметная фигура среди поэтов, приближающихся к роковой для мужчины отметке сорокалетия. С каждым своим поэтическим годом он становится всё взвешенней в словах, всё больше уходит к аскетизму в приёмах, настойчиво ища свою единственную тропу на поэтической Олимп. Андрей Шацков из тех, кто стически тянет русскую литературную линию, несмотря на все тяготы этого занятия. Он укоренён в русскую природу, в

русскую эстетику, его талант взращён на национальных художественных ценностях. Александр Хабаров, бесспорно, знает секреты поэтического ремесла. Его строки переворачивают душу. Это прямой и прекрасный поток энергии лучших слов. В каждом из четырёх этих авторов преломляется величие русского слова в разных его художественных ипостасях.

Михаил
СИНЕЛЬНИКОВ

РАВНОВЕСИЕ

Люблю я день прозрачный, чуть осенний
В напывах то прохлады, то тепла,
Пока в траву и на гранит ступеней
Ещё листва покорно не легла.

И равновесие властвует повсюду,
Когда судьба печально сбывается,
И обнялась родственная чудо
Всего со всем таинственная связь.

О, никогда ни в холоде, ни в зное
Так естественно не выступают на свет
Моё существование двойное
И перепады минувших лет!

ЕЛИЗАВЕТГРАД

Памяти Тарковского

Бахчевой пьянящий запах
И черешневый закат,
Это — русский Юго-Запад,
Сербский Елизаветград.

Смех задорных украинков,
Синагоги скорбный мрак,
А за городом — барвинок,
Благотворный буерак.

Вольный шлях, колёсный обод,
Убегающий Ингул...
И татарских степен топот,
И горячих танков гул.

То Григорьев, то Петлюра,
И Гютоуник, и Махно...
Телескоп и партитура,
Стук прикладами в окно.

Горицвет в степи весенней,
Листа колючий клавир,
Подрастающий Арсений,
Черноусый кирасир.

Это — Новая Россия,
Где в костре нетленных лет
Всё горит, горит Мария,
Ногу в стремя ставит Фет.

ПАЛЕХ

Войду ли в чернеющей лак
Сияющей палехской сказки,
Где ночью любой буерак
Святят животворные краски?

Они — на яичном желтке,
И чудится в сонных долинах
Кудахтанье невдалеке
И хлопанье крыльев куриных.

И нежность письма родилась
Из жизни немых, нерождённых,
Как праздника яркая вязь
Из долгих оброков подённых...

Однако настала пора,
Когда, поштрафивши разум,
Велели писать трактора
Смирненным твоим боготам.

Но красный тянулся обоз
Куда-то из чуди в мешёру,
Грустящие рощи берёз
Вставали за старую веру.

ТИШИНА

Пройдись, расхаживая ноги,
Пока машина не видна
И на пустой лесной дороге
Установилась тишина.

Максим
ЛАВРЕНТЬЕВ

ФОТО

Сделал фото. Вижу теперь, что в хвост
на макушке волосы собирая,
с недовольной миной, нарядом прост,
я похож на бедного самурая —
одного из тех, кто идёт босой,
презирая даль, не пугаясь риска
(цаплей по живью, как сказал Басё),
чтобы убивать за мешочек риса,
а потом, под сакурой возлежа,
притворяться спицами на травах сада,
наблюдать украдкой полёт стрижа,
наслаждаться тем, как весна свежа
и как часто-часто трещит цикада.

Услыхав какофонию дня,
закрываюсь от мира мгновенно.

Тебе спешить уже не надо.
Все отлетающие дни,
Как свежий воздух листопада,
В уединении вдохни.

То, что обрёл и что утратил,
Всё воскришает листопад,
Пока постукивает дятел
И сосны старые скрипят.

БРОНЕПОЕЗД

Как разбивается глечик,
Рушилась жизнь и вошёл
В говор улыльких местечек
Великороссийский глагол.

Неодолимая сила
Древней обиды и зла
Тёмной энергией была
И бронепоезд вела.

Так, но и ветер суровый,
Сормовский, злой сорочья,
Мчался зелёной дубровкой,
В топке гудел, клокока.

Даже уездный Касимов
Миру спасение нёс
В лозунах вихрем носимых,
Рвавшихся в битву с колёс.

ПРОВАЛЬНЫЙ ТУПИК

Сквозь годы и лица из вьюжного сна
Бежит весовица, и память нежна.

И место свиданий, Провальный тупик —
Из повести ранней внезапно возник...

Твои неуклонны названия, Москва,
И вязнут вагоны и тонут слова.

Там пар тепловозов и смена бригад,
И долгие и розов на рельсах закаты...

И гулкие годы нагрянули вдруг,
Как ветер свободы и поезды на юг.

МАЙ В ГОРОДЕ

Переулки Покровки, Плющихи дворы...
Снова в мае пейзаж полупуст.
Над тобою в преддверье великой жары
Отцветает сиреневый куст.

От безлюдья замедленной тянутся дни
И отчётливой всё голоса.
Что там — девичий смех или в окнах огни?
Но свободе твоей — полчас.

Манит призрак прохлады в полуденный зной,
Или веет вечерняя мгла,
Переулки — возможность в них жизни иной,
Если б эта продлилась могла.

Андрей
ШАЦКОВ

КАНОН МАРТА

В марте — нету ни славы, ни корысти,
Только одурь от зимнего сна.
Вот уж по теплеет и вскорости
Настоящая зрянет весна.

Вот ужко... Но пока над заливами
Не шелухнут поросов гряды.
И грачи над плакучими ивами
Хрипло плачут от горькой беды.

Плачет стая... А может быть, кается,
Что вернулась совсем не в черёд
В край, где мартовской ночью смыкается
Разошедшийся ополдень лёд.

Где слова той единственной женщине
Зависают в тумане густом.
И не скоро придёт Благовещенье,
И покроется верба листом...

И чтоб сеинуло напрочь безвременье —
Для спасенья души и плоти
Ты канопом средь смуты и темени
Уиконы себя оградил.

А трава ещё вырастет, вырастет.
Домахнёт, досягнёт до небес.
И очнувшись от мартовской сырости,
Запестрит первоцветами лес!

В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА

Вот и всё... Переломлен у лета хребет.
Раньше — вскользь, ныне —

в лоб эти дни замечаю.
Иван-чай, да польный — там, где цвёл первоцвет,
Да, пожалуй, не быть ни Ивану, ни чаю.

И словушка в светлой дубраве умолк.
И ползут по Руси заволошские толки...
Потоптал луговины толь конь, толи волк.
Если только остались былинные волки.

Этим серым — Ивану служить нипочём,
Вынося на хребте из смертельного боя...
Перерублен у лета хребет не мечом —
Острым стрелем
Днепрова воды голубую.

Что за диво? О чём бы сейчас ни писал,
Ожидая подспудно печальной развязки.
Это только Кощей своё царство проспал,
И добром завершаются детские сказки.

Но откуда стоят вековые леса,
И кузнечики в поле звенят беспечно,
Пусть в глазах у тебя не проглянет роса.
Не окончена лета великая тайна.

И быть может, на месте, доселе пустом,
Называемом истари — Дикое поле,
Мы посадим свой сад, мы построим свой дом,
Чтобы места хватило двоим — и не боле.

ПРОСКОМИДИЯ

Памяти Андрея Романова

Друг далёкий, как скорбей
тот древний погост.
Где умолкла твоя Петрозградская лира...
Млечный Путь опадет слезинками звёзд.
Ты об этом мечтал, отрешаясь от мира?

От безумного мира, где каждый был рад,
Подтолкнуть тебя в путь к роковому порогу.
Ты об этом скорбел, мой ушедший собрат,
Так внезапно собравший пожитки в дорогу.

А пожитки поэта — как воздух легки,
Но порой тяжелее, чем камень Сизифа.
Ты зачем не подал на прощанье руки,
А исчез в лихорадке весеннего тифа.

Купоросную зелень газонов клая,
На которые вылились майские струи.
Дениград не пройдёт мимо судного дня,
Если память поэта забудется всею.

Мне останется — съездить в гранитный удел,
Ощущая, как горло сдавила рубаша.
И увидеть, что стол от стихов твоих — бел,
От стихов оперенья лебяжьего праха!

СУМЕРКИ

Под вечер навалится... Впору не жить.
Ухабы беды превращаются в горы.
И мытарь — летучею мышью кружит.
И входит печаль за замки и заборы.

Чадит и не плавится воска свеча.
И шедест химер прозвучал за оградой.
И звёзды не бросят на землю луча
Утешиной отрадой,
последней отрадой.

Читаешь синодик ушедших друзей,
А сердце стучится всё глуше, всё реже...
Россия — одна! И не будет Расей
Средь палм и кипящих волной побережий.

С родного погоста, за пару минут,
Стакан, огранив полукружием хлеба,
Коль скоро родные тебя позовут,
Ты должен подняться в холодное небо!

ФОТО: АЛЕКСАНДР ХАВЕРОВ

Костёр моих обид уже сгорел дотла
и удобрен золой большой участок сада.
Мне кажется теперь, что жизнь моя светла,
что всё в ней здорово и только так, как надо.

Как драгоценные подарки,
ловлю последние лучи.
Но мне гулять в осеннем парке
теперь советуют врачи.
Гляжу в небесную пучину
немного даже сам не свой —
ведь не по своему почину
шуришу здесь палю листвою.
И оттого гораздо реже
бываю в этой красоте.
Привычки вроде бы всё те же,
да поводья уже не те.

Обнаружил стихи — их писал я
лет десять назад.
Ах какой был тогда молодой
рифмоплётский азарт!
Оказалось, однако, что мой
романтический парус —
это самый обычный, лишь очень
раздувшийся пафос.

И не то чтобы я
с той прекрасной поры поостыл,
и не то чтобы сделался автором
слишком простым,

и не то, боже мой, чтобы стал я
фигурой успешной,
но хотя бы о прошлом судить
научился с усмешкой.

УТРО

Кошка цапнула за пятку.
Я проснулся. Семь утра.
Приучить её к порядку
мне уже давно пора.
За стеной слышны забавы,
звуки суетных утех.
Всё на свете из-за бабы —
жизнь и смерть, и смех, и грех.
Грозно каркнула ворона,
и ещё, ещё потом.
По коробке из картона
водит кошка козотком.
Во дворе внизу собака
подняла внезапно лай —
ожидала будто знака:
три-четыре, начинай!
Утомилась, истеричка.
Снова я закрыл глаза.
Заудела электричка,
завизжали тормоза.
Вдруг как бухнет где-то рядом —
словно бы наш дом навсось
продырявило снарядом...
В общем, утро началось.

И чтобы полёта мгновенья — легки,
И встречи с грядущим не горькими были,
За всё заплати и не делай долги,
Оставь пятнаки бесполезные в пыли.

Под вечер навалится... Впору не жить.
Светило ушло за леса и просёлки.
Но там, за покосами, в облаке ржи,
Кричат перелётки, зовут перелётки.

И зов их подхватят с утра петухи...
Со взглядом грядущим не горькими дали,
Ты к ним возвратишься пунктиром строки,
Певца непонятной, закатной печали.

Александр
ХАБАРОВ

НОЧНЫЕ НОВОСТИ

Ночь катится шаром.
Под хруст костей
Слонопо брызжет служба новостей...
Враг на экране, враг уже повсюду,
Он на дворе скулит среди собак,
Он во дворце примеривает фрак
И водку плещет в царскую посуду.
Сейчас он выйдет вон из тех ворот,
Дыхнёт едва — и дерево умрёт,
Защойкой станет бедная сиротка,
Застрелится у гроба караул,
Ощерится кинжалами аул,
Прольётся кровь, и кровью станет водка...
Отделяется от Марса Кольма,
Душа — от тела, тело — от ума;
Взрывается терминалы в Эмиратах;
Падают звёзды; свихнётся конвоир...
Я выключая этот странный мир,
Где места нет для нас —
святых, проклятых...

ОГОНЬ

Меня сожгли на юге Украины,
Мной, как золой, посыпали руины
и срезы ядовитого живья.
Но я не растворился, не распался,
Мой скорбный дух не умер, он остался
В пространстве мирового бытия.

Давно готовы крылья для полёта,
Мне ангел дал огонь для огнемёта
И чёрный шлем небесного бойца.
Вожу прицелом по суконным спинам,
Нищу тебя, пропахшего бензином,
Ведь я тебя запомнил, подлец!

УСТАЛОСТЬ

Я устал от верности словам,
От любви, свершившейся как смерть,
Я устал идти по головам,
Презирая травяную твердь.
Я устал от голода и тьмы,
Беспросветной как любовь, как страх...
Я устал держать святое «мы»
Сигареткой в собственных устах.
Я устал кричать во все концы,
Собирать безликую толпу.
Я устал — так устают жнецы
Убивать собратьев по серпу.
Я устал от города-дыры,
От дорог и от звериных троп;
Я, как волхв, ташу свои дары,
Волчьей мордой падая в сугроб.
Я устал от всех ремней и пут,
Что растёрли плечи до костей.
Я устал — так дети устают
Ненавидеть остальных детей.

ВИЗАНТИЯ

Бельём-бела моя бумага,
Хитон мой грязен, нушт мой рот.
И византийский доходяга,
Космополит и патриот.

Рука невидимая рынка
Определяет жизнь мою.
Мой завтрак — бледная сардинка,
Обед — поэзия в раю.

Хожу, голодный и свободный,
Цепями ржавыми звена,
И Константин Багрянородный
Как брата чествуем меня.

ПРОЧЁЛ

Я прочёл на странице
сёмсот двадцать два,
Что из жёлтых костей
прорастает трава,
И не выжечь её сквозняками;
А однажды и люди выпрыгнули из пут,
И сквозя чёрное небо они прорастут,
Облака раздвигая руками.

Я прочёл на какой-то из главных страниц,
Что мы, люди, прекраснее лилий и птиц,
И чудеснее ангелов Божьих;
Мы спасёмся с тобой от воды и огня,
Только крепче, мой ангел, держись за меня
На подножьях и на подножьях...

Я и сам-то держусь ослабевшей рукой
За уют, за уклад, за приклад, за покой,
За насечки по счету убитых;
Только где-то прочёл я — спасут не стволы,
А престол, пред которым осы да волю
И повозки волхвов даровитых...

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Даниил Хармс. **Меня называют капуцином.** — М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. — 304 с.: ил. — 4000 экз.

Эта книга выстроена по хронологии. Здесь нет стихов и детской прозы, нет наиболее знаменитых хармсовских вещей. Многие записи обрывочны. Тем удивительнее видеть яркий талант даже в набросках, сделанных чуть ли не на салфетках. «Я долго изучал женщин и теперь знаю их на пять с плюсом. Прежде всего женщина любит, чтобы её не замечали». «Я не считаю себя особенно умным человеком, и всё-таки должен сказать, что я умнее всех». «А картёжников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми. Вместо того чтобы играть в карты, лучше бы собрались, да почитали бы друг другу морали». Записи Хармса изумительны. Некоторые эпизоды — чудо как хороши. Отдельные куски скучны и непонятны зачем написаны. Это всё Хармс. Хармс — это именно так. Гениальность вперемежку с монотонностью, афористическая отточённость обок с небрежностью, человеколюбие и отчаянная мизантропия — всё рядом, всё искреннее, всё это он.

ПОЭЗИЯ

Леонид Завальнюк. **Слово и цвет. Сто стихов — сто картин.** — Санкт-Петербург: Алетей, 2014. — 208 с.: — ил. — Тираж не указан.

В этой книге большого формата собраны стихи и живописные произведения замечательного поэта Леонида Завальнюка (1931—2010). При жизни поэт мечтал о такой книге. Она вышла благодаря помощи города Благовещенка, где 12 декабря откроется посвящённая поэту мемориальная доска. Каждое стихотворение в книге сопровождается живописью поэта. Сто разворотов: яркие стихи и прекрасные сочетания цветов. Самого Завальнюка читатели знали как поэта. Однако его живопись хранится в частных коллекциях России, Италии и других стран мира. Его работы экспонировались в Москве, Париже, Нью-Йорке. А сами стихи Леонида Завальнюка не только остроты, мудры, философичны, они ещё и предельно выразительны — в них горят те же цвета, что и на его акварелях: «Как возлесть эту землю под высокими зорями, С песней белого севера, с небом юга лазоревым, С тем, что в сердце прописано и вовек не стирается? Над седьмью Курлами новый день загорается».

Стихи и живопись Леонида Завальнюка полны любви к России и её людям. Хорошо, что издатели не забывают о таком поэте.

ЖЗЛ

Михаил Одинцов. **Иоанн Кронштадтский.** — М.: Молодая гвардия, 2014. — 349 с.: ил. — 3000 экз.

Более чем полтора столетия назад студент Санкт-Петербургской духовной академии Иван Сергиев подумывал, не стать ли миссионером в Азии. Но увидел, что рядом хватает «своих язычников». И в 1855 году скромный выпускник академии, сын нищего деревенского дьячка Иван Сергиев становится третьим священником Андреевского собора Кронштадта. Началась его огромная, до самой смерти непрестанная работа над собой — и одновременно неутомимый труд по исправлению окружающего духовного и материального нищеты, труд, который спустя четверть века начнёт приносить плоды. «Возьми себе за правило перед знатными и сильными людьми, стоящими в церкви или в дому на молитве, сильнее возвышать голос свой, чтобы, если можно, смирить их гордость словами истины и христианского смирения», — пишет молодой отец Иоанн. Исполнять это правило и многие другие, придётся десятилетиями. Но мало-помалу священник, которого сперва считали не в меру ретивым, сельским, юродливым, получит славу всероссийского батюшки.

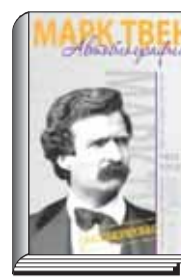
ЛИНГВИСТИКА

Сергей Ениколов, Юлия Кузнецова, Наталья Чудова. **Агрессия в обывденной жизни.** — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 493 с. — 1000 экз.

Собственно вербальной агрессии (аспект, прежде всего интересный лингвисту) посвящена только вторая часть этой книги. Первая — о психологии и социологии агрессии, её возрастном и социальном распределении. В этой части много статистики, рассматриваются корни и мотивы агрессивного поведения. Однако вербальная агрессия, несомненно, относится к числу особых поводов для изучения, и ей отведена вторая половина книги, начиная с коммуникативного пространства личности и форм речевой агрессии — до неоправданных иноязычных заимствований и насилия над языком. Казалось бы, как связаны малоосмысленные заимствования и агрессия? Дело в том, что и то и другое является следствием неуверенности в себе и так или иначе имеет в основе психотравму. Речь, которую мы не понимаем, картина мира, которую мы заимствуем слепо, эмоциональная отчуждённость — приметы общественного нездоровья, из которого вырастает агрессия.

МЕНУАРЫ

Марк Твен. **Автобиография.** — М.: АСТ, 2014. — 574 с. — 2000 экз.

Знаменитый Марк Твен долго не мог написать свою автобиографию. Он подступал к ней так и сник, писал и тасовал куски, но лишь под конец жизни решился объединить их в более-менее цельное повествование. Но и тут придумал условие: автобиографию можно было публиковать лишь по частям, а всё полностью — не ранее, чем через сто лет после его смерти. Эта отметка была пройдена в 2010 году, и вот перед нами впервые полностью изданная автобиография Марка Твена — книга столь же познавательная (знали ли вы, например, что прототипом строгой тётки Полли была нежная любимая мать Эма Клеменса?), сколь и сумбурная. Местами её лирические и юмористические пассажи превосходны — местами же она представляет собой не вполне связную компиляцию. Твен надиктовывал автобиографию, явно страдая от смерти дочери Сюзии, включая в книгу и отрывки из написанной ею «биографии папы», и всевозможные письма, дневниковые записи разных лет. В итоге получилось не столько последовательное жизнеописание, сколько рассуждение о характере времени.

КНИЖНЫЙ РЯД

«Вечность плещется во мне»

Сборником стихов молодой украинской поэтессы Ольги Архангельской издательство «Страга Севера» при участии и попечительстве Сергея Алексеева открывает проект поддержки авторов, пишущих на русском языке.

Стихотворения Ольги Архангельской многоцветны и упруги, как радуга, дерзки и нежны одновременно. И хотя они с точки зрения версификационного мастерства ещё не совсем умелье, многие из них уже вполне зрелые по мысли.

Я ранима, как дикий цвет. Я слаба, ведь я пишу о боли...

Почти не замечаешь неловкую инверсию или банальную рифму, потому что есть главное: искренность переживания и своя интонация, интонация острого юного счастья. А это настоящая диковинка в сегодняшнем поэтическом пространстве, пропитанном всевозможными печальными и причитаниями. Обаятельный максимализм, бесстрашие и доверие к миру — вот что подкупает в книге Ольги Архангельской:

Мне предстоит, томясь от жажды, Пройти две тысячи дорог, Пока одна из них однажды Не приведёт на твой порог.

Ольга Архангельская. **Плыть я во времени...** Стихи. — М.: ООО Издательство «Страга Севера», 2014. — 80 с.: 28 ил. — 3000 экз.

Романтические настроения порой спрессовываются до философского осмысления жизни, автор делает попытку ответить на главные вопросы бытия: о смысле жизни, о любви, о вечности. И если не находит окончательных ответов, а поэзия и не должна находить их, то создаёт зримые, осязаемые образы, которым веришь:

Декабрь. Вытал первый снег. Я на морозе с сигаретой. Сегодня я лишь человек, И так смешно и грустно это.

Снежинки тают на окле, Миры далёкие так близко...

И вечность плещется во мне, Такой возвышенной и низкой.

КИРА ТВЕРДЕЕВА

Максимализм минималиста

Существуют такие картинки — стереограммы. На первый взгляд — абстрактная мешанина цветowych пятен, пёстрое полотно, от которого рябит в глазах. Но если приутишь зрение к такому типу визуализации реальности, выработаешь правильное видение — происходит чудесное. Не пользуясь никакими хитрыми устройствами, вместо плоского изображения начинаешь видеть объёмное. Поразительным образом своеобразный вид стереограммы возможен и в поэзии. И блестящее доказательство тому — стихи Михаила Чердынцев. Собственно, как и любые тексты основанного им литературного направления — образного многословия или ритмического минимализма. С чем же доведётся столкнуться читателю, решившему ознакомиться с книгой «Сезон отлова ангелов: вместо дель»? Открываем первую страницу. Первое стихотворение:

Ангел света, свидетель достойный окормляет свидания временем неожиданно нежно, открывая с туманами тему желаний пристойных решений.

Сложно? Сложно. Дальше какое-то время будет так же. Сквозь первые пять-шесть текстов приходится «продираться». Сознание, приученное к более традиционным формам словесности, изо всех сил старается уловить смысл прочитанного. И не может. Потому как сколько-нибудь прямого высказывания в стихах Чердынцев нет. Длинные, сложно согласованные предложения, деэпричатные обороты, постоянные инверсии и парадоксальные метафоры только усложняют задачу. И в какой-то момент перестаёшь пытаться угадать, о чём же пишет автор. Вот! Поворотная, по-настоящему важная точка. Мож-

Михаил Чердынцев. **Сезон отлова ангелов: вместо дель: Стихотворные произведения ритмического минимализма или образного малословия.** Книга шестая. Проект «Точки зрения». — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. — 96 с. — 500 экз.

но сказать, вхождение в транс. Ни в коем случае сейчас нельзя откладывать книгу. Нужное состояние почти достигнуто. Отчаявшись понять мысль автора, читаешь уже по инерции. И тексты «собираются», в голове непроизвольно начинают возникать столкновения читателю, решившему ознакомиться с книгой «Сезон отлова ангелов: вместо дель»? Открываем первую страницу. Первое стихотворение:

Первое, что приходит в голову, — стихи Чердынцева построены по принципу мантры. Единый, хотя и трудно отлавливаемый, ритм, повторение почти идентичных фраз, непонятность (если не ставить задачей «врубиться» в процессе непрерывного чтения) многих словесных оборотов. Простота восприятия — полностью исключена. Мастер сделал всё, чтобы его произведения не дошли до сознания. На что же он рассчитывает? Правильно — на подсознание. Проверим гипотезу. Если работа идёт на глубинном уровне, текст должен содержать множество слов-архетипов. И действительно: стихи перенасыщены такими понятиями, как «рекка», «огонь», «ветер», «дом», «имя». Порой они — и интуитивно связанные с ними понятия — рефреном идут от строчки к строчке. Возьмём стихотворение «Зелёный реверс мира»:

Когда мы близко подошли к реке... Пустых скамеек в лодке не осталось. Чтобы унять волнения и усталость — когда возникла очередь к реке...

Какова же функция архетипов? Задельствовать ту часть личности, о которой мы зачастую не подозреваем. Войдя в околотрансовое состояние, читатель становится как бы музыкальным инструментом, этаким пианино, на клавишах-архетипах которого играет виртуоз-автор. И разумеется, картина, возникающая у нас в голове, сильно отличается от той, которая была бы, разбери мы скрупулёзно и сознательно отдельный текст. Вот оно — чудо превращения плоского в объёмное, мысли — в ощущение. Не олодочной прогулке начинаешь думать, а о жизни и смерти.

Что же дают подобные эксперименты? В первую очередь позволяют нащупать границы возможного языка. Михаил Чердынцев ещё в 70-е, задолго до того, как в нашей стране стало известно понятие нейрорлингвистического программирования (НЛП), основал поэтическое направление, по факту активно использовавшее основные принципы работы с подсознанием человека. Разумеется, корни метода уходят в гораздо более глубокое прошлое — к Хлебникову и Обэриутам. И всё-таки нельзя не восхититься тем, насколько законченную форму за годы использования приобрела манера Чердынцева. Постулировав художественный принцип, минималист, пожалуй, с удивительным максимализмом придал своему дельту законченность и своеобразное совершенство. Что ж, «...у всего произойдет // есть имя и отчество // и даже фамилия, кстати...»

ИВАН СМЕРНОВ

«Прекрасное в обывденном»

«Неразделённая любовь» — не большой сборник рассказов о жизни простых людей. Это рассказы о жизни, о любви к прекрасному: ко всему, что нас окружает. Каждая история занимает всего несколько страниц, но представляет собой целый мир. Истории из повседневной жизни русских людей автор превращает в поучительные рассказы.

Герои Валерия Хлыстова — мечтатели с русской душой. Они полны доброты и мудрости. Из обыкновенных сотрудников милиции, рыбаков, грузчиков, шофёров Хлыстов делает людей эмоциональных, способных к творчеству. Он прививает им любовь к музыке и природе, он превращает их в поэтов. Его герои учатся на своих ошибках, переживают, сбиваются с пути, но в итоге — обретают себя.

Свою увлекательную книгу автор посвящает друзьям и близким. Именно поэтому тема дружбы в его рассказах занимает особое место — это очень светлая, проверенная годами привязанность героев. Наверняка образы Валерия Хлыстова — это отражения людей, так или иначе повлиявших на его жизнь. Его герои почти все немного герои. Так, в рассказе «Победа»

Валерий Хлыстов. **Неразделённая любовь.** — Рязань: Зёрна — Слово, 2013. — 182 с. — 1000 экз.

подполковник Василий Коробков своей верой в прекрасное спасает от пьянства поэта Сергея Медведева. «Судьбы у нас, конечно, разные, да вот только пересеклись наши судьбы не случайно. Ты в меня надежду вселил. Жизнь смыслом наполнил, то есть судьбу мою изменил. Значит, и я в твоей судьбе тоже не проста», — говорил подполковник.

«Неразделённая любовь» читается на одном дыхании, она написана лёгким и доступным разговорным языком. В книге нет отрицательных героев, даже самый отчуждённый образ вселиет в читателя надежду, характеры, мастерски созданные автором, вызывают исключительно добрые ассоциации.

ОЛЬГА БОЙКОВА

ОБЪЕКТИВ

Сон длинной в книгу

Бывают сны, после которых полдня стараешься понять, проснулся ты или нет. Яркие, объёмные, но уже через день начисто забывающиеся. Через день будет через день. Но пока ты тужишься отличить реальность от сновидения, и в голову лезут всяческие странные мысли. Я отражаюсь в зеркале — или сам являюсь отражением? стакан сначала упал, а потом разбился — или наоборот? Существуют ли вещи, когда на них не смотришь? Есть ли смерть — и есть ли жизнь? И хочется описать всё это, поделить с миром. Но в итоге не доходят руки. Впрочем, иногда в эти самые руки попадают книги, авторам которых всё-таки удалось вылить на страницы пограничное меж сном и явью состояние. Сегодня — именно такое «иногда». Камал Абдулла, сборник «Платон, кажется, заболел...». Рассказы, вошедшие в книгу, относятся к четырём разным циклам, каждый из которых отвечает на отдельный метафизический вопрос. Даже нет, не так. Каждый из них даёт читателю отправную точку для размышлений на тему, заданную автором.

Цикл «Выбор Париса» предлагает поразмыслить о том, насколько незбылем видимый мир. Ну, и о параллельных реальностях тоже соответственно. В рассказе «Двойники»

герой, Камал, встречает самого себя — но со словившейся совершенно иначе судьбой. «Выбор Париса» — блестящая попытка построить альтернативную версию истории с тремя богинями и яблоком раздора. «Харон, милосердный Харон» — поэтическая история о том, как душа после смерти сохраняет свои воспоминания. Особенность рассказов из «Выбора Париса» — отношение героев к происходящему. Их сознание как бы раздваивается, странные и чудесные вещи поначалу воспринимаются как некоторая ошибка, сбой программы, вышибающий из привычного состояния. Но потом неуловимо (самое интересное, по тексту не определишь, в какой момент это происходит) выстраивается новая система координат, в которой происходящее уже становится нормой. И вот вместе с героями погружаешься в реальность, созданную Абдуллой, — и ждёшь, когда из соседней комнаты выйдет, скажем, кентавр.

В цикле «Лабиринт» затронуты вопросы жизни и смерти. Точнее, его отсутствия. Да-да, оказывается, нет ни того, ни другого. Только некое состояние, разные фазы которого воспринимаются так или иначе. В рассказе «Окно» переход из бытия в небытие показан через встраивание в городские реалии нетипичных объектов и персонажей.

Камал Абдулла. **Платон, кажется, заболел...** Рассказы. — М.: Художественная литература, 2014. — 320 с. — 1000 экз.

Герой идёт по улицам Баку — и видит смешавшихся с толпой обывателей ангелов, гурий, античных богов. Оживают памятники. На месте Каспийского моря появляется Сахара, а вместо кинотеатра вырастает Эйфелева башня. «Лабиринт» составлен из историй, в которых супруги стараются договориться о том, как им встретиться в следующем по-

смертном воплощении. Договариваются-договариваются, в итоге и впрямь встречаются, — и расходятся, каждый своей дорогой. А в «Камерном театре» показан человек, запутавшийся во сне. Причём сон этот — наша с вами объективная реальность.

Цикл «Грамматика наших ошибок» — осмысление того, как связаны пути Ученика и Учителя. «Смерти Корнелиуса» — история-перевёртыш, в которой ученик сливается с именем учителя практически полностью, — и это даёт ему возможность решить неразрешимую, в общем-то, задачу. Впрочем, кто является кем — тоже вопрос. Гаджи Мир Гасан Сайях и Корнелиус, возможно, — один и тот же человек. Рассказ, давший название книге, — «Платон, кажется, заболел...» даёт понять, что Учитель и Ученик — не просто обозначения статуса того или иного лица. Они могут быть далеко друг от друга, они могут быть вообще не знакомы, связь между ними — космическая. Подростку Самхари достаточно просто посмотреть, что чертит на песке поэт Самхари — и вот уже полузасохший арык превращается в полноводную реку. Самхари в страхе восклицает: «Эту страшную реку, убей меня, я не переплыл бы даже на судне». Правильно, не переплыл

бы — потому что, оказавшись с Учителем на одной стороне, на другую уже никогда не попадёшь.

События цикла «Происшествия маленького двора», казалось бы, наиболее близки к тому, как воспринимается мир обычным человеком. Элементы чудесности спрятались за маской легенды, а то и вовсе отсутствуют. Но именно рассказы, в которых нет ничего формально-сказочного, заставляют глубже всего задуматься над природой вещей. Случайная встреча с женщиной через много лет в рассказе «Однажды летним вечером», в «Лунном свете» — история тётки, обманом отговорившей племянника от второй женитьбы (и мучившейся виной всю оставшуюся жизнь), терзания взрослого человека парня, который не может сдержать данного друзьям слова в «Курочке Рябе». На первый взгляд незамысловатые темы идеально ложатся на сознание, подготовленное прочими рассказами книги. И начинаешь задумываться — уже совсем серьёзно — так ли устроен мир, как нам кажется. Всему ли есть объективные причины или то, что доступно восприятию и осмыслению — только бледные тени, колыхающиеся на стенах платоновской пещеры.

Проза Абдуллы обладает, казалось бы, парадоксальным свой-

ством. Она объединяет в себе предельную сложность и предельную простоту. Сложность — в том, как автор выходит за рамки реальности, ставит своих героев в иррациональные, сказочные — ситуации. Простота — в бытовых деталях, обывденной жизни, в которую-то и вплетается элемент волшебства. Борхес? Да, но лишь отчасти. Корни Абдуллы уходят глубже. Вспомните — у Георгия Иванова: «Есть воспоминания, как сны. Есть сны — как воспоминания. И когда думаешь о бывшем «так недавно и так бесконечно давно», в глубоком проникновении в историческое наследие своей страны. В рассказах воскресают времена, когда путнику на дороге вольно могла попасться бутылка с длинной, а поэт мог броситься в воду, стараясь поймать отражение луны. Абдулла говорит нам, что рациональный взгляд на вещи — только один из возможных. И, наверное, далеко не самый лучший. «Можно ли не верить тому, кто принёс эту весть?! Восточку прочирикали птицы».

ИВАН КУПРЕЯНОВ

ЭПОХА

Отвечает за каждую ноту

Зрители, пришедшие 3 ноября в Кремлёвский дворец на вечер «Признание в любви», услышали три оркестра, несколько хоров, известный на весь мир детский коллектив из Волгограда, «Бурановских бабушек», других звёзд эстрады и новые песни А.Н. Пахмутовой.

Этот год для Александры Николаевны Пахмутовой юбилейный. Вроде бы совсем недавно отпраздновал 85-летие её верный соавтор и муж Николай Добронравов, а теперь к этим цифрам вплотную приближается Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, дважды лауреат Государственных премий СССР и премии Ленинского комсомола, почётный гражданин Луганска, Волгограда, Братска, Магнитогорска и, разумеется, Москвы. Все эти титулы ей дороги, ни от каких она не отказывается. Но ведущим концерта стоит только сказать «Александра...», зал взрывается аплодисментами, встаёт, и Александре Николаевне стоит немалых усилий усадить зрителей на свои места.

Так было в прошлом году в День Победы, когда в Большом театре был вечер Пахмутовой и Добронравова. Сидел рядом с ними, и когда прожестора выхватили невеселую, как всегда, элегантною женщину, аплодисментам не было конца. А ведь ещё не звучали «Малая

земля», «Поклонимся великим тем годам», «Если отец герой», «Горячий снег»... А ветераны Великой Отечественной, получившие в праздник приглашение в зал, в который в обычное время им попасть не по карману, хлопали и хлопали. Я смотрел на её всегда приветливое и улыбающееся лицо и вспоминал, как мальчишкой напевал «Старый клён» из фильма «Девчата», и «Песню о тревожной молодости» из ныне совсем забытой картины «По ту сторону». Подумать только: она начала писать в 50-е годы прошлого века. И продолжает — и как! — это делать семь десятков лет!

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

Знаю, что она была замечательной пианисткой, но не знаю, как она играла. Пахмутова — это не просто композитор, это человек, который знает, как написать песню, которая будет жить. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей. Она знает, как написать песню, которая будет жить в душах слушателей.

СОБЫТИЕ

Как Гоголь ГИТИС с Ипполитовкой «поженил»

Мировая премьера силами студентов

В эти дни культурная общественность отмечает 155-летие выдающегося деятеля российской музыкальной культуры М.М. Ипполитова-Иванова — одного из основателей отечественной си-

стемы музыкального образования, крупнейшего российского композитора, дирижёра, этнографа, педагога, общественного деятеля, первого выборного ректора Московской консерватории.

Созданное им в 1919 г. учебное заведение — ныне ГМПИ им. Ипполитова-Иванова — входит в число ведущих музыкальных вузов страны, определяющих уровень музыкальной культуры и образования в стране, и также празднует в ноябре юбилей. За 95 лет своей деятельности колледж и вуз дали нашей культуре целую плеяду выдающихся музыкантов, среди которых такие знаковые имена, как Л. Зыкина, А. Пугачёва, М. Венгерова, В. Берлинский, М. Воскресенский, Г. Карева, А. Малинин, Н. Кадышева, Л. Рюмина, Н. Крыгина, Е. Шаврина, И. Матвиенко, С. Мазаев, Ж. Агузарова и многие другие.

В череде торжественных юбилейных мероприятий особняком стоит мировая премьера музыкальной комедии (оперы) «Женитьба» по одноимённой комедии Гоголя, которая будет представлена публике 10 ноября в Театральном зале Дома музыки. Постановка осуществлена молодыми силами студентов ГМПИ им. Ипполитова-Иванова и ГИТИСа под руководством известного режиссёра Дмитрия Бергмана. В канун премьерного показа «ЛГ» обратилась за комментариями к ректору Ипполитовки В.И. Вороне.

— Валерий Иосифович, насколько удачно, на ваш взгляд, «поженились» вузы?

— Это не первый наш совместный проект — «поженились» мы год назад, к 200-летию Даргомыжского, когда под руководством Дмитрия Бергмана делали постановку оперы «Каменный гость», которая имела большой успех: мы её давали регулярно пару раз в месяц в учебном театре ГИТИСа в Гнездиновском переулке — и всегда были полные залы, всегда был интерес.

— Это был коммерческий проект?

— Ну, что вы, какие из нас коммерсанты (улыбается)! Чистый альтруизм. Для ГИТИСа это серьёзная школа, поскольку обычно свои спектакли делают под фортепиано, а для вокалистов работа под живой оркестр — это совсем другие ощущения, это приближение к профессиональной обстановке, к тем условиям, в которых реально придётся работать. Для нас это тоже очень ценный опыт, поскольку в нашем институте нет оперной студии и нет специального оркестра, как это заведено в Гнесинке и консерватории, а нашим оркестрантам полезно осваивать оперный репертуар. Так что междувузовское сотрудничество — дело взаимовыгодное. Хотя такие постановки — задача непростая даже для профессионального коллектива, дающего представления ежедневно, а нам приходится каждый раз поднимать спектакль буквально заново, к тому же не

надо забывать и об учебной нагрузке... Но ребята с готовностью идут на подвиги. Московский молодёжный камерный оркестр уже имеет хорошую репутацию, и нам нельзя ронять планку. А для поддержания репутации нужны, кроме всего прочего, интересные проекты.

Эта осень у нас сплошь юбилейная. В сентябре мы ещё «допраздновали» 10-летие нашего оркестра (ММКО) гала-концертом в Рахманиновском зале консерватории. А в ноябре исполняется 155 лет Ипполитову-Иванову — и 95 лет нашему институту. К двум этим славным датам мы приурочили не только премьеру «Женитьбы», но и большой гала-концерт 17 ноября в Большом зале консерватории, в котором примут участие знаменитые выпускники Ипполитовки, признанные мастера и звёзды новой волны отечественного исполнительского искусства.

А если вернуться к «Женитьбе», то наше исполнение можно по праву называть мировой премьерой. В 1868 г. Мусоргский написал первый акт оперы в поисках нового стиля, как шутили современники, «из озорства», используя не стихотворную форму, а непосредственно прозаический текст комедии Гоголя. Этот музыкальный эксперимент мог навсегда остаться незавершённым, но в 1931 г. Ипполитов-Иванов написал для «Радио-театра» три оставшихся акта. Постановка прозвучала по радио и имела большой успех у слушателей. Тем не менее полностью партитура Мусоргского-Ипполитова-Иванова на театральных подмостках до сих пор не исполняется.

— Слышала, не так-то просто было добыть ноты?

— Да, это была целая история, и нам в поисках очень помог Музей Глинки. Отыскалось всего два экземпляра, но подлинник полной версии именно у нас.

Как примет наш труд публика — предсказать трудно. Как вы знаете, «Кармен» публика сначала не приняла... Но мы верим в успех — во всяком случае, сделали для этого всё возможное. Для нас очень важно было познакомить слушателей с малоизвестными страницами творчества композитора.

Фигура Ипполитова-Иванова, на мой взгляд, вообще сильно недооценена. В самые тяжёлые годы Гражданской войны он первым начал создавать ту систему музыкального образования, которая стала лучшей в мире, — разрабатывать учебные планы, открывать музыкальные учебные заведения. Кстати, даже во время Великой Отечественной войны мы своё достояние сохранили, а вот сейчас оказываемся на периферии общественного сознания... Говорят, а зачем нам столько музыкантов? Нужно понимать, что это наш капитал, наш «золотой запас», в том числе серьёзный экономический ресурс. По сути, мы ведь «кормим» высококлассными музыкантами весь мир — другое дело, что ничего с этого не имеем, но вопрос уже не к музыкантам. И чтобы создать школу, нужны были столетия, а разрушить её можно в одночасье. Сейчас мы в будущем не вкладываем, значит, совсем скоро начнём терять позиции в мировом рейтинге. Да нам и сейчас уже всё труднее конкурировать с музыкантами из Японии, Китая, Кореи. Хотелось бы, чтобы Россия своей культурной миссии не утратила...

Беседу вел
Полина ХАРИТОНОВА

Монолог и фильм

12 ноября известный российский писатель, главный редактор «Литературной газеты» Юрий Поляков отмечает юбилей. К этой дате на телеканале «Россия К» — премьера программы «Монолог в 4-х частях» и художественный фильм «Козлёнок в молоке».

Поляков удачно сочетает многогранную писательскую деятельность с журналистской, редакторской работой и публицистическими выступлениями. 13 лет он возглавляет «Литературную газету», куда пришёл в непростое для неё время — в те годы, когда самое читаемое издание в стране совершенно потеряло свой тираж. Поляков, возродив и сохранив лучшие традиции «ЛГ», сумел вернуть многих утраченных читателей и завоевать новых. Был ведущим итоговой программы телеканала «Россия К» «Контекст» и цикла «Работа над ошибками с Юрием Поляковым».

2014 год — знаковый для Юрия Полякова вдвойне. 60 лет назад он родился, а 40 лет назад было опубликовано его первое стихотворение, напечатанное в газете «Московский комсомолец».

В программе «Монолог в 4-х частях» (10–13 ноября, 20.50) Юрий Поляков вспоминает о своём детстве, о том, как и когда он понял, что именно литературное творчество — главный путь его жизни, как стал главным редактором «Литературной газеты», какие задачи и цели поставил перед сотрудниками, заняв этот пост. Рассказывает об экранизациях своих произведений и о театральных постановках, которые идут в театрах Москвы, Санкт-Петербурга и многих других городов страны. Делится своим видением об уникальном явлении отечественной культуры — Грушинском фестивале, куда приезжает много лет подряд и где у него много друзей среди авторов-исполнителей. Размышляет о природе творчества, о том, что такое индивидуальность в литературе, о сложности поиска своего стиля.

С 11 по 14 ноября в 14.05 в эфире — экранизация одного из самых популярных романов Полякова — «Козлёнок в молоке» с участием Юрия Васильева, Александра Семчева, Алёны Яковлевой, Татьяны Абрамовой, Юрия Смирнова, Андрея Ильина, Натальи Хорохориной. Режиссёр: Кирилл Мозгалевский, Владимир Нахабцев-мл., Георгий Гаврилов. 2005 год.

МХАТ им. М. ГОРЬКОГО

11 ноября Юрий ПОЛЯКОВ

КАК БОГИ...

18+ ПРЕМЬЕРА К 60-ЛЕТИЮ АВТОРА

Артём Пилипович Буралин — А.А. Малинин, Алёна — В.А. Галкина

КУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР М.В. ДОРНИНА

ПЕВЕРСКОЙ БУЛЬВАР, 22 (п. «ПЫШКИНСКАЯ», «ПЕВЕРСКАЯ», «ЧЕЛОВСКАЯ») МЕЛ: (495) 629-81-65, 697-87-73, www.mkat-teatr.ru

Зрители, которые придут 11 ноября на премьеру МХАТа им. Горького, смогут по издательской цене приобрести сборник Юрия Полякова «Как боги», вышедший в издательстве АСТ.

ЛеоНИД КОПЛАКОВ

КАЛЕНДАРЬ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Некруглые даты ноября

Когда гоносор губит страну

В современной Польше утвердился миф о трёх разделах Речи Посполитой, о трёх алчных державах, которые раздирали на части великое государство... Но судьба Польши в XVIII веке — это не квартирный взлом с убийством, а суицид на социальной почве.

Опьянение демократическими идеями, отказ от централизованной власти — и, как результат, несколько гражданских войн, ослабление некогда могущественной страны и гибель независимого королевства Польского 220 лет назад — в 1794 году.

Шляхетское гражданское общество к 1794 году истощило Польшу. Проводить самостоятельную политику страна не могла: много лет Польша металась от Франции к России, от России к Пруссии. Король Станислав-Август всем был обязан Екатерине — сердечной подружке юности.

Речь Посполитую раздирали на части задолго до вторжения русских войск. В неразберихе конкуренции политических группировок страна потеряла единство управления. Этот самоуправный утар шляхты продолжался несколько десятилетий, а французская революция дала польским бунтарям новый сильный импульс.

Революция вызревала в тайне, а наружу прорвалась, когда генерал Игельстрём, командовавший войсками Российской империи, пребывавшими в Польше, начал роспуск польских войск. Игельстрём не хватало дипломатических дарований, но польское свободолюбие и без внешних раздражителей рвалось из тесни государственного кризиса. Генерал Антоний Мадалинский не подчинился, выступил из Пултуска со своими кавалеристами. К нему присоединялись другие отряды. Мятежный корпус напал на русский полк, затем — на прусский эскадрон, разбил их и с триумфом отошёл к Кракову. Тут же в Польшу, в Краков, явился Тадеуш Костюшко, признанный вождем республиканского движения. На рыночной площади Кракова он произнёс свою клятву и был избран главным начальником, диктатором восстания. Это эффективное событие навсегда останется культовым в истории Польши. Военный инженер по образованию и революционер по призванию, он уже воевал против русских в рядах барских конфедератов, после чего сражался за океаном, в армии Джорджа Вашингтона, от которого получил генеральское звание. В 94-м, на волне революции, он примет звание генералиссимуса — за пять лет до Суворова!

Не в первый раз назревала слаженная международная кампания против России: кроме Польши, удар могли нанести турки и шведы. Очередная война с турками месяц за месяцем назревала. Надо думать, решительность Костюшко была подкреплена этими обстоятельствами (как и французским золотом).

Станислав-Август пытался сотрудничать с Костюшко, не искал антиреволюционных тайных связей с русскими и пруссаками. Тем временем в Варшаве говорили о традициях французской революции, действовали якобинские клубы, с кафедр возносились хвалы Робеспьеру. Король в такой ситуации не мог чувствовать себя комфортно. «Смерть королям!» — якобинский символ веры ни для кого не был секретом.

Но Костюшко не стал разжигать антимонархический костёр; борясь с иноземцами, он искал компромисса в отношениях с королём-поляком. Революционный Верховный совет отдавал Станиславу-Августу знаки почтения. В то же время Костюшко заключил короля в своеобразную блокаду, контролируя его переписку и передвижения. Когда Станислав-Август посетил строительство пражских укреплений на подступах к Варшаве, горожане оказали ему весьма холодный приём. Кто-то даже бросил дерзкую фразу: «Лучше уйдите отсюда, ваше величество, всё, за что вы берётесь, заканчивается неудачей». Борясь против польской армии, против инсургентов, русские генералы, а в первую голову — Суворов, к королю относились с подчёркнутым уважением.

Инсургенты решили атаковать русских воинов в великую субботу, что стало неожиданностью для Игельстрёма. Это был трагический день для русской армии, величайшее потрясение екатерининской России. Четыре тысячи солдат и офицеров убито, остальные с потерями отступили из Варшавы к Ловичу. Прискорбные подробности того дня возмutilи русское общество: говорили, что солдат одного из батальонов Киевского пехотного полка перерезали в православном храме во время службы. Король попытался сгладить ситуацию, предлагал выпустить русских из города, но в тот день его не слушала даже собственная гвардия. 6 апреля 1794 года осталось в истории как варшавская Варфоломеевская ночь.

Побоище русского гарнизона случилось и в Вильне. Гарнизон генерала Исленьева был перебит и пленён: многих поляки застали врасплох во сне. Части гарнизона удалось выбраться из города: эти войска добрались до Гродно, на соединение с отрядом генерала Цицианова. Этому неунывающему, решительному и изобретательному воину удалось предотвратить аналогичный погром в Гродно: Цицианов пригрозил при первой попытке восстания ударить по городу артиллерией. Угроза возымела действие. Неслучайно Суворов порой ставил в пример офицерам храбрость Цицианова. Но гродненский эпизод был редким успехом русских в первые месяцы восстания...

Успехи Костюшко продолжались вплоть до августа, когда в поход двинулся Суворов. Поразительно быстро он разбивает основные силы Сераковского при Крупчицах и у Бреста. Открыт путь на Варшаву! По пути к польской столице, у Кобылок, авангард разбивает пятитысячный польский отряд:

Итоги пражского сражения впечатляли: 104 пушки, три пленных генерала (Мейн, Геслер, Крупинский), 500 пленных офицеров. Генералы Ясинский, Корсак, Квашневский и Грабовский погибли в бою. Добыча у солдат была не та, что в Измаиле. Захватили немало лошадей, которых потом пришлось сбывать за бесценок тем же пражским жителям.

24 октября Суворов пишет Румянцеву одно из самых известных своих кратких и выразительных донесений: «Сиятельнаяший граф, ура! Прага наша».

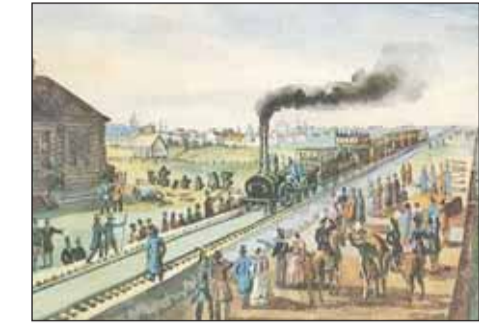
В Варшаву по приказу Суворова армия входила с незаряженными ружьями в восемь часов утра 29 октября. Было приказано даже не отвечать на возможные провокационные выстрелы из домов. Русские колонны входили в польскую столицу под громкую музыку, с развёрнутыми знамёнами. В хвосте первой колонны ехал Суворов. Представители городского магистрата вручили ему ключи от города и хлеб-соль. Суворов поцеловал ключи, возблагодарил Бога, что в Варшаве не пришлось проливать кровь и передал ключи Исленьеву, своему дежурному генералу. Он целовался с панами из магистрата, многим пожимал руки, был взволнован и радущим.

Вот так и уничтожаются государства — после стремительных походов, кровопролитных сражений, после мутных переговоров и жарких рукопожатий с поцелуями.

Герцог Веллингтон, покоря Майсурское княжество, после победы уничтожал всех, кто с оружием в руках противодействовал англичанам — таких оказалось не менее тридцати тысяч. Суворов, уничтожив армию противника, не поднимал руку на пленных. Пленных поляков освобождали, с ними намеревались сотрудничать.

Суворов не был ненавистником Польши и поляков. Приписывать русскому полководцу националистических целей начали ещё при жизни Суворова, но особенно глубоко эти стереотипы укоренились в польской литературе XIX — начала XX века, когда уже и понять-то было трудно имперскую этику екатерининских времён. Небылицы о расправах над пленными, об отрубании кистей рук у польских аристократов — в самую нелепую ложь люди охотнее всего верили задолго до доктора Геббельса.

Суворов видел, что Пруссия и Австрия готовы воспользоваться победами русских, раздирая Польшу, и был сторонником воссоздания польской монархии — суверенной, но политической зависимой от России. В Петербурге его политические ходы вызвали раздражение. А Суворов с радостью доносил Румянцеву об отношении поляков к русским: «Всё предано забвению. В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают».

177 лет назад, 11 ноября 1837 года, в России была открыта первая пассажирская железная дорога — Петербург—Царское Село. Как описал Нестор Кукольник:

*Дым столбом — кипит, дымит паромод...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожиданье, нетерпенье...
Веселится и ликует весь народ!
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чисто поле.*

Средства для выполнения работ — три миллиона рублей — были собраны по подписке в течение шести месяцев. К весне 1836 года всё было подготовлено для начала работ. Насыпь начали возводить в мае 1836 года.

Всю трассу, за исключением местности, прилегающей к Петербургу, распределили на участки, отдаленные подрядчиком и артелям в 30–40 человек. Техническое руководство строительством осуществляли 17 инженеров, пятеро из которых уже выполняли подобные работы на железных дорогах Англии. Стройку охраняли 30 смотрителей и столько же солдат и сторожей.

69 лет назад, 20 ноября 1945 года, начался Нюрнбергский процесс — суд над военными преступниками Третьего рейха.

Это был первый в истории международный суд, признавший агрессию тяжчайшим уголовным преступлением. Он продолжался до 1 октября 1946 года. Обвиняемым было предъявлено обвинение в совершении тяжчайших военных преступлений и в составлении и осуществлении заговора против мира и человечности — убийство военнопленных и гражданского населения, жестокое обращение с ними, разграбление собственности, установление системы рабского труда.

239 лет назад, 18 ноября 1775 года, был издан Манифест о новом областном делении России — империя разделена на 50 губерний.

У существовавшего с Петра I областного управления было несколько крупных недостатков: губернии представляли слишком обширные административные округа, где не хватало госучреждений. Дополнительным толчком явилась необходимость укрепления центральной власти на местах после Пугачёвского восстания. По решению Екатерины II вместо губерний, уездов и провинций вводилось деление страны на губернии (300–400 тысяч человек) и уезды (20–30 тысяч человек). В основе этого деления лежал принцип численности податного населения.

Ян Матейко. «Битва под Рацлавицами»

«Неприятель весь погиб и взят в плен» — говорилось в рапорте.

Основные укрепления ждали Суворова в Праге. Это еврейское предместье польской столицы превратилось в крепость. Считалось, что в осеннюю распутицу Суворов не рискнёт на штурм...

Как бы не так! «В дома не забегать. Приятеля, просящего пощады, щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать; малолеток не трогать. Кого из нас убьют — Царство Небесное; живым — Слава, Слава, Слава», — с таким приказом войска готовились к штурму. Первыми пошли колонны генералов Лассия и Лобанова-Ростовского, они преодолевали волчьи ямы, забрасывая их плетнями, прошли ров и бросились на вал, наткнувшись на войска сторонника отчаянной обороны генерала Ясинского. В бою польский генерал был смертельно ранен, перебили и большую часть его солдат.

Разрушение Варшавы не входило в планы Суворова. Он рассчитывал штурмом взять Прагу и уничтожить войско противника. Беззащитная Варшава сама должна была слатся на милость победителя. А неизбежные новые жертвы среди обывателей, новые взаимные счёты поляков и русских — всего этого Суворов намеревался избежать.

Ворвавшись в Прагу, сломив первоначальное сопротивление поляков, русские войска принялись добивать противника — тех, кто не сдавался. В кровавой суматохе поляки перебирались через Вислу. До поры до времени — по мосту, потом — и вплавь. Солдаты преследовали их ожесточенно, многие защитники Праги погибли в водах. Висла в районе Праги кишела мёртвыми телами. Это избитие поляков в занятой Праге очень быстро стало легендарным, его пересказывали с впечатляющими добавлениями: у страха глаза велики, а у ужаса — ещё больше. Если бы Суворов не приказал сжечь мост через Вислу — побоище переместилось бы на людные улицы Варшавы. Граф Рымникский спас польскую столицу!

Державин напишет о Суворове: «Шагнул — и царство покори! Да, за сластью и за распри бьём: работа у нас такая».

Рассуждая о моральном состоянии суворовских войск (а эта проблема относительна Праги и Варшавы поднималась на штурм оппонентами России аж с 1794 года!), Денис Давыдов писал: «Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших мезтью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов. Суворов, вступая в Варшаву, взял с собою лишь те полки, которые не занимали этой столицы с Игельстрёмом в эпоху вероломного побиения русских. Полки, наиболее тогда потерпевшие, были оставлены в Праге, дабы не дать им случая удовлетворить своё мненье. Этот поступок, о котором многие не знают, достаточно говорит в пользу человеколюбия Суворова». Это правда, пражское кровопролитие произошло на Суворова такое впечатление, что солдат не желал повторения жестокого избития поляков. По многим свидетельствам, Суворов не раз высказывал удовлетворение бескровным занятием Варшавы и даже со слезами на глазах указывал на руины Праги, не желая повторения подобного.

Сохранилось свидетельство: когда король попросил Суворова отпустить из плена знакомого офицера, русский генерал ответил в своей манере: «Если угодно, я освобожу вам их сотню... двести... триста... четыреста... так и быть — пятьсот...» Он отпустил даже тех, кто яростно сражался с русскими: после подписания реверса — обещания не поднимать оружия против России. Почти все они нарушат клятву — начиная с будущего наполеоновского генерала Домбровского.

Отношение Суворова к пленным после пражского штурма резко контрастирует с аналогичными прецедентами того времени. Известно, что после кровопролитного штурма Ядфы в 1799 году генерал Бонапарт приказал расстрелять сдавшихся в плен январь — их было около трёх тысяч. В те же годы англичане в Индии действовали ещё мстительнее.

Победитель с уважением, а иногда и с восторгом пишет о польских воинах, которых достойно смотрели в лицо смерти. Сказалась суворовская любознательность и в изучении польского языка, народных традиций, в подчёркнутом уважении православного генерала к католическим святыням. К пленным полякам, не проявлявшим фанатической ненависти к русским, в армии Суворова относились уважительно. Кормили наравне с русскими солдатами, можно сказать, делились скудным пайком. Репрессий против мирного населения Суворов не допускал. Узнав о мародёрстве нескольких солдат из армии Дерфельдена, Суворов едва ли не устроил показательное дело, отчитав почтенного генерала. Дерфельден строго наказал провинившихся. Командант Варшавы Иозеф Орловский — польский просветитель, к которому Суворов питал уважение, — писал пленному Костюшко: «Вас могут утешить великодушие и умеренность победителей в отношении побеждённых. Если они будут всегда поступать таким образом, наш народ, судя по его характеру, крепко привяжется к победителям». Великодушие — это забота о раненых поляках и дисциплинированное поведение солдат с мирными варшавянами.

Современная Польша знает придуманного Суворова — истребителя двадцати тысяч мирных варшавян, устроителя «резни, имевшей признаки геноцида» (Мачей Мачейовски). Пытаются даже белорусов натравить на наше общее историческое прошлое — дескать, Суворов устраивал погромы в белорусских деревнях... Да каждый шаг Суворова в кампании 1794 года зафиксирован в документах — даже намёка на расправы над крестьянами там нет. Как нет их и в отзывах современников — даже ярых противников России. Для православного населения бывшей большой Польши (а это и есть в большинстве белорусы) Суворов был защитником, избавителем. В русской армии в 1794-м сражались и белорусы, и малороссы. Вместе побеждали, вместе служили общему Отечеству и не знали истории в версии соросских стипендиатов.

Евгений ТРОСТИН

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Жизнь и смерть «бессмертного»

Пожалуй, никто из персонажей, вошедших в историю последней четверти XVIII века, не был в Европе так популярен, как граф Калиостро. Масон, пророк и вызыватель духов, этот сицилиец, чьё настоящее имя Джузеппе Балзамо, обладал поистине неистощимой изобретательностью и незаурядными гипнотическими способностями, гипнотизирал его замочить голову едва ли не всей просвещённой Европе. Пышный

шлейф слухов, сопровождавший каждый шаг Калиостро, уже при жизни превратил его в личность загадочную, ставшую неистощимым источником вдохновения для прозаиков, поэтов, мистиков и оккультистов.

Но, уверовав в свою звезду, Калиостро не заметил, как стал разменной монетой в политических играх французского мира сего, напуганных русских революцией. В книге Балзамо-Калиостро представлен челове-

ком своего времени, не только талантливо эксплуатировавшим известные человеческие страсти, но и сумевшим уловить духовные искания своих современников.

У нас в стране хорошо известна повесть Алексея Толстого о знаменитом мистификаторе и авантюристе. В России, куда он забрался, поначалу ему сопутствовал успех. Калиостро блистал в высшем свете. Но всё-таки российское общество в целом

Ольга Володарская. Калиостро. Великий маг или великий грешник. — М.: Вече, 2014. — 256 с. — (Человек-загадка). — 10 000 экз.

оказалось гораздо более скептическим, чем пылкие французы или романтические курляндцы. Покровительствовал Потёмкина в конце концов вышло графу боком. Матушка Екатерина быстро смекнула, что ей фаворит увлечён вовсе не тайными науками, а прелестью госпожи Калиостро. Будучи женщиной решительной,

она тут же поставила светлейшего князя на место, а Калиостро повелела «елико возможно поспешно» покинуть дом на Дворцовой набережной да и вообще пределы Российской империи. И вдобавок императрица сочинила о нём комедию под названием «Обманщик», где вывела его под именем шарлатана Калифакерстона. Высший свет над комедией очень смеялся, а о графе Калиостро и его снадобьях особенно не жалел. Так бес-

славно закончилась похождения Калиостро в России.

В Италии он был арестован по обвинению во франкмасонстве и приговорён к показательной смерти, то есть к публичному сожжению. Но в последний момент папа римский заменил смертную казнь пожизненным заключением. «7 апреля 1791 г. в церкви Свята-Мария на площади Минервы состоялся торжественный ритуал покаяния. Калиостро, босой, в простой рубахе, стоял на коленях со свечой в руках и молил Бога о прощении, а в это время на площади перед церковью палач сжигал все магические книги Калиостро и весь его

волшебный инвентарь...»

Затем Калиостро был препровождён в замок Сан-Лео. Замок построен на вершине огромной скалы, почти отвесной с обеих сторон. Преступника здесь доставляли в камеру в специальном ящике, в котором тюремщик при помощи верёвок и блоков поднимал его со скоростью ветра.

Калиостро провёл четыре года в тесном сыром каменном мешке, там же «бессмертный» граф скончался... Смерть его окружена множеством слухов. Никто не знает, где именно он похоронен.

Татьяна ГАЛЕГО

ТЕЛЕСЕРИАЛ

Реабилитация старца Г.

Несупи мы прийти в себя от Григория Распутина в исполнении Жерара Депардьё, где российская история на глазах зрителей превращалась в дешёвое фэнтези — с исцелениями, бородачатым магом, распахивающим глаза на дне Невы, и чёрными бесовскими тенями, пляшущими вокруг священного трона, как Владимир Машков, перекочив из фильма по французскому сценарию, где он играл не безвольного, а брутального царя Николая, явился в мармеладно-демоническом образе самого старца Григория.

Бывают же удивительно «злободневные» фильмы! Только что отметили 100-летие Первой мировой войны, почтили память её героев, президент даже посетовал на «упущенную победу». А оказывается, войны-то и вообще могло не быть, если бы царь Николай во всём слушался... Распутина. Только такой вывод и напрашивается после просмотра восьмисерийного телевизионного фильма «Григорий Р.» на Первом канале.

Распутин стал положительным героем, целителем и благодетелем вся Руси! Потрясающее явление: почти сошли с позиции националистической газеты «Русский вестник» и западника К. Эрнста, создателей фильма и сайта «Русский монархист»: «Царственные мученики Николай II и Александра Фёдоровна всегда почитали Григория Распутина за праведника. Ещё при жизни старца Григория, царица Александра Фёдоровна и её дети, царевны и царевичи, вместе с нательным крестиком носили его образ, написанный на медальончиках. А когда Распутин был убит, царь Николай II, как великую святыню надел на себя нательный крестик, снятый с убийственного мученика Григория... Увы, на Архиерейском соборе 2000 года канониза-

ции Распутина не произошло».

Через 14 лет за дело взялся Первый канал, и самоделные иконы старца, наверное, заморочили. Как, впрочем, и полоса газеты «Московский комсомолец»: «По Климову (режиссёру «Агонии». — А.Б.), Распутин — настоящий демон во плоти. Двадцать с лишним лет спустя Андрей Малюков, опираясь на недавно рассекреченные документы с деталями расследования убийства Распутина, показывает оборотную сторону легендарной истории. У Малюкова «Григорий Р.» в исполнении Владимира Машкова — наоборот, чуть ли не последний праведник, который мог бы спасти Россию. Мог бы, но не спас». А почему не спас — не захотел... Не туды силы трагил (Машков кричит: «Эти мы вот руками голову сверну тому, кто государыню обидит!») или проклятый революционный народ не дал?

Режиссёр в интервью открывает сегодняшней не образованной толпе глаза: «Когда же начинаешь перебирать, как бусинки, все факты, выясняется, что ничего из придуманного о «великом старце» и в помине не было. Наоборот, выясняется, что это был человек, искренне болевший за Российскую империю, за царя, за царя, категорически выступавший против войны. Это был человек с большим знаком «плюс».

Кто ж придумал? — да самые разные люди! Буквально за день до начала знаменитого прорыва австро-венгерских позиций, 21 мая, генерала Брусилова вызвал к прямому проводу начальник штаба Ставки Алексеев. Он «передал мне, что Верховный главнокомандующий желал бы отложить атаку, чтобы собрался

кулак и ударил в одном месте, — вспомнил Брусилов. — На это я ему ответил, что каждый имеет свою методу, а я залудил ударить по всему фронту и менять этого не могу и не хочу. Если недоволен мною, то надо сменить, а не требовать перемены действий». Алексей Алексеевич не ведал, что сие странное пожелание у царя возникло сразу после того, как его в могилёвской Ставке посетила царица, а 4 июня, когда обозначился крупный успех Брусилова, Александра Фёдоровна передала мужу новую порцию «веших слов» Распутина-Новых, из которых следовало, что Северный фронт надо с наступлением придержать. Прорыв выдыхался от безделья соседних фронтов, но 25 июля — очередное откровение «святого»: «Не следует так упорно наступать». Усилия германфильской придворной партии возымели действие, и Николай II отдал командующему Юго-Западным фронтом прямой приказ о приостановке наступления... Вы можете себе представить, чтобы Жуков по приказу Сталина наступал на Берлин, а какой-то «друг» («Он наш единственный друг!») — произносит И. Дапкунайте, прекрасно сыгравшая несимпатичную Александру) отговаривал их от разгрома врага. А ведь подобно было, но в кино не вошло — зачем разрушать букволический образ?

Прославленный генерал и многие другие — против Распутина. В начале фильма он в кровине и пьянстве захлёбывается: конокрадство, убийства, драки, раны, а потом — кровь заговаривает, останавливает. А кто ж кровопускание России устроил? Конечно, только не святой целитель, провидец, пацифист, бесребренник и благодетель, которого истово играет Машков. Фрейлина Вырубова спрашивает его, взяв ладонями за виски: «Что ты делаешь, когда вот так голову держишь?» — «Люблю». Сильно! Вся картинка озарена распутинской «любовью», покоряет зрителя красотой. Костюмы пошиты прекрасные, съёмки изысканные, даже послереволюционный Петроград — в романтической дымке, матросский патруль — во всём новеньком, столичные дамы с детишками на набережной нарядны и беспечны. Что портит всё? — знание о реальной истории про окейные дни, которые ждут всех героев впереди.

Александр БОБРОВ

ЛИТЕРАТУРА В ЯЩИКЕ

Про что «ПРОЧтение»?

Если в названии чего бы то ни было смешана кириллица с латиницей — это уже серьёзный повод напрячься. Потому что всякий человек, имеющий вкус, болезненно реагирующий на пошлость, твёрдо знает: водка с портвейном не сочетается.

Ничему не удивляйся. Что бы ни показывали по телевизору. Де-факто, не исчерпав из электрорепертуара. Не раздражай своим раздражением близких.

На Первом канале внук актрисы из «Белорусского вокзала» смачно интервьюирует американскую «porno-звезду». Молчи, не закатывая драматично глаза. Переклочи с канала со значительным финансовым участием государства на другой — тотально государственный.

Девушка модельной внешности бодро говорит, улыбаясь в камеру: «...Читательницы волнуются, не исчерпал ли автор своей фантазии? Конечно, не исчерпал! Эротические эксперименты героев продолжают удивлять аудиторию не только числом, но и умением. Как результат — 15 000 проданных экземпляров!»

Это программа «ПРОЧтение» на «России 24». Через пару недель, месяца или даже лет, вдруг попав на очередной выпуск той же передачи, не удивляйтесь. Там будут рекламировать всё того же автора: «Откровенно провокационные сексуальные фантазии для тех, кто любит побольше и погорячее. Как всегда, в списке бестселлеров — не то любовное пиршество, не то утешение проголодавшегося...»

Ну а что подлаешь, если эта книжка всё время в топе? Приходится демонстрировать изобретательность, придумывая каждый раз новую подводу к одной и той же порнушке. У людей такая работа, так что отметим их творческий подход к делу.

Программа «ПРОЧтение» раскрывает тему «книжной индустрии». Где-то в бизнес-планах, предварительных обоснованиях значимости проекта наверняка заявлялось нечто о популяризации Книги. И в каком-то смысле так оно и есть — передача рекламирует бестселлеры. Это ведь очень важно придать новый импульс читательского интереса к произведениям Донцовой, Марининой, Роулинг (или Роуминг?). Государственному каналу нужно обязательно привлечь внимание аудитории к таким государственнообразующим явлениям, как Дэн Браун, Акунин или Пелевин...

Когда у ведущей на «России 24» иссякает вдохновение, необходимое для рекламы порнографической книжки, она может сказать что-нибудь эдакое, характеризуя, к примеру, Франкфуртскую книжную ярмарку: «За пять дней проведено более тысячи мероприятий и акций...» Это, так сказать, в качестве аналитики. А чтоб развить некото-

рую суховатость слога, режиссёры дадут короткий синхрон из Германии, где литературный аферист Козлюк выскажется о «комиксах для сексуальных фетишистов».

Нет, ну а как ещё, скажите, популяризовать Книгу?.. Хорошо, пускай ещё Прелепин с Глуховским скажут пару слов, впечатлённые собственным присутствием на главном книжном форуме сезона... Но только пару слов — не более. У нас хронометраж восемнадцать минут. А ведущей ещё надо пройти от бедра вдоль стеллажей крупного книжного магазина с евроевромонтом...

О, литература! Что же ты, скажи нам милость, такое есть? Хотите узнать — обратитесь в «ПРОЧтение». Литература — это лайф-стайл магазины, это тренды, это билборды, это бизнес-модели, это пиар-стратегии и

даже бук-трейлеры... В какой-то момент кажется, что ведущая пошла на авантюру и, эх-ма, таки перешла на органичный английский... Нет, показало. «В день всех великих появится роман Севилия Ахерн «Как любить без памяти», — возвращается она к нашему родному бытию — Дню святого Валентина. Ахерн, Ахерн (неужели действительно «Ахерн»?) — продолжает звенеть в ушах эдакое-то время, когда уже и передёвка закончилась, и новая идёт — «Индустрия кино» называется...

А потому что, понимаете, либо так, либо, если вам не близок продвинутый взгляд на вещи, останется единственная альтернатива — «социалистическая индустрия». Со всеми её агитационными натяжками: «За пять дней проведено более тысячи мероприятий и акций...» Выбиратель, либо — тоталитаризм плановой экономики, либо — свобода предпринимательства, невидимая рука рынка, слепая рука судьбы — в кинематографе, изобразительном искусстве, литературе. Не нравится киногеничная ведущая-бухгалтерша с выкладками продаж, столбчатками и круговыми диаграммами, будет вам русский писатель. В свитере с эмблемой Олимпиады-80, с перемудром во взоре и перегаром на устах. Он ведь именно таков, русский писатель? Или не таков? Да кто же его знает, что же его видел... Олег ПУХНАВЦЕВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Изнанка мечты

Семейство Бэйтс (мать и сын) после долгих жизненных мытарств решает поселиться в тихом небольшом городке, открыть свой бизнес и жить спокойной, счастливой жизнью. Такова завязка американского сериала «Мотель Бэйтсов», являющегося приквелом к знаменитому фильму А. Хичкока «Психо». Но вместо мелодраматической истории или простого нагнетания картонных ужасов перед зрителем неожиданно разворачивается глубокая и беспощадная критика существующего социального порядка.

Провинциальный городок Вайт-Пайн Бэй становится неким воплощением Америки в миниатюре. За благопристойной внешностью «тихого угла» скрывается тёмная изнанка американской мечты. Проведение городка обеспечено торговлей марихуаной с окрестных полей. Полиция связана с целой сетью секс-борделей, а уважаемые люди — мафиози. Единственное средство заработать для молодого человека — заняться охраной этих самых полей марихуаны, стать сборщиком её обильного урожая или вступить в ряды одной из группировок, поделивших между собой город.

Сериал, показанный в ночном эфире Первого канала, рисует беспреступный мрак человеческой души, царящую атмосферу постоянного страха, подлости, обмана, прикрытого внешней вежливостью и благопристойностью. Перед нами живое, погрязшее в пороке и жестокости общество, в котором стремление начать новое чистое и честное дело выглядит как нечто глубоко наивное, детское. В сравнении с картинками свихнувшегося общества обезумевшая от материнской любви героиня и подрастающий маньяк-убийца Норман Бэйтс смотрят как нечто далеко не самое страшное в этой американской истории ужасов.

БОРИС НИКИТИН

Вакансия поэта

Канал «Культура» показал художественный фильм о Марине Цветаевой «Зеркала» (режиссёр Марина Мигунова, сценарий Анастасии Саркисян при участии Юрия Арапова). Болезненный, горестный, унылый слепок судьбы. Цветаева предстала не великим поэтом, а сумасбродной женщиной, которая открыто изменяет мужу, мучит его и тиранит своих детей. Всё не по ней, всё против неё. И время с жуткими революциями и войнами. И люди: бесчувственные эмигранты в Праге, не понимающие её в Париже, а после возвращения в Россию — пошлые коллеги и беспощадные спецслужбы. В фильме не было главного — любви и стихов, зато сора, из какого «они растут», было чересчур много. Как будто авторы, «не ведая стыда», хотели доказать, что поэт в России не имеет права на жизнь. А вот документальный фильм «В поисках героя романа. Дни и зимы Давида Самойлова» из цикла «Больше, чем любовь» на том же канале доказывает обратное. В нём как раз было главное. И поэт, и его любовь. И любовь к поэту. И замечательные стихи, которых в фильме прозвучало много.

АНДРЕЙ СЕРДЮК

А НАМ ПРИСЛАЛИ

Непутёвый москвичанин

Первый канал посвятил две серии «Непутёвых заметок» Пскову и Пушкинским местам. Интереснейшая история древнего города была представлена в каком-то издевательско-уничижительном тоне. Псевдонародные фразочки наподобие «вот как была справедливость» или словеско «псковские», обязательный атрибут дремучести — пьянство («а псковичи любили заложить за воротник»). Ну а свободу независимой Псковской республики надо аллегорически уравнивать со свободой проститутки выбирать себе клиента «либо под Литву, либо под Москву».

Есть какой-то странный психологический парадокс — очень часто переживавший в Москве провинциал (Крылов рассказывал, что ролом из Звенигорода) начинает с пеной у рта доказывать, что за МКАДом живут полулюди, развлекающие себя хроническим алкоголизмом и частушками, в тексте которых цензурным является лишь слово «миленок».

В серии про Пушкинские места автор продолжил свою «деревня-юродивую» линию. Байка о брошенках, пытающихся утопиться в мелководном ручье, извозчик в косоворотке, джинсах и бейсболке. Дети тут не дети, а местные Митрофанушки. Почти столько же времени, сколько Пушкину, автор уделит Довлатову. Наверное, надеясь на то, что живых свидетелей советского периода не осталось, автор описывает быт жителей Пушкинских Гор, которые пили запоями, сидели почти что в пещерах, не имели обуви, а выходили из запоя только для того, чтобы сходить в лес за грибами да помыться в озере. Вообще ситуация с тех пор не сильно изменилась, ведь «кроме мусона и вон там всё, как при Довлатове». Покончив с вонью, автор программы опять демонстрирует нам каких-то неадекватных частушечник с дурацким псевдодеревенским говором. После чего, наверное, вспоминая, что программа о Пушкинских местах, автор показывает нам девочку, читающую «буря мглою небо кроет...», но, не забывая про то, что это дремучая провинция, ставит ей в качестве фона жующего мальчишка с голыми глазами.

Свою передачу автор завершил именованием «псковичане» — не удосужился даже выяснить, что правильно называть жителей нашего города.

Александр БОРОВИКОВ,

ПСКОВ

ТЕЛЕБРАТЬЯ

Соломенный фашизм

Под выборы в Раду 26 октября передачи на украинскую тему шли каскадом. «Специальный корреспондент» с Евгением Поповым по РТР, откуда некоторые персонажи переезжают на субботу в программу «Право знать» с Сергеем Минаевым и в «Право голоса» к Роману Бабаю. «Центральный телевидение» на НТВ львиную долю времени посвящает Украине... Допускаю, что эта телеинформация всё же протискивается на подцензурное украинское пространство и в попадании в Раду хоть части оппозиции есть заслуга нашего ТВ.

Понятно, что живём мы в свободной стране, где можем слышать «апологета» нынешней власти Киева Вадима Карасёва и депутата Николая Левченко. В их позициях, кстати, несмотря на видимый конфликт, много общего. Левченко, который не скрывает близости с олигархом Ахметовым, вроде бы за «наших», но проговорился Сергею Минаеву: «Лучше бы всё шло, как было, лишь бы не гибли люди». И сразу понятно — это воля Ахметова, которому надо вернуть свой бизнес в Донбассе. Да и Левченко — тоже. А то, что лучше «худой мир», верно до определённого предела. До того, когда тебя «нагибают» до неприличия, до рабства. А то, что нынешний «майданный» режим воспринимает каждую уступку, как свою победу — очевидно. И будет «гнать» русских до тех пор, пока они не восстанут, как Крым и Донбасс. Или не уедут со своей земли. Или не умрут.

С другой стороны, типичны высказывания, которые слышим, к примеру, от Сергея Кургина в «Специальном корреспонденте». Он (да и многие другие) проводит аналогии с гитлеровской Герма-

нией. И видеоряд с факельными шествиями, символикой, вскинутыми руками национал-социалистов, бандеровцев и «правосеков» прямо указывает, что это вполне соизмеримые явления, которые должны вызывать адекватные страх и отвращение. Но в какой-то момент ловлю себя на том, что в отношении украинских «неонацистов» я чувствую лишь отвращение, а страх отсутствует. Почему?

Совершенно согласен, что в современном понимании — «Украина» точно не Россия. Потому что Россия — это реальность, а «Украина» — проект, неестественный, уродливый, который при всём внешнем сходстве не имеет никакого отношения к чудовищному «опыту» гитлеровской Германии. Да, движущие силы, активисты, марширующие в первых рядах, бесноватые лидеры, сжигаемые книги и разбитые памятники, которые мы видим каждый день на экране, — неперемённые атрибуты подобных событий что в прошлом, что в настоящем. Вопрос, а что за ними? Гитлер и его партия опирались на великую страну. Страну с уникальными воинскими традициями, наукой,

культурой и историей. Всё это нацисты не отрицали, а возводили в абсолют. Да, немецкая аристократия, особенно военная, внутренне не принимала Гитлера, однако он сумел их склонить к сотрудничеству, уговорить, купить. Но было кого...

На сегодняшней Украине военной аристократии нет. Там вообще нет никакой аристократии. Есть параноик, бывший министр обороны, Гелетей, открывший миру «факт» ядерной бомбардировки Россией Луганска. Есть его преемник, Полторак, явивший всем зрителям наших новостных программ новое географическое направление «юго-север». Есть подобие «СС» под американским «брендом» — «нацгвардия», мутант из бандеровцев с махновцами. Есть плохо вооружённые стада согнанных по призыву обывателей, которые не разбегутся только из страха перед заградотрядами тех же «нацгвардейцев» или из боязни оказаться за решёткой. Из этого же страха они стреляют куда попало, по принципу «умри ты сегодня, а я завтра».

На Гитлера работала вся Европа. Украине Европа не хочет помогать, здесь со скрипом ремонтируют (а иногда даже выпускают) советские танки и уже не первый десяток лет ждут чудесного «прорыва» самолёта КБ Антонова, который за это время уже устарел. Все эти произведения сосредоточены там, где говорят и думают по-русски, а не по-украински. Касательно «опорной» философии, какой бы ни был Фридрих Ницше, но даже рядом с ним все шухевичи, бандеры и

иже с ними — даже не карлики, так, микропы. А уж сравнивать наследие германской музыки, литературы, культуры с тем, что «создали» представители «незалежного» мировосприятия, может только умиленный. Или Тягубок. Когда вспоминаешь историю гитлеровского государства — становится действительно страшно. А когда смотришь украинские телеканалы, их хроника боёв в Донбассе — чувствуешь стыд за коллег.

Украина становится сегодня «территорией беспредела». При этом приходит всё большее число тех, кто хочет «крышевать», а не работать. От олигархов до «правосеков» и «нацгвардейцев». Слушая верного «идеалам демократии» Майкла Бома, открыто и свободно выражающего интересы Америки в уже цитированных программах, понимаешь: Запад же «крышет» всю территорию Украины, до поры соблюдая некую видимость «государственности». Но «крыша» не будет кормить. На Украине нет единого народа, а те стихийные образования, что возникают всё чаще, будут и дальше дробиться. Главной «крышей» это даже удобно: «разделяй и властвуй», но по многолетнему опыту жизни на территории Украины риску предположить, что мы можем увидеть там единый народ. Даже догадываюсь, когда. Когда доллар, условно, будет стоить гривен сто. То есть вы даже не представляете, с какой скоростью консолидируется тогда украинское сообщество. И лидеры появятся адекватные, и «великую стену» если и достроят — на металл растащат в момент. На родном русском заговорят и таможен начнут сносить. И будут люто ненавидеть Запад. И не за его тупицы цивилизационный путь, а

за то, что «поматросил и бросил». В Европу позвал, а по «мерседесу» не подарил. А на Западе упорно думают, что с каждым поколением они будут получать из украинцев всё больше верных янычар и самураев, готовых воевать с Россией не жалея живота своего. Только опять: не понимают, что янычары и самураи — это результат многовековой истории, а за два-три десятка лет, отняв у людей свою настоящую историю и предложив некий псевдоукраинский «эраза» — можно вырастить лишь генерацию хулиганов, жаждущего денег, власти и крови.

Валдим Карасёв, который активно защищает сегодняшний украинский режим на наших федеральных каналах, недавно кричал в эфире, что у них никто наше ТВ не запрещал. Ведущий спрашивает: а как смотреть-то? «По спутнику», — радостно ответил украинский пропагандист. Ну, спасибо! Только, говорю серьёзно, если была бы воля, нашёл бы на Украине серьёзных людей, дал бы денег, и они начали бы любому желающему устанавливать за 1 гривну спутниковую антенну, заточенную на российские каналы. Поди, придерись, бизнес, рекламщики оплачивают. Конечно, тут же издали бы закон и начали бы антенны рубить. Хотя попробовать, может, и стоит... за гривну-то каждый возьмёт. А своё потом отстаивать будет отчаянно. Тут у нас менталитет общий...

Нынешняя Украина — продукт многолетней антироссийской телепропаганды. Надо как-то прорывать блокаду в информационной войне, чтобы спасти всех украинцев, а не только тех, кто живёт в Новороссии, где, кстати, проголосовали совсем не так, как хотели в Киеве.

Пётр СОКОЛОВ

«Если вокрут Шемякина чем-то попахивает, может быть, ему надо принять душ?»

— Так уж получилось, но близкая по духу многим читателям нашей газеты обновлённая «Культура» отмечает 85-й день рождения на финише Года культуры. А со 185-летия «Литературной газеты» начнётся впервые учреждённый в нашей стране Год литературы. Есть в этом некая символичность. Тем более что в 1942-м наши издания были объединены в газету «Литература и искусство». Так что портрет Александра Фадеева, висящий в кабинете главного редактора «ЛГ», — это наша общая история. Девять лет мы жили одной семьей. Газет, которые по привычке называют культурологическими, выражаясь словами поэта, алски мало.

— Самое главное — мы не врозь. Но насчёт культурологических газет... По-моему, ни наша, ни ваша таковыми не являются. Мало по-настоящему патристически настроенных изданий — вот это правда. Не тех, кто готов цинично, за деньги обслуживать действующую власть, держа при этом кукиш в кармане, а тех, кто искренне поддерживает нынешний вектор развития России и зачастую бежит вперед властного «паровоза», работает «разведчиком».

— А не нужны сегодня — есть такое мнение — узкоспециальные газеты — театральные, киношные, как говорится, чисто конкретно для художников? Вы ведь работали когда-то в театральном медийном проекте...

— В газету, которой сейчас руковожу, я впервые пришла в 18 лет, когда училась в ГИТИСе. Первая запись в моей трудовой книжке — «корреспондент отдела театра газеты «Культура». Тогда специальная пресса ещё пользовалась спросом. Сейчас, мне кажется, время не то. Не верю в успешность узкоспециальных изданий в ближайшем будущем. Потому что искусство — это не только «как» (а подобные издания занимаются прежде всего вопросами формы). Искусство, а тем более культура — в широком понимании — это в первую очередь «что». То есть набор смыслов, общественные ориентиры, иерархия ценностей. Сейчас идёт страшная борьба за эти ценности и ориентиры. Вот когда мы с ними определимся, когда уляжется пыль и наступит хоть какая-то ясность, можно снова заняться тонкостями формотворчества. Наверное, и сейчас они важны — узкому кругу. Но мне как профессионалу в журналистике это сегодня неинтересно. Для меня в тысячу раз важнее, куда моя страна, где я родилась, живу и уезжать из которой не собираюсь, будет двигаться дальше. И очень бы хотелось, чтобы наша газета помогала ей в пути, чтобы в общей копилке обретения ценностей и возвращения смыслов были, как говорится, и наши пять копеек.

Я радуюсь тому, что вовремя ушла из театральной критики, и удивляюсь тому, насколько вовремя наше поколение в неё вступило. Лет двенадцать занималась только этим. Была, в общем-то, очень «распальцованным» критиком, говорю без ложной скромности — по меркам один в последние годы практики, пока не надоело. Но вдруг поняла, что обедняя свою жизнь, лишая себя массы возможностей — и творческих, и карьерных. При этом точно могу сказать: в театрах нас ждали. Волновались, что завтра напишем. Это старшее поколение могло позволить себе месяца вымучивать рецензию, а мы работали в ежедневной прессе: вечером — премьера, наутро — текст. Друг друга не любили, были такие волчары, конкуренты. У кого завтра материал выйдет лучше — в «Известиях», «Коммерсанте», ещё где-то... Театры stalkивали нас, потом долго обсуждали, ревновали, заплывали звонили... А сейчас что происходит? Ну, кто-то что-то написал. Ну, вывесили на доску. Ну, актёр, пробега мимо, глянул в полглаза... Интерес к критике пропал. А вы говорите — специальные издания... Не только в театре, вообще в искусстве, теперь это две параллельные реальности — те, кто производит культурный продукт, и те, кто его оценивает. Может быть, поэтому среди молодых критиков нет ярких имён. Мы фактически закрыли тему. Нет нового Должанского, Давыдовой, Заславского — как бы мы друг к другу ни относились, на нашем поколении критика заканчивается.

— Ямпольской новой тоже нет.
— Второй нет. Новая есть — появилась несколько лет назад. Придя в «Известия» — уже по второму кругу — и возглавив там отдел культуры, я стала интересоваться, какова посещаемость на сайте театральных материалов. И поняла: нас никто не читает. В рамках арифметической погрешности. Мы плещемся в своём мирке, считаем себя пупами земли, а это крохотный аквариум. Вокруг Мировой океан, а здесь гулли радеются, что написала рецензию лучше вуалехвостики... Я видела пожилых критиков, которые еле-еле приходили в театр, достала ли ручку, блокнот... Ужаснулась и

спросила себя: ты хочешь вот так закончить свою жизнь? Привлекаться немощной в театр, который ты, наверное, уже ненавидишь. Как сказал один человек, критик — это Золушка, которой каждый вечер приходится ездить на бал. В общем, я поняла: если хочу что-то полезное сделать в жизни, страницу театральной критики надо перевернуть...

— И вот уже три года возглавляете пророссийское общественно-политическое издание — газету «Культура». Каков промежуточный итог в канун юбилея?

— 12 декабря будет ровно три года, как мы — новый главный инвестор и я — зашли в это здание на Новослободской улице. Из этого времени примерно года полтора — тяжелейшая пахота, черновая работа, не поднимая головы, практически не выходя из редакции. Я не могла позволить себе отдохнуть, была издёрганная, уставшая. И ребята мои были издёрганными и уставшими. А тут ещё капитальный ремонт... Мы ведь не просто вытащили из небытия газету, которая благополучно умерла за месяц

Главный редактор газеты «Культура», член президиума Совета по культуре при Президенте России Елена ЯМПОЛЬСКАЯ о своём издании — накануне его 85-летия, умении вести дискуссию и многом другом.

до нашего прихода. Здесь были не только духовные, но и материальные руины: из рассыпавшихся окон дул ледяной ветер, коридоры завалены бумагами, всё прокуренное, грязное. Компьютеры стояли такие — я и не подозревала о существовании подобных моделей, какие-то дедушки компьютерные. Всё начинали с нуля, всё на коленках. 20 января 2012-го вышел первый номер, сделанный на двух-трёх новых компьютерах, на тех же коленках, среди окружающего ужаса и кошмара: тут воду прорвало, тут лифт не работает... Борясь с бытом и нездоровыми рецидивами в прежнем коллективе и постепенно меняя его на новый, мы пытались понять, какую газету хотим делать. А ближе к концу второго года произошёл приятный перелом. Коллектив уже был сформирован, появилась возможность кое-что переложить на другие плечи. Хотя я по-прежнему вычитываю в каждом номере каждую строчку, контролирую абсолютно всё. Не было ни единого номера, в котором бы хоть один текст — вплоть до новостей и рекламы — прошёл мимо меня. На сайт, в бумагу: ОТК — это я. Но тем не менее сформировался состав заместителей, сложился журналистский коллектив, жить стало значительно красивее, чище и...

— И веселее.
— И веселее, естественно. А главное — мы почувствовали резонанс. При том, что мы работаем без рекламы. Газета — дело дорогое, и требовать от инвесторов, чтобы они ещё и в рекламу вкладывались, — бессмысленно. При том, что реальный эффект даёт только телевизионная реклама. А она стоит битых денег. С самого начала мне многие говорили: ничего честный труд всегда вознаграждается. И действительно, для нас прошло время пожинать первые плоды. Приятно, не скрою. Отклики идут с самых разных сторон. Теперь я не удивляюсь, когда, например, звонят из Министерства обороны: хотим сотрудничать с вашей газетой. Это почётно, но абсолютно естественно. По большому счёту, а с кем ещё им сотрудничать? У нас даже новый слоган появился, перефразируя императора Александра III: у России три союзника — армия, флот и газета «Культура»... Нас ценят спецслужбы — мы многом вторичным журналистским продуктом. С засильем идеологии — так что зря упрекают, будто именно я ввела здесь моду на политику. Публикация партийных документов, руководящих речей, писем трудящихся — целыми полосами. Очень мало эксклюзива. Не «Известия», прямо скажем...

Поначалу я тосковала по «Известиям» — не тем, из которых ушла, а по тем, куда приходила совсем такой прекрасной слова о «Культуре», что порой плакать хочется от

счастья. Ведь был страх, конечно, был: вдруг не получится высоко голову поднять, вдруг нас не заметят... Заметили. Очень даже заметили. На всех уровнях.

— Тираж...
— Указываем честно, экземпляр в экземпляре — около 35 тысяч. Газета, которая канула в Лету до нас, печатала три тысячи экземпляров, и в основном они уходили в возврат. Бумажная пресса, вы сами знаете, обходится дорого — так что рост тиража сознательно сдерживаем, дабы не вылететь в трубу. Не раз повторяю: мы стараемся делать самую красивую газету в стране. Я очень люблю, когда всё красиво — и эстетически, и этически. Чисто, ясно и со вкусом.

— Выпуск журнала «Свой» — это шаг к созданию издательского дома? А иногда к свежестиму номеру ещё и CD прикладывается. У меня уже целая коллекция. Контакты с фирмой «Мелодия» будут продолжаться?

— Про издательский дом пока речи нет. Журнал Никиты Михалкова «Свой» останется пока единственным приложением к нашей газете.

но там сохранялся особый имперский дух, большой имперский стиль. Первая газета страны (ибо «Правды» уже не существовало), Пушкинская площадь, целый набор легенд и мифов, архивы, от которых дух захватывает... Всё это придавало тебе ощущение собственной значимости, статуса. Когда я покинула «Известия», у меня в машине постоянно крутилась песня Визбора «Я сердце оставил в Фанских горах». Казалось, «Известия» — это мои Фанские горы, где действительно оставлено сердце. Утешало лишь то, что тех «Известий» всё равно больше нет. Знаете, наверное, проще оплакивать человека, который ушёл от жизни, нежели того, кто ушёл лично от тебя. Это более чистые слёзы, они не замутнены никаким злым негативным чувством...

Я привела в «Культуру» немало известнейших — настоящих, как теперь говорят, «олдскульных», и мы попытались на этой почве создать «Известия», о которых мечтали. Яркое, умное, солидное имперское издание. Главная трудность — сей-

ный отдел проверки, приведённый мною из «Известий». И мы прекрасно знаем, что говорил Александр Исаевич Солженицын, а чего не говорил, и к чему именно он призывал Соединённые Штаты Америки. Но официально отвечать по столь ничтожному поводу — смешно. А если мы начнём «защищать» Полякова, думаю, он сочтёт это оскорбительным. Он — сильный, умный, независимый человек, вполне способен ясно выразить свою точку зрения и самостоятельно её аргументировать. Да, ему, мужчине, нелегко полемизировать с дамой, он обязан при любых обстоятельствах оставаться вежливым и галантным — но это норма жизни, другого я вообще не приемлю. Знаете, довелось недавно сниматься на канале ТВЦ в авторской программе одного крайне дешёвого, но очень известного нынче писателя. Большого хама в жизни не встречала. Он бросился на меня так, как за заборами подмосковных дач алабай бросаются на прохожих. Правда, получил отлуп и всю эту пикировку затем трусливо из программы вырезал.

от тебя. Кстати, понимает ли он сам, что обрушился на газету, которой каждый год даёт большие интервью? Мы всегда предоставляли ему площадку, никогда не затыкали рот, были вежливы и лояльны. А вот Шемякин, которого прорвало на «Свободе», — это Бела Кун и Розалия Землячка в одном лице. Полнейшая нетерпимость к чужому мнению. Всех, кто тебе по тем или другим причинам не нравится, надо погрузить на баржу и затопить. Или — как минимум — лишить этих людей слова, трибуны, площадки, возможности работать. Боюсь, Михаил Шемякин так долго создал монстров, что теперь живёт среди них.

— Елена Александровна, вы потомственная москвичка. Ну и как вам культурная политика нынешней столичной власти? Как вы её оцениваете?

— Если бы в московском правительстве была должность министра паркового хозяйства, то более идеального кандидата на эту вакансию, чем Сергей Александрович Капков, не нашлось бы. Я люблю заниматься спортом, кататься на велосипеде, ходить, наматывая километры, — и не могу не заметить, в какое великодушное состояние приведены столичные парки. Правда, они все похожи друг на друга...

— А гордость Капкова — парк Горького?

— Он лишился своей характерности. Это не то место, где гуляли наши родители, не то, о чём Высоцкий пел «тут стоит культурный парк по-над речкою». Это среднестатистическая европейская зона отдыха, чистая, удобная. Но, как бы то ни было, Капков привёл в порядок парки — это его гигантский вклад в развитие города, за что ему пять с плюсом и земной поклон.

А вот то, что делается в Москве в области театрального искусства, считаю безобразием. Близкий по времени пример — «Борис Годунов» в подведомственном Департаменту культуры театре «Ленком», поставленный режиссёром Богомоловым. Когда я уходила в антракте с этого зрелища и со мной вместе покидало зал немалое количество зрителей, слышала краем уха возмущённые реплики: надо вводить уголовную ответственность за оскорбление классики! Вот, ребята, к чему приводит псевдодемократическая политика в области культуры. Значительная часть общества говорит уже не о цензуре, не о Главлите. Она говорит о репрессиях против тех, кто позволяет себе так обращаться с национальным достоянием. Всё срывается с точностью до наоборот: вы ладонь полностью разжали, ничего не контролируете, не сдерживаете, а у народа кулаки сжимаются. Когда я вижу Пимена в образе тюремного наркомана, вырезающего летопись на спине у сокамерника, такого же обдолбанного и обкурённого, и понимаю, что на это потрачены городские деньги, деньги из наших карманов, перестаю понимать: культурой в Москве вообще кто-нибудь руководит? А если да, то это сознательное поощрение бесовщины или просто полнейшая некомпетентность.

— В «Культуре» сейчас нет телевизионной странички...

— Честно вам скажу, это мера вынужденная. Телевидением надо заниматься регулярно, оно даёт поводы — фильмы приличные, периодические появляются, программы интересные выходят. Но трудно найти журналиста, который отвечал бы нашим требованиям — и предмет знал досконально, и позицию газеты принципиально разделял. За последние годы — это не только в телекритике относится — сформировался перекос: большинство умеющих складывать слова журналистов придерживаются либеральных взглядов. Это связано в первую очередь с тем, кто и как их учил. Так что про телевидение пока пишем точноно — от события к событию.

— А литературы не маловато? Хорошая рубрика «Литфонд» — из «ЛГ» это особо видно — редко выходит.

— Не спорю. Но сейчас сама жизнь требует усилить общественно-политическую составляющую, все силы брошены на это. Появились полосы «Пятая власть» — про экономику, «Большая игра» — о геополитических отношениях России и Запада. Привлекаем всё новых кolumnистов, «Авторское право» — одна из самых востребованных читателями рубрик. Что касается литературы — нам с вами, конечно, не соревноваться. Да мы и не пытаемся, искренне радуясь успехам «большого брата». У нас с «Литературской» сложился прекрасный дружеский тандем, чем мы очень дорожим. Делить «Культуре» с «ЛГ» абсолютно нечего: читателей хватит и вам, и нам.

— Ещё раз с юбилеем! Как принять участие в России, дай Бог — не с последним!

Особо хочу заметить — бесплатным приложением. Как и диски, которые мы выпускаем совместно с легендарной фирмой «Мелодия», — это подарок. То есть по обычной цене — 22–23 рубля — человек получает либо качественное чтение на пару недель вперёд, ведь «Свой» — это философия, религия, история, либо CD — всегда с уникальной, специально подобранной программой. Скажем, в номере за 7 ноября мы будем отмечать не только собственное 85-летие, но и аналогичный юбилей Александры Николаевны Пахмутовой. У нас разница в датах — всего лишь три дня! А диск с песнями Пахмутовой — по-моему, лучший подарок.

— Елена Александровна, вы действительно начали с чистого листа. Но была ведь некогда популярная «Советская культура». Вы её не вспоминаете?

— Сейчас, перед 85-летием, вспоминаем. Делаем репринты в юбилейный номер — не только как иллюстративные элементы. Смыслообразующих материалов, с сожалением, обнаружить не удалось, хотя изучали подшивки очень внимательно. Увы, в «Культуре» не было ни легендарных главных редакторов — пропустим общего с «ЛГ» Александра Фадеева, ни публикаций, о которых бы говорила вся страна. Вообще на вопрос, что за издание «Культура», обычно вспоминают: это одна из двух газет, которые напечатали извещение о смерти Владимира Высоцкого...

«Культура», как бы она ни называлась — от «Рабочий и искусство» до «Советской культуры», — была во многом вторичным журналистским продуктом. С засильем идеологии — так что зря упрекают, будто именно я ввела здесь моду на политику. Публикация партийных документов, руководящих речей, писем трудящихся — целыми полосами. Очень мало эксклюзива. Не «Известия», прямо скажем...

Поначалу я тосковала по «Известиям» — не тем, из которых ушла, а по тем, куда приходила совсем такой прекрасной слова о «Культуре», что порой плакать хочется от

час объективно мало сильных журналистов, журналистов-писателей. Это самая элитарная порода, ради неё, на мой взгляд, профессия и существует. В основании пирамиды — новостники, корреспонденты, репортёры, те, кого ноги кормят, а на вершине — те, кого кормят талант и ум. Таких журналистов сегодня — по пальцам перечесть. Но мы стараемся каждому тексту придать достойный художественный уровень. Чтобы в газете был полёт, были горизонты, ощущение пространства, наполненного смыслами, образами, символами.

— Подходит к концу Год культуры. Что, на ваш взгляд, было главным?

— О его итогах можно будет судить после того, как будут приняты Основы государственной культурной политики. Важнее этого ничего нет. Год закончился — документ останется и задаст векторы для принятия закона о культуре, вообще — для дальнейшей работы в том самом направлении «что», о чём мы говорили.

— Юрий Поляков опубликовал в журнале «Свой» мнение о предстоящем через четыре года юбилее Александра Солженицына. Небольшая заметка вызвала такую бурю эмоций, статей, выступлений, радио- и телеобсуждений... «Культура» как бы дистанцировалась от этого...

— Что значит дистанцировалась? Текст написал Юрий Михайлович Поляков. Наталья Дмитриевна Солженицына направила открытое письмо — ему, но почему-то на наш адрес. Мы сразу опубликовали. Поляков отреагировал — на нашем портале немедленно появился его ответ. Не очень понимаю, на каком этапе в спор должна была вступить «Культура»? «Российская газета», опубликовавшая всё то же самое, но несколько позже, без комментариев — одной тоналности обойтись не смогла. Нашей газеты там касалось единственное замечание: где был отдел проверки, почему он не посмотрел, призывал ли Солженицын... Могут заверить коллег из «РГ» (кстати, всегда изумляюсь, когда государство прессу спонсирует либерально, а не наоборот) —

ЭПИТАФИЯ

Жизнь ради людей

Памяти Л.И. Швецово

Она осиротила многих. Самых разных людей. Своего крестника Олежку, которого спасала от родовой травмы заботами и повседневным вниманием. Ещё несколько десятков крестников и крестниц, матери несли их ей отовсюду. Отслеживала всех. Слегка сердилась, когда крестные дети надолго исчезали. Посылала им подарки к дням рождения.

В домах престарелых тоже глубокий траур. Там помнят её частые приезды с подарками и неподдельным вниманием к нуждам каждого пожилого человека. Кто теперь так искренне, щедро и адресно позаботится о них?

Вокруг неё был огромный мир друзей, уверенных в её неизменном желании всегда и во всём быть им полезной. Каково им теперь?

Она была окружена подругами всех возрастов и разных социальных групп. Все они сегодня плачут о себе.

Она была настоящая красавица. Возраст оказывался невластным над нею. Никакие расширения были не нужны лицу, исполненному безграничной доброты и сияющему чуть ли не небесным светом.

Она своим уходом из жизни наслала непоправимый удар сотрудникам, работавшим с нею долгие годы. Они шли за нею из одного учреждения в другое, хотя она редко меняла место работы, шли, не задумываясь о благах. Она всегда участвовала в их проблемах, радовалась и печалилась обо всём, что случалось с ними, создавала семью в коллективе.

Она обнимала Москву, любившую её творческие замыслы, та-

лантливые идеи, вдохновенные выдумки.

Она смело шла навстречу людям, нуждающимся в её помощи. Ей мог дозвониться простой человек.

Она была естественна и тепла, как солнце, неслучайно её любимым цветком был подсолнух.

Женщина-праздник, говорили о ней. Я не встречала никого, кто не любил бы её, милую людям.

Жизнь не слишком баловала Людмилу — она потеряла мужа, отца, мать, сына, брата.

Она не предала идеалов молодости, как бы ни поворачивались рули страны-корабля.

Меня с Людмилой соединило нечто суровое. Наши отцы были связаны с танком Т-34, мой — конструктор, её — пехотинец, прошедший войну на тридцатьчетвёрке. С её поддержкой я создавала единственный в мире музей этого танка.

Она была первой русской, возглавившей Всемирный женский форум. Когда недавно она возглавила ещё и общество «Знание» — во всех уголках России оно ожило в надежде на новые повороты в своей судьбе.

На моём письменном столе сегодня лежит близкая к завершению рукопись книги «Откровения Людмилы». В ней запечатлён живой голос настоящей женщины, потрясающего человека нашего времени. И такие в ней откровения, как открытия!

Знак судьбы — она ушла в День комсомола, с ним её связывала вся жизнь.

Душа болит.

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

Чуть больше месяца назад мы поздравляли её с 65-м днём рождения, оказавшимся последним в недолгой жизни Людмилы Ивановны Швецово. Для литгазетовцев её смерть — событие, горькое вдвойне. Многие годы она не только была другом «ЛГ», дважды гостем нашей «Комнаты 206». Всегда была готова ответить на наши вопросы, дать оперативный комментарий. Людмила Ивановна — наш автор с более чем десятилетним стажем. Она сама писала свои материалы, не прибегая к помощи пресс-секретаря — о любимой Москве, о социальном блоке, о ветеранах, которых по-настоящему любила. Как она заболела о Егоре Александровиче

Исаеве, до последнего дня поэта-фронтовика. Укладывала его в больницы, уговаривала на обследования, отправляла в санатории. Мы знали об этом от самого Исаева. И когда однажды лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда принёс в редакцию стихотворение, посвящённое Л.И. Швецово, с удовольствием его напечатали. Думаем, будет нелишним повторить поэтические строки Е.А. Исаева как последний наш поклон замечательной женщине, профессионалу высочайшего класса, автору и другу. Людмила Ивановна Швецово будет всем нам не хватать.

«ЛГ»

ЕГОР ИСАЕВ,
«ЛГ», № 38, 2009 год

ОДНОЙ МОСКВИЧКЕ

Скажу, как подобает
не лстыцу:
Вы к городу — лицом,
и город вам — к лицу
И доскажу всерьёз,
без куража:
Вам жест к лицу
и от лица — душа,
И плюс екатерининская стать.
За это вам вся лирика в тетрадь.

«ЛГ»

ЕГОР ИСАЕВ,
«ЛГ», № 38, 2009 год

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Морозовская будет лучшей

На 2016 год намечен ввод в эксплуатацию многопрофильного лечебного корпуса Морозовской детской городской клинической больницы.

Новое здание площадью 71,2 тысячи квадратных метров появится на месте одноэтажных больничных корпусов, построенных в 30-е годы прошлого века и находящихся в аварийном состоянии. «Фактически мы строим не корпус, а новую детскую клинику на 500 коек, оснащённую самым современным оборудованием», — заявил Сергей Собянин во время осмотра строящегося многопрофильного лечебного корпуса в 4-м Добрынинском переулке.

Морозовская детская больница и сегодня является крупнейшим лечебно-профилактическим учреждением города. Стационар был основан купцом Викулой Морозовым в 1903 году для помощи детям из бедных семей. Задумав построить больницу «не хуже, чем в Европе», меценат попросил известного хирурга Т.П. Краснобаева изучить передовой опыт лучших клиник Швейцарии, Германии, Италии. За прошедшие сто с лишним лет Морозовская больница превратилась в настоящий лечебный городок, расположенный в центре Москвы. В состав многопрофильного стационара входит 47 отделений и подразделений, где медицинскую помощь оказывают по пяти основным профилям — педиатрическому, терапевтическому, хирургическому, инфекционному и

реанимационному. Ежегодно в Морозовскую больницу, включая консультативно-диагностический центр, обращаются около 200 тысяч пациентов; почти 90% из них — московские дети.

Мэр Москвы напомнил, что в рамках программы модернизации столичного здравоохранения в 2012–2013 годах в Морозовскую детскую больницу было поставлено без малого 3000 единиц современной медицинской техники, включая комплексы цифрового рентгеновского оборудования, магнитно-резонансный и компьютерный томографы. Тогда же завершилась реконструкция корпуса, в котором находятся три отделения: инфекционно-боксированное для детей младшего возраста; отделение неонатологии, неврологии и микрохирургии глаза для детей грудного возраста и отделение реанимации и интенсивной терапии для новорождённых и недоношенных детей. Кроме того, привели в порядок кровли больничных зданий и пищеблока, заменили лифтовое оборудование в трёх корпусах.

Градоначальник отметил, что возведение нового корпуса Морозовской больницы — это федеральный проект, подготовкой которого столица и Минздрав России занимались не-

скольким лет. На строительство планируется потратить более 11 млрд. рублей — их в равных долях выделят из городского и федерального бюджетов. Сергей Собянин добавил, что по уровню оснащения и спектру оказываемой медицинской помощи строящийся корпус не имеет аналогов в России. Здесь откроются отделения экстренной абдоминальной и гнойной хирургии, оториноларингологии, эндокринологии, функциональной диагностики, эндоскопии, травматологии, ортопедии, онкологии и гематологии, а также отделения офтальмологии и микрохирургии глаза, трансплантации костного мозга, лучевой диагностики и многие другие. А ещё в современном семизэтажном здании расположатся операционный блок, клинико-диагностическая лаборатория, конференц-зал, буфет и пищеблок, а в цокольной и подземной частях — автостоянка, технические и служебно-бытовые помещения.

Все палаты для маленьких пациентов в новой лечебнице будут одно- или двухместными; каждую из них оборудуют системой видеонаблюдения и «тревожной кнопкой» для вызова персонала. Пребывание мам рядом с малышами тоже станет более комфортным: для них проектом предусмотрены спальные места. «Мы рассчитываем, что обновлённая Морозовская больница станет лучшим детским стационаром не только в городе Москве, но и в России», — подытожил Сергей Собянин.

ПЕРСПЕКТИВА

Прогуляемся по Зарядью

Новый уникальный парк в историческом центре столицы станет подарком горожанам к 870-летию Москвы.

Название района Зарядье связано с его местоположением относительно Красной площади и Кремля — от них территорию когда-то отделяли торговые ряды, тянувшиеся вдоль Москворецкой улицы, от Варварки до Москвы-реки. «Район был идеален, он передавал дух города сильнее, чем какой-либо другой, это был неповторимый «город в городе», целый отдельный мир в самом центре столицы», — ностальгически вспоминает любимый уголок один из коренных москвичей. — Если бы Зарядье сохранилось, я, наверное, не слезал бы с его крыши, а впрочем, иногда бы слезал — побродить по зарядским дворам и подворотням». Может статься, что через пару лет это место, имеющее не только богатую историю, но и значительный ландшафтный потенциал, вновь станет центром притяжения для жителей Москвы, России и зарубежных гостей.

В 2012 году было принято решение о создании на месте снесённой гостиницы «Россия» общедоступного парка, который объединит в себе несколько функций — рекреационную, культурную, историко-архитектурную. Столичное правительство провело конкурс на концепцию развития территории района, в котором приняли участие ведущие проектировщики России и мира. Проект-победитель — международный консорциум во главе с архитектурным бюро Diller Scofidio + Renfro (Нью-Йорк) — основан на принципах ландшафтного урбанизма, гарантирующего комфортное взаимодействие между

природой, городом и людьми. В соответствии с проектом посетители парка «Зарядье» смогут ознакомиться с растительностью различных климатических зон нашей страны — в ход пойдут технологии создания искусственного климата. Среди деревьев и кустарников, высаженных на площади в 11 гектаров, появятся не только «резиденты» средней полосы, тундры, субтропиков и Сибири, но и копии, адаптированные для московских условий. На пешеходных дорожках парка используют как твёрдые, так и мягкие типы покрытия: дерево, камень, плитку, грунт, траву. Экспозиционный культурный комплекс и медиапавильон «Заповедное посольство», маршруты для прогулок и смотровая площадка с выходом к Москве-реке, ледяная пещера и самая крутая городская горка в снежный сезон — предполагается, что в парк «Зарядье» будут наведываться до 12 миллионов человек ежегодно.

Проект реновации и благоустройства Зарядья включает не только создание нового городского парка, но и строительство филармонии, а также обустройство расширенной пешеходной зоны с уменьшением количества полос для движения машин на Москворецкой набережной и по Москворецкому мосту. Особенности филармонии, которая вместит 1,5 тысячи гостей, станут раздвижные стены. Они присоединят к залу открытый амфитеатр ещё на 5 тысяч мест. А в случае непогоды слушатель защитит так называемая стеклянная кора — специальные прозрачные

конструкции, встроенные в парковый ландшафт.

Кроме этого, запланирована масштабная реставрация исторических памятников на улице Варварка, которая в будущем станет пешеходной. «На этой территории находится девять уникальных объектов, имеющих муниципальное или федеральное значение, в том числе шесть храмов, — поясняет руководитель Департамента культурного наследия Александр Кириловский. — К сожалению, этот великоценный архитектурный ансамбль никогда не смотрелся в своей подлинной красоте — в конце XIX века здесь были построены высокие дома, потом гостиница «Россия». А после реконструкции видовая панорама Зарядья станет такой же визитной карточкой Москвы и России, как храм Василия Блаженного, Кремль, Суздальская панорама». По двум объектам работы уже завершены: ранее отреставрирован Братский корпус Старого Государева двора (Знаменский монастырь); сегодня полностью восстановлен Старый Английский двор XVII–XVIII веков (музей «Английское подворье»). На очереди — реконструкция Патриаршего подворья: церкви Зачатия Святой Анны, церкви Святой Варвары, церкви Святого Максима Блаженного и церкви Святого Георгия на Псковской Горке. Эти памятники будут воссозданы за счёт городского бюджета к 2016 году.

«По сути, мы создаём своеобразный музей под открытым небом, экспозицией которого станет сама Москва и богатая российская природа. Надеюсь, парк «Зарядье» будет одним из самых любимых и посещаемых мест в центре города», — предположил столичный мэр Сергей Собянин.

Автор материалов ИРИНА ЛАЗАРЕВА

Дмитрий ДАРИН

ОСИЯННАЯ РУСЬ

Проснись вот-вот
от стука мокрых веток,
Сойду с крыльца в синюющей расцвете,
Я много видел мест по белу свету,
Но хлебнее России в мире нет.

И может, жить
уютней в странах многих,
Но где родился, там я и умру,
Где поутру роса омоет ноги,
Где шепчутся рябины на ветру.

И как тебя ни жгли, ни носили,
Но кости переломанных крестов
Срастались в душу гордую России,
Что пьёт Господь из чаш колоколов.

Не наглаголюсь в твои седые дали —
И нет войны, и села тихо спят,
А солнце перековано в медали
В полях твоих оставшихся солдат.

Не спит река, течёт в тумане белом,
Как жизнь моя течёт меж берегов.
Пологий — та любовь, что отзвенела,
Высокий берег — к Родине любовь.

И мне теперь с него виднее дальние
Туда, за бирюзовый окёйм.
Где сохранит Россия души наши,
Где мы её всем миром сбережём!

Я люблю красоту белоствольную эту,
Что не высказать словом,
а только вздохнуть,
Осиянная Русь, разве сыщется где-то
Край такой,
чтоб под ветки берёз не уснуть?
Я люблю красоту белоствольную эту,
Дальний дым над трубой и дорогу в полях,
Осиянная Русь, я люблю беззаветно
Слёзы синих озёр и печаль в соловьях! 2014.

БЕЗЫМЯННЫЙ БАТАЛЬОН

Как повязка на рану —
Ранний снег на поля.
На гранёном стакане
Корка хлеба моя.
Не сегодня закопан,
Я расстрелян в упор,
По военным законам
Призываюсь на сбор.
Орды смотрят сурово
В пополнении сил,
И приходится снова
Нам вставать из могил.
Мы займём оборону —
Павший наш батальон —
Переключка — условно,
Все бойцы — без имён!

Не бывает в России солдат безымянных,
Бог хранит имена — чтобы с нами на «ты».
Оттого чёрный хлеб,
что на русских стаканах,
Тяжелее гранитной плиты!

Но мы сраму не имем,
Кто по списку — всерьёз —
Здесь проходят живыми,
С вас — повышенный спрос!
Это с ваших согласий
Опускали страну!
Мы — Иваны, да Васи
Продолжаем войну!
Смерть давно нам покорна,
И со снегом в кудрях
Мы погибнем повторно
На российских полях!
И в награду за это
Нам родная страна
По Всевышним заветам
Возвратит имена!!

Не бывает в России солдат безымянных,
Бог хранит имена —
чтобы с нами на «ты».
Оттого чёрный хлеб на гранёных стаканах
Тяжелее гранитной плиты!

И каждый ищет счастья на земле,
Не зная толком, что это такое...
Один — побед, другой — покоя,
В перинах этот, тот — в седле.

И каждый ищет счастья по себе,
Не зная толком, истинно ль достоин...
Жена — в рожденьи, в смерти — воин,
В смиренье этот, тот в борьбе.

И каждый ищет счастья навсегда,
Не зная толком, сколько это значит...

Бодрится дед, юнец — растрачен,
Минуты этим, тем — года.

А месяц спит слезинкой на весле,
Жизнь — утлый чёлн, и нету рулёвого,
И мне ничто не будет ново,
И даже — счастье на земле!

Кунр, 2014

СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ

Твоих волос туман не тронет,
Не тронет время красоты,
Пока на маленькой ладони
Мужское сердце держишь ты.
Оно уже — полуживое,
Лежит поломанным птенцом...
Любви отверстие носовое,
И ложь, волшебная свинцом.
Я сердце дал — почти пустое,
Не отзовётся, не зови,
Как дом, свободный от постоя
Великой армии любви.
Не злато правит миром — страсти,
Свой победитель славит плен,
И вот теперь я Божией властью
У тонких девичьих колен.
А час придёт — я на перроне,
Прощальную скрывая боль,
Махну тебе пустой ладонью
И сердце отпущу с тобой.
И ты свою судьбу исполни,
В другом жги жертвенный огонь,
Стряхни меня, как хлеб, с ладони,
Но только не сжимай ладонь!

2013

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ (ЦДЛ)
Москва, ул. Большая Никитская, 53 (м. «Борницкая»)

Любимь её? подари...
«СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ»
авторский литературно-музыкальный спектакль

27
ноября
19:30

Участвуют:
Народный артист России
Сергей Никоненко
Заслуженный артист России
Владимир Пресняков (ст.)
Заслуженный артист России
Алексей Глызин
Заслуженный артист России
Ян Осин
Заслуженный артист России
Александр Покидченко
композитор, певец
Анатолий Верещагин
группа
«Рядовой Дарин»

Дмитрий Дарин

Билеты на сайте www.koncert.ru и по тел. 8 (499) 502-16-77
билеты в кассе ЦДЛ тел. 8 (495) 691-63-16

ПРАВЫ

Вызволнение «железного коня»

Как вернуть свою собственность, не потеряв своего лица

Недавно произошло непредвиденное. Случилось это так. Из Питера в Москву приехал прозаик Валерий Попов — на очередной литературный «пленум», — и мы договорились с ним поговорить.

Для информации: живу я в самом центре столицы, на «семи автомобильных дымах» — на Садовой Кудринской улице... Жена, которая тоже хотела принять участие во встрече, подъехала к дому — была на приеме у врача, — когда мы с Поповым уже сидели за столом и под горячую картошечку с огурцами (на селедку, украшенную кольцами репчатого лука, политую подсолнечным маслом, нынешним художникам слова не всегда удаётся заработать) и обсуждали животрепещущие вопросы типа: повлияет ли гнев Обамы на урожай кукурузы в Краснодарском крае и выдают ли в карательных батальонах Коломойского национальный украинский продукт — сало, чтобы мюриды олигарха могли смазывать себе пятки и драпать с ещё большей скоростью? В общем, шёл обычный кухонный треп, очень типичный для московских семей.

Машину моя жена Марина поставила под домом, на краю парковочной разметки — на тротуаре, там, где она ставила её и десять лет назад, и двадцать, — и ни у кого никогда не считёшь законности этого действия вопросов не возникало.

На платной же разметке ни одного свободного места не было, хотя уплачено было нами за это отличное удобство три тысячи рублей, во дворе дома, куда «со стороны въезд запрещён», тоже места не было, так что пришлось довольствоваться «откидным креслом» — поставить авто рядом с парковкой.

Единственное, на что Марина обратила внимания, — у соседнего дома появился новый знак, поскольку видна была только его изнанка, а знак этот был очень грозный, воспетый штатными юристами, как и знаменитый «кирпич» — «крест» или «Три 27» — прозван так по номеру, который закреплён за ним официально. Раньше этого знака тут не было, он возник словно бы по мановению дурной палочки, как мухомор в саду. Правда, действие знака «Три 27» на тротуар не распространяется, только на проезжую часть, для того чтобы он влиял на тротуар, его должны подкреплять своей «властью» так называемые знаки дополнительной информации. Их не было.

И тем не менее стоило только Марине войти в дом и поздороваться с гостем, как к машине тут же подкатил зелёный эвакуатор, подцепил несчастный автомобиль на крюк и уволок «куда надо».

Когда через двадцать минут Марина вышла из дома — машины уже не было. Пятиминутное онемение, боль

в висках, рябь в воздухе, медный гуд в затылке... Немного придя в себя, она начала звонить в полицию. Выяснилось, что машину увезли в проезд Дубовой роши.

Взяв деньги, Марина поспешно помчалась туда. Забыла и про гостя, и про меня — про всё. Даже про мобильный телефон — оставила его дома.

У нас однажды такое уже было — точно так же забрали машину. Марине понадобился ровно час, чтобы уплатить штраф и забрать её. Думалось, что сейчас будет точно так же.

с лишним часов. Всё время на ногах. Если уж создали службу «автомобильного отстоя», приносящего Департаменту транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры Москвы немалые, как я разумею, деньги, то хотя бы побеспокоились о людях, которые платят эти деньги в кассу.

Люди стоят по пять-шесть-семь часов на ногах, на ветру, на солнце и дожде, стоят днём, ночью, утром, волнуются, из очереди не уходят, боясь её потерять, некоторым делается плохо.

ми расставаться не желают... — В своей исключительной правоте он был убеждён всецело, как, наверное, и в своей исключительности. Мы поинтересовались протоколом Госавтоинспекции, который обычно составляют, когда увозят автомобиль. Такого протокола не было. Как не было и других бумаг, положенных, думаю, в таких случаях. Решение о принудительной эвакуации принимает один человек, транспортёрной работой занимается другой, а протоколы и штрафы выписывает третий. Оты-

— Телефон пресс-службы узнать можно? — спросил я у Тумасяна.
— На стене!

В бумагах, показательно прикреплённых к стенке здешней конторки, такая служба не значилась. Были телефоны других подразделений МАДИ, были даже телефон правительства Москвы и адрес администрации президента, но только не тех, с кем можно обсудить то, чего не знает Тумасян.

— Как же найти пресс-службу?
— Позвоните дежурному офицеру, — отчеканил Тумасян.

Вот так — офицеру. Может, у МАДИ и артиллерия своя найдётся, 76-миллиметровки на резиновом ходу, чтобы стрелять по ускользающим от рук «офицеров» автомобилям?

Все телефоны, указанные в настенных бумагах, были мобильные, ни один из них, сколько ни звонили, не ответил. Так что узнать, есть ли пресс-служба в МАДИ или это выдумка Тумасяна и что за «офицер» принял решение об эвакуации машины с Садовой Кудринской, узнать не удалось.

— Если вы с кем-то не согласны — можете подавать в суд, — заявил на прощание Тумасян.

Он был психологом — вряд ли кто из тех, кто топчется сейчас на ночном ветре в проезд Дубовой роши, думает об иске — даже если стопроцентно прав. Подать в суд — значит, вновь пережить психологически тот ужас, который уже пережит. Нет, скорее бы забрать свою машину и — домой, домой!

Мы с Поповым начали спрашивать, у кого за что арестовали машину? У водителя станции по ремонту автомобилей Павла «железного друга» взяли на улице Правды, в месте, где запрещающими знаками даже не пахло. Специалист по компьютерной технике Александр припарковал машину на Большой Приоровской улице, где всегда была разрешена стоянка, на разметке, но вдруг оказалось — появился знак, разрешающий парковку только по нечётным числам. Электромонтёр Павел поставил машину на улице Грекова в месте, где «крест» не был виден совершенно, его просто засунули под дерево, ветки которого надёжно прикрыли и знак. И так далее.

Коммерческий директор одной из фирм Сергей получил машину из отстояника с оторванной заглушкой домкрата под днищем и был очень расстроен — авто после этого придётся чинить...

У всех, кто стоял в ту ночь у ворот «крепости», нарушенные были мелкие и у всех на языке вертелся один вопрос:

— Ну взяли бы штраф. Раз допущено нарушение, оплатили бы безоговорочно, но зачем угонять машину неизвестно куда и тем более коржечь её?

Кстати, штраф — три тысячи рублей, а вот такса за то, что твою машину эвакуировали насильно (попросту

угнали), может быть, даже покорежили и её надо ремонтировать, — пять и семь тысяч рублей. Эвакуаторским промыслом занимается целая армия — более трёхсот машин, люди, обслуживающие их, желают есть и пить вкусно. Каждый день их надо обеспечивать работой, совать в рот сардельку с маслом, а в руку — бутерброд с малосольной сёмгой. Вот и гребут эвакуаторы всех подряд, без разбора, вот и расставляют на тротуарах знаки, не всегда будучи знакомыми с их точным предназначением.

Когда-то был популярен анекдот: в Грузии женится молодой сотрудник ГАИ, лейтенант, так начальник на свадьбе говорит ему:

— Вручаю тебе самый дорогой подарок, что есть у нас в ГАИ, — и вручает знак ограничения скорости до двадцати километров. Добавляет виновато: — Извини только, что могу дать тебе знак лишь на один день.

За какое дело чиновная публика у нас ни возьмётся — обязательно перерегнёт палку, а то и сломаёт её. Далеко бы палку — иногда ломает целое дерево. При случае и железный столб завалить может. Одного только не видят эти люди, не ощущают меру, не хотят узнать — как отнесится к этим нововведениям народ?

Я — за то, чтобы расчистить Москву, облагородить её, навести порядок, но при этом надо соблюдать чувство меры и справедливости.

Донельзя устала, разбитая, моя супруга подписала все протоколы, которые ей подсунили господа инспекторы и ночью (уже перешедшей в следующий день) покинула проезд Дубовой роши. Днём жене стало плохо. Давление, которое было у неё всегда пониженным, взлетело до небес.

В голову невольно приходит мысль, что именно сейчас, в нынешние дни и годы, мы в полной мере пожинаем плоды перестройки, затеянной когда-то Горбачёвым. Раньше в результате этой необдуманной «перестройки» кривыми у людей сделались только руки, сейчас кривыми стали, похоже, и души. Поступило, выросло новое поколение людей, которые никогда никого и ничего не пожелают, это у них уже жвижвилось в кровь...

...Мой питерский гость Валерий Попов только удивлялся, глядя на происходящее да удручённо качал головой.

В конце концов произнёс:
— У нас в Питере такого нет и никогда не будет.

И слава богу.

Ну а впоследствии знак, из-под которого уволокли машину моей жены, сняли через несколько дней — очень уж неслеп он был. Деньги же, естественно, не вернули.

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

Водитель, блокируя работу эвакуатора, почти сутки просидел в своей машине

Прошёл час — жены нет. Прошло два часа — жены также нет. И вестей от неё никаких нет — безтелефонная же! Прошло четыре часа — та же самая картина. Все звонки в проезд Дубовой роши ничего не дали — там она не появлялась. Холод мёртво застрял в груди. Навсегда, кажется, застрял... Что случилось, куда пропал человек? К поискам подключился мой старый товарищ, полковник внутренней службы, главный редактор одного из журналов МВД Генерий Попов.

Уже ночью мы появились в проезде Дубовой роши, 7а. У железных ворот толпились народ, не менее пятидесяти человек — самые несчастные на свете люди, которые в этот день потеряли своих «железных друзей». И в самой голове очереди, почти около двери, врезанной в забор, находилась моя жена. Живая. Замёрзшая. Провела она в очереди уже пять

Нет кулера. Нет туалета. Если инородного старика прижмёт боль или начнёт лопаться мочевого пузырь, — некуда сходить, кроме улицы и видных со всех сторон углов.

Отношение здесь к людям, как к осуждённым в зоне.

Впрочем, судя по интонации, с которой говорил с нами один из сотрудников этой конторы-новодела, ночная толпа за железными воротами и есть осуждённые. Только справедливы ли суд?

Когда я увидел живую (точнее, полуживую) жену, обрадовался страшно. Оформляли штрафы за насильно угнанные автомобили два человека, так называемые инспектора, Тумасян и Кокорев. Тот, который был постарше, в основном молчал, а вот молодой недолово ворчал в адрес клиентов: — Отнимают время, качают права, хотят что-то доказать, с деня-

скасть бедную истину невозможно. Если что-то не состыкуется, Иван кивает на невидимого Петра — это он, дескать, принимал решение, — а невидимый Пётр на ещё более невидимого Фёдора.

Тумасяну наконец надоело беседовать с нами и он заявил безапелляционным тоном:

— Все остальные вопросы — к пресс-службе МАДИ.

МАДИ — это родная матушка автоотстойников, Московская административная дорожная инспекция. Этаким беспогонный аналог ГАИ, такого аналога более безграмотный, более нахрапистый и с аппетитом куда большим, чем у ГАИ, создан, как я понял, только в этом году. Но нагородить за несколько месяцев беспогонники сумели, как считает автомобильный люд, много больше, чем ГАИ за последние тридцать лет.

ПОСТФАКТУМ

Сопереживающие

В судопроизводстве против личности всегда действует «триумvirат бессердечных» — это следователь, которому надо показать свою работу; это прокурор, который просит суд наказать подсудимого как можно строже; это сам суд, который выносит почти всегда обвинительный приговор. И только один участник процесса всегда страдает попавшему под эти жернова человеку — это адвокат.

В этом году российской адвокатуре исполнится 150 лет. 20 ноября 1864 года были приняты Судебные уставы, утверждающие принципы бессословности, гласность судопроизводства и состязательность судебного процесса. В честь этого события Федеральная палата адвокатов России устроила торжественный приём в Галерее искусств Зураба Церетели. 28 октября здесь собрался цвет отечественной адвокатуры: президент Адвокатской палаты Москвы Генри Резник, президент Адвокатской палаты Московской области Алексей Галоганов, президенты ряда областных адвокатских палат, а также известные заслуженные адвокаты.

Судебная реформа 1864 г. создала и новый суд, и новую систему правоохранительных органов, и новое представление о законности и правосудии. Сохранился ли дух той присяжной адвокатуры в нынешнем адвокатском сообществе? Вот как ответил на этот вопрос президент Федеральной палаты адвокатов России Евгений Семенов:
— Адвокатское сообщество России бережно поддерживает ту высокую нравственную планку, которую задали отцы-основатели присяжной адвокатуры ещё в XIX веке. Помощь оступившемуся, защита его прав и свобод, бескомпромиссное сражение в судебном процессе против аргументов следствия и прокуратуры — это и сейчас отличает многих наших коллег. Адвокат всем сердцем сопереживает униженным и оскорблённым и стремится облегчить их участь. И сейчас суды зачастую прислушиваются к адвокатам и воспринимают их мнение, чему свидетельством уменьшение сроков осуждения и оправдание невиновных, которые на потребу низменным интересам определённых слоёв общества становятся гонимыми и осуждаемыми.

ИГОРЬ НЕХАМЕС

16 ноября, воскресенье

"30+30"

Юбилейный вечер ЮРИЯ ПОЛЯКОВА

Поздравления писателей, поэтов,
артистов, музыкантов

Презентация двухтомника «Ю. Поляков. Интервью 1985-2014 гг.»
(издательство АСТ)

Премьера нового художественного фильма
«НЕБО ПАДШИХ» по одноимённой повести
Режиссёр — Валентин ДОНСКОВ
(«АКМ», 2014)

Начало в 17 часов
Большой зал

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Неженское это дело

Привычная ситуация — «стрелочник виноват». В данном случае — водитель снегоуборщика. Ошибка несистемная. А вот если виноваты диспетчеры, руководство инженерной службы, либо тот, кто организует всю работу аэродрома, тогда уже речь можно вести о системном сбое, констатировать бардак в авиации и призывать к ответу тех, кому есть что терять. Что, как вы понимаете, маложелательно...

Известно, что по делу о разбившемся «фальконе» и гибели главы французской компании TOTAL Кристофа де Маржери следствием были задержаны (не считая водителя Владимира Мартыненко) инженер аэродромной службы Владимир Леденев, руководитель полётов Роман Дунаев, диспетчер-стажер Светлана Кривсун и диспетчер Александр Круглов. Первый руководил снегоуборкой, а остальные управляли воздушным движением. Через два дня последовал ряд отставок в руководящем звене аэропорта, между тем авиадиспетчеры проявили стойкость и даже потребовали от Следственного комитета освободить своих коллег.

Один из внуковских авиадиспетчеров, он же сопредседатель профсоюза, Фарит Тагетдинов в недавнем интервью взывал к состраданию: девочка, стажёр-диспетчер, не выдержала натиска дознавателей и буквально упала без чувств... На авиадиспетчерах, контролирующих полёт самолётов по воздушным коридорам, и особенно диспетчерах на подходе и на вышке, которые руководят рулением, взлётом и посадкой,

лежит предельная ответственность. При интенсивном воздушном движении, когда в небе настоящий слоёный пирог, диспетчер на подходе может координировать действия десяти — пятнадцати судов одновременно. Потому-то часто и берут на эту работу отставных пилотов: они, что называется, собственной шкурой чувствуют, что там, в небе, происходит. Понимают динамику полёта не только в теории, знают, как развести борты или увести в зону ожидания, что делать при тех или иных форс-мажорах.

А лётчик — профессия неженская. Женская физиология переменчива. Есть, конечно же, дамы героинские — и коня, и в избу! — но они всё же исключение (пол называли слабым неслучайно, хотя кому-то и нравятся мифы о племени амазонок), и в силу этой исключительности не обрзают стабильного, нужного в подобных профессиях психофизического и психоэмоционального мейнстрима.

В нашей стране женщины присутствовали в диспетчерской службе и раньше. Правда, редко, и не на подходе, конечно же. В начале 80-х, по окончании вуза, мне случилось летать на транспортных бортах в «полуденные страны» в качестве бортрадиста. До сих пор помню ночные голоса в эфире над Термезом. «Кабуль, Кабуль — Душанбе...» — будил чьё-то воображение женский голос, чтобы сообщить какую-то информацию по навигации. А с другой стороны в ответ несло уже мужское, с придыханием, пронизанное нежностью ночи — «Душанбе-е, Душанбе-е-е, Кабуль... Душанбе-е, Душанбе-е-е, Кабуль...»

Меня это удивило — женщины в пункте наземного контроля. А в экипаже решили: поставили, видимо, для налаживания отношений. Это допустимо в каких-то вариантах. Но не на подходе, не на взлёте и посадке...

А однажды десять лет спустя дрессировщик в цирке на Цветном бульваре объяснил мне, почему лошадей он не дрессирует в смешанном составе. Да потому что работы не будет. В воздушном движении порой тоже случается такой экстрим, что и мужику с мужиком взаимодействовать сложно, а в разнополых ситуациях — вообще жди бардака. Это только в голливудском кино боевые девушки с преданными им юношами способны противостоять любым чертам, но мы-то знаем, что нет ничего более далёкого от правды, чем голливудское кино.

В каких-то особо героических ситуациях дам представить, конечно, можно — хоть Жанну д'Арк, хоть боярыню Морозову. Были ещё и «летающие ведьмы» на поликарповском биплане — но и они исключение (тут важно было пропагандистское воздействие на тех же мужиков оказать, чтобы героический тонус им поднать), и самолёт был простой и тиходухный...

Женщины в президенты, пожалуй, есть ряд профессий, где им нечего делать в силу самого божественного промысла. Это же просто — как «инь» и «янь». Тренд в сторону феминизма, возможно, был бы и неплох, но давайте для начала вернём женщинам их природное свойство — великодушие и женственность. И не на это ли и следует их нацеливать в конце концов?

ГЕННАДИЙ СТАРОСТЕНКО

«Ты останешься всё тем же романтиком, всё тем же безумцем, который продолжал своё дерзновенное плавание в бурных водах жизни...»

Из приветствия Сильвы Капугиной к семидесятилетию Зория Балаяна

Время многообразно впечаталось в биографию писателя. Название одного его рассказа — «Тропами детства» — вроде могло бы настроить на идиллический лад, однако в первых же строках читаешь:

«Рос я без отца и матери. Первые два года войны ходил в детский сад. Помнится, как мы не любили спать днём и всяческими путями старались увильнуть от раскладушки. Может, поэтому мне хорошо запомнилось, как трижды за первые два года войны меня освобождали от дневного сна. Первый раз я с радостью побежал домой... Потом я уже знал, что раз отпускают, значит, дома несчастье. Пришла очередная похоронка».

И вспоминаешь другого человека (в ту пору тоже мальчика, только постарше). Чингиз Айтматов уже сам разносил эти «чёрные бумажки», которые, как он впоследствии пишет, «приходили... всё чаще» в далёкий киргизский аил.

Но на этом сходство детских «троп» не кончается, у обоих были арестованы и расстреляны отцы.

«Отец, я не знаю, где ты похоронен», — сказано в посвящении одной из первых айтматовских повестей.

«Я не знаю ни места гибели отца, ни точной даты, ни где находится могила», — писал и Зорий Балаян.

А мать его, Гоар, была оторвана от детей и как пресловутый ЧСИР — член семьи изменника родины — сослана. Жила в Средней Азии, в Анджигане.

Мальчик с детства мечтал о море, но сына «врага народа» под каким-то предлогом отчислили из военно-морского училища.

Спустя несколько лет романтический (не смотря ни на что!) настрой души пробудил выпускника Рязанского медицинского института устремиться по другому продиктованному эпохой «маршруту»: после легендарных арктических экспедиций 20–30-х годов, походов «Красина», «Сибирякова», «Седова», эпопеи панинской четвёрки, перелётов Чкалова и Громова многих потянуло на Дальний Север. «Курс на берег нелюдимый...» — гремело с киноэкранов.

И Зорий Балаян выбрал местом работы труднообитаемую Камчатку, где многое надо было начинать с нуля, как скажет он позже о местном сельском хозяйстве, а одним-единственным медиком долгое время был на весь огромный полуостров (длиной в тысячу с лишним и шириною без малого в пятьсот километров) фельдшер Лукашевский.

Если в 30-е годы тема покориения Севера, по обиходному выраженю тех лет, была привлекательна (хотя кроме книги рассказов Бориса Горбатова, особых художественных удач и не припомнишь), то громада событий Великой Отечественной войны её заметно потеснила.

По сравнению со своими предшественниками на этой стезе у З. Балаяна есть важное преимущество — десятилетие не только оседлой жизни на Камчатке, но и обильной врачебной практики, требовавшей постоянных разведок буквально повсюду и позволявшей становиться свидетелем, а то и активным, особенно в силу характера, участником разнообразнейших событий, знакомиться с и сходить с великим множеством людей.

Вместе с друзьями, которыми всю жизнь обростал, предпринял труднейшую экспедицию по тому же пути, каким зимой 1923 года прошёл через весь полуостров отряд красноармейцев и присоединившихся к ним партизан, не только преследуя (а в конце концов полностью уничтожив) белобандитскую шайку, обиравшую жителей, и окончательно установившая советскую власть, но и делая подробнейшие записи обо всех населённых пунктах, «о местности, погоде, даже о глу-

бине снежного покрова», как восторженно и благодарно напишет З. Балаян об этих чубаровцах (по имени их командира, увы, погибшего в годы сталинского террора) в книге «Ледовый путь».

Цель шедших по их следам была двоякой — и, в свою очередь, собрать материал о сегоднешней Камчатке, и воскресить память о своих предшественниках, по преимуществу молодых («им было по двадцать»), не привычных к суровому климату, к езде на нартах, когда нередко приходилось самим идти впереди, утаптывая путь собакам...

Зорий Балаян настолько обжился в новом «доме», что мать и жена каждая на свой лад позже ревниво вопрошали: «...Не отняла ли Камчатка у тебя всё армянское, всё карабахское?»

Однако оно («всё армянское, всё карабахское») даже во время «ледового похода» настойчиво напоминало о себе — уже судьбой одного из чубаровцев: несколько слов о том, как Баграт попал на Камчатку. «Ему не было и тридцати, когда османские турки, привязав его к подпорке дома, убили всю семью. Варвары подожгли армянскую деревню, оставив один-единственный дом, в котором находились Баграт и его убитые дети, жена, мать, отец».

Эта страшная история потом эхом отзовется в персонажах других произведений писателя.

Вернёмся, однако, к Баграту, на Камчатку, где он оказался в Гражданскую войну. Когда установилась советская власть, он вскоре принял выпекать дотоло не известный местному населению, корякам, хлеб, который они окрестили его именем — багратом.

«...Я подумал, — говорит герой повести З. Балаяна «Хлеб», в основу которой легла эта история, — что мы, армяне, оказавшись на чужбине, должны создать армянский очаг, маленькую Армению» (слова, которые не раз вспоминаешь, читая и другие его книги, персонажи которых тоже прижились и освоились в иных краях и странах).

Ещё с камчатских времён З. Балаян стал корреспондентом «Литературной газеты». По собственно литературному вопросу её позиция в пору брежневского застоя была вполне ортодоксальной и послушной, но вот в разделе публицистики нередко появлялись острые статьи по самым животрепещущим вопросам. Врачебный и прочий, уже достаточно богатый жизненный опыт, а также страстный темперамент, побуждающий камчатского сидельца, как одного из горьковских героев, одному помешать, другому помочь, позволили ему занять достойное место среди таких «активных штыков» редакции, как Евгений Богат, Александр Борин, Аркадий Вахсберг, Анатолий Рубинов...

Вспоминают, что по возвращении на родину в рабочем кабинете Балаяна стояли два стола с двумя пишущими машинками: «Должен писать ежедневно об Армении, но у меня есть и долг, даже долги перед Камчаткой», — пояснялось недоумевавшим.

С выплатой же этих долгов статьями, рассказами и повестями всё большее место и в творчестве, и в общественной деятельности писателя занимает «всё армянское, всё карабахское», тем более что проблем тут было пруд пруди! И общесоюзного, как тогда выражались, масштаба, вроде усиливавшегося алкоголизма и наркомании (наличие которой официально отрицалось), и порождённых специфическими особенностями и драматической историей именно родного края.

Герой повести «Хлеб» (в армянском варианте «Больш») в горькую минуту прооронил: «А моего народа, считай, уже нет на этой земле». Речь о том, что в обстановке Первой мировой войны Турция фактически уничтожила так называемую Турецкую Армению, устроив массовую резню, в которой погибло полтора миллиона человек и в том числе около семисот семидесяти писателей, художников, музыкантов (а чудом уцелевший великий композитор Комитас сошёл с ума).

З. Балаян не раз припомнит в своих кни-

гах тогдашний наказ крупнейшего турецкого политика Талаата: «Право армян жить на земле полностью отменено... Не оставляй в колыбели ни одного ребёнка... нам стало известно, что чиновники женятся на армянских женщинах, я это строго запрещаю и требую депортировать армянских женщин в пустыню...»

«Занятый» войною мир промолчал. В западной печати даже деловито прогнозировали: «Вероятно, через несколько лет об армянах будут говорить как об исчезнувшем народе» (наподобие ассирийцев и финикийцев).

Иные же, как говорится, на ус мотали. «Кто сейчас помнит об уничтожении армяни?» — скажет впоследствии Гитлер, замышляя истребление поляков и славян. З. Балаян напоминает и про трогательную заботу фюрера о могиле Талаата...

Счастье, что, оказавшись в составе Советского государства, Армения избежала новой турецкой экспансии, получила большую экономическую помощь и встала на ноги.

«Ливан: раны и надежды» назвал писатель свой очерк о поездке в Бейрут осенью 1978 года в качестве корреспондента «Литературной газеты». Вскоре он издал книгу «Между двух огней». Он увидел город, который ещё недавно был прозван «Вторым Парижем», «Средиземноморской жемужиной» и где теперь снайперы с крыш высотных домов стреляли по живым мишеням («Старик, женщина, ребёнок — всё равно»).

Нашедшие в Ливане приют после геноцида 1915 года армяне некогда установили памятник погибшим и в благодарности народу гостеприимной страны. Ныне его взорвали («Остался лишь скелет скульптуры»), а в правозащитной газете поместили портрет Талаата.

Сразу после своего создания армянская община принялась строить дома, школы, церкви, сажать деревья, первой в Ливане открыла театр — вообще всечески способствовала процветанию страны. И вот — «в который уже раз на своём веку беженцы?» — толпятся люди у иностранных посольств, уезжают тысячами...

И каким контрастом выглядела написанная в том же году книга З. Балаяна «Очаг», ставшая итогом своеобразной многомесячной экспедиции уже не по дальней Камчатке, а по родному краю. Автор окрестил своё путешествие «Возрождением», видя в жизни республики буквально воскресение народа после геноцида, который, как подчёркивает писатель, отнюдь не сводился только к чудовищному всплеску 1915 года, а в течение долгих десятилетий «был возведён в ранг государственной политики» Турции.

Перемены, произошедшие в советской Армении, вовсе не похожи на то, как в одном эпизоде путешествия «одним-единственным рынком трактор вытаскил газик из ямы!» Десятилетия напряжённейшего труда потребовались, чтобы на месте могил и пепелищ возник, по выражению писателя, «настоящий, обновлённый армянский очаг», чтобы из семисот тысяч сирот и обездоленных выросла почти четырёхмиллионная страна, где каждый год справляли тридцать тысяч свадеб и рождался семьдесят тысяч детей.

Говоря о достижениях маленькой респуб-

блики, Зорий Балаян замечает при этом, что «пора лирическое, набившее оскомину определение «солнечная Армения» употребить с некоторым огорками».

«Можно ещё позволить себе сказать «солнечная Аратская долина», но никак нельзя то же самое сказать о всей республике», — пишет он, рассказывая о своём путешествии «по зиме»... в мае в высокогорном Гукасянском районе, где «практически ничего не растёт и не цветёт»: «крохотная деревушка, утопающая в снегу и грязи. Ни одного дерева. Такие посёлки я видел лишь на Крайнем Севере в зоне вечной мерзлоты».

книге не обойдены вниманием ни доярка с «натруженными руками» Седа Есян (в нынешней же публицистике ни скотницы, ни тракториста с комбайнёром днём с огнём не сыщешь!), ни Николай Насибян, сделавший свою последнюю хирургическую операцию то же самое сказать о всей республике», — пишет он, рассказывая о своём путешествии «по зиме»... в мае в высокогорном Гукасянском районе, где «практически ничего не растёт и не цветёт»: «крохотная деревушка, утопающая в снегу и грязи. Ни одного дерева. Такие посёлки я видел лишь на Крайнем Севере в зоне вечной мерзлоты».

А главное — никакие сопровождающие, ничья «опека» не мешают ему увидеть и запечатлеть на вышепомянутую бедную неказистую деревушку, ни плачевное состояние других сёл, будь то Караглух, где «за по-

бываемый подвиг под Либавой: «...Поняв, что горящий ИЛ-2 невозможно посадить на своей территории, он сделал резкий разворот и врезался в расположение транспортов противника», — говорится в одном из документов Архива Министерства обороны.

В собрание сочинений писателя «Крылья» входят в раздел «Портреты», это в самом деле портрет. И всё же наибольшей удачей З. Балаяна в этом жанре или роде иные.

По уже известным читателю причинам в детстве самым близким мальчику человеком оказался дед Маркос. Неудивительно, что он и стал впоследствии первой «моделью» молодого литератора, в данном случае — портретиста.

Литература богата фигурами подобных стариков с их уроками внукам, да и всем окружающим, преподанными не столько словами, сколько всем образом жизни, будничным поведением и поступками, отношением к миру, природе, людям. Маркос — ещё одно примечательное лицо в этом трогательном иконостасе. Уже заголовок повести «Мой дед резал хлеб стоя» говорит об органическом уважении героя к плодам человеческого труда, подлинной твердныи его взгляда на мир и жизнь, когда, по его убеждению, днём «мужчина может лежать только в гробу».

Если дед как бы невольно «позировал» будущему портретисту, то с родителями было куда сложнее. Об отце остались лишь самые смутные воспоминания «...Как раз в день моего двухлетия прикатил... «чёрный ворон».

«...Когда маму этапом отправили в Сибирь, я учился в первом классе. Когда она вернулась — в десятом, — пишет сын. — Всю жизнь мама молчала, скрывала от своих сыновей то, что терзало её душу из года в год, изо дня в день». Молчала, не только щадя их, но и не слишком веря политической «погоде», когда подкрадывалась и почти уже в дверь стучалась ресталинизация.

Зорий Балаян напоминает сказанное великим армянским поэтом Чаренцом: «Всё превращается в пепел и золу. Всё, кроме памяти».

Так и из воспоминаний Гоар и знакомых, уцелевших писем и документов (порой — «клочков бумаги, исписанных карандашом») стал постепенно складываться отцовский образ, фигура самостоятельно мыслившего человека, не просто страстно занятого своим делом (был наркомом просвещения Нагорно-Карабахской автономной области), но тревожно задумывавшегося и о правочности огульной антирелигиозной пропаганды, закрытия и разрушения храмов, расправ со священниками, и о судьбе всего

огромного государства (ища ответа в истории былых империй), и о разразившемся вокруг страхе...

Выше упомянулось о сходстве биографии Зория Балаяна и Чингиза Айтматова. Этот «сюжет» завершился уже совсем в недавние годы, когда обоим удалось отыскать десятилетиями оставшиеся неизвестными места гибели Торекула Айтматова и Гайка Балаяна и наконец-то со всеми почестями предать их прах земле.

Автор повести «Без права на смерть» признаётся на её страницах, что, казалось, он никогда не завершит её: столько нового и подчас неожиданным открывалось в биографиях главных героев, Гоар и Гайка... И буквально врвалось, вламывалось в повествование пережитое уже в самую последнюю пору жизни матери — годы перестройки, развал СССР и — Спитак!

Этому чудовищной силы землетрясению посвящена книга Зория Балаяна «Противостояние», которую читать больно: «В развалинах мы насчитали более ста школьных портфелей. Пионерские галстуки, книги, тетради... К нам подошёл человек лет тридцати. Разговорились. Узнали, что его сыншиха погиб в этой самой школе. Почти все дети погибли, сказал он... Пятьдесят сёл погибло полностью».

Счастье, что в эти горестные дни зримо проявлялись соседские сочувствие и помощь. Автор записал благодарные слова пострадавших: «...Если бы не грузины, то неизвестно, что было бы с нами... дай Бог долгой жизни грузинам... Палатки — это грузины. Вода минеральная — грузины. Хлеб — это грузины. И всех наших раненых перевезли в Грузию».

А вот происшедшее в конце XX века в Карабахе, Азербайджане и Армении хоть и объясняется (а то и оправдывается!) политикой, но на непредубеждённый взгляд кажется каким-то неестественным, неправдоподобным (впрочем, как и многие другие межнациональные конфликты в стране и мире):

«Земля — это тело, — говорится в сочинении, написанном в 1999 году четырнадцатилетней школьницей. — Представьте себе, что одна рука пошла войной на другую, селезёнка захватила печеньку и желудок, и они перелили друг друга...»

В книге «Очаг» упоминалось о таком природном явлении в одном из районов Армении, которое можно определить фразой «Земля уходит из-под ног»: «Земля здесь многослоенна. Один из слоёв — глина, которая не пропускает влагу. Родниковые и талые воды, разными путями дойдя до этого слоя, образуют над ним водную плёнку. Всё, что лежит над этой плёнкой, рано или поздно начинает ползти, дрейфовать... Люди с неохотой вспоминают, этот, как они называют, «жуткий миг». Это тот самый миг, когда появляется первый «штрих». То тонкая паутинкообразная трещина в стене, то пол отходит от стены, то сыплется штукатурка с потолка. А потом всё начинает ползти».

Не собираясь скрупулёзно проводить параллели между этим явлением и событиями в Нагорном Карабахе, можно, однако, сказать, что и там долго шло такое, по выражению З. Балаяна, «замедленное землетрясение», пока не грянуло уже настоящее.

После драматических, повергающих в нелёгкие размышления страниц о судьбе Нагорного Карабаха особенно отрадно отправиться вслед за автором в одно из его многочисленных странствий, которым посвящены как вышеупомянутые «Ледовый поход» и «Голубые дороги», так и «Дорога» (о поездке по Америке) и, наконец, объединённые под названием «Хождение по семи морям», а также «Путешествие через два экватора» и другие.

Названия книг, о которых пойдёт речь — «Моя Киликия», «Киликия — путь к океану» и «Киликия — возвращение» (они помещены в шестом томе), — возможно, вызовут у не-малога числа читателей лишь самое глухое воспоминание о некоей исторической дали, памятной лишь по давнему учебнику. А ведь многострадальный армянский народ знал иные, лучшие времена, в особенности

в пору осуществления и даже процветания образовавшегося в 1080 году Киликийского государства.

Оно обладало тридцатью портами и мощным (до тысячи судов) флотом, на равных общалось с Венецией и Генуей.

Увидев в 2002 году в Ереване корабль, соорудившийся группой энтузиастов по сохранившимся описаниям «о предков» XI–XIV веков, Зорий Балаян стал активнейшим образом участвовать в судьбе этого парусника, получившего имя «Киликия» на нём же и поплыл вокруг Европы.

Вспоминая слова героя повести «Хлеб», что даже на чужбине надо создавать «маленькую Армению», можно сказать, что «Киликия» обошла множество таких Армений. Страстным желанием рассказать о них были проникнуты и более ранние книги Зория Балаяна — и «Командировка в горячую точку», и «Дорога» (о жизни и деятельности североамериканского и канадского «спюрка» — рассеянных по свету армян). Теперь перед ним открылись новые горизонты.

В «маленьких Армениях» сохранился сам дух народа, сберегались его язык, трудолюбие, культура, историческая память. А в «иконостасе» последней выселились такие фигуры, как создатель армянского алфавита Месроп Маштоц, замечательный путешественник Мартирос Ерднкази (быть может, ставший одним из спутников Колумба), просветитель, глава религиозного движения Мхитар Себастаци, поэт, историк, энциклопедист Гевонд Алишан...

Писатель справедливо озабочен тем, как мало известно о культурных заслугах армянских «островков». Даже в самой Армении не знают о роли соплеменников в деле спасения и сохранения знаменитого Спаса Нерукотворного, предположительно прижитенного портрета Иисуса Христа (ныне находится в Генуе). Поразительна и рассказанная ещё в «Дороге» история: в кровавую пору турецкого геноцида две беженки-армянки, потеряв родных, близких, собственных детей, вынесли по каменистым горным тропам уникальную двухпудовую старинную книгу, разделив её пополам и добравшись с ней одна в Ереван, другая — в Тифлис. Увы, подвижницы остались безымянными.

«Путешествие через два экватора» — так назвал З. Балаян первый из очерков о проделанной на яхте «Армения» кругосветке, как с ласковой фамильярностью именуется то, что издавна было его мечтой и к чему годами, исподволь... готовился — хотел я было написать, но тут направляется ещё слово — подбирался, хотя и оно не исчерпывает всей сложности, «многосоставности» мыслей, чувств, переживаний человека, ощутившего подобную тягу — к путешествиям вокруг света.

И всё же самое «сердце» книги, её пафос в инном. «У меня накопилось целое море интересных данных (лучшее ли здесь слово?! — А.Т.) о наших соотечественниках. Так что не знаю, как я выкарабкаюсь на берег этого самого моря», — и радуется, и тревожится писатель.

Сочинения Зория Балаяна не просто интересно, занимательно читать. В них звучит некая общая, объединяющая и драгоценная нота.

В «Моей Киликии» упоминается о том, что архитектор Александр Таманян мечтал застроить армянскую столицу таким образом, чтобы «со всех улиц, со всех переулков, из всех домов» была видна священная гора Арарат.

Быть может, читатель не упрекнёт меня в необоснованном преувеличении, если сказать, что при всей пестроты тем и сюжетов в книгах Зория Балаяна тоже — «со всех переулков, со всех улиц» — открывается своей «Арарат» — история народа, любимая страна в её прошлом и настоящем.

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

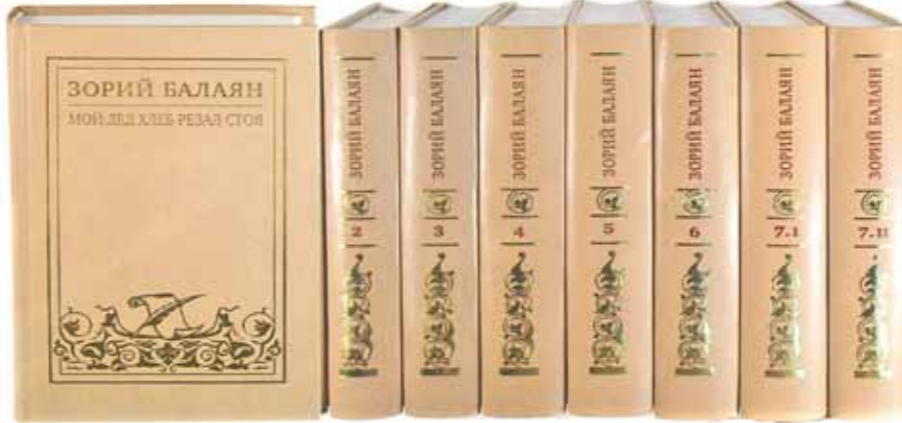
Имя автора, Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

«В бурных водах жизни...»

Читая собрание сочинений Зория Балаяна

ЮРИЙ СЕРГЕЕВ

Балаян З.Г. Собрание сочинений. В 7-ми т., 8-ми кн. — М.: Художественная литература, 2010-2014. — 3000 экз.

Хочется специально задержать на этой картине внимание нынешнего читателя, который, может статься, ухмыльнётся, не раз и не два повстречав упоминания, что автор посещал разные предприятия, колхозы и прочие объекты то «вместе с первым секретарём Иджеванского райкома партии», то «с первым секретарём Ноемберянского райкома комсомола», то с «первым секретарём горкома партии», то «с первым секретарём Калининского райкома комсомола», то с «председателем Гукасянского райисполкома».

Ведь при всём «политесе» по отношению к этим «первым лицам» (среди которых, замечу, были и весьма интересные люди) в

следние годы сыграли всего одну свадьбу», а в школе на триста мест учатся чуть больше ста детей, ни проблемы, связанные с отходничеством или с обмельением знаменитого Севана, ни вред, причиняемый природой иными заводами («Идётся словно не по траве, а по сплошному цементу») и т.п.).

Среди тьмы персонажей книги «Очаг», как и во всём написанном Зорием Балаяном, много участников Великой Отечественной. В одном лишь Шамшадинском районе ему рассказали и об Агопе Адамяне, чьим именем на Украине названа высота, при штурме которой он геройски погиб, и о Саркисе Айрапетяне, на третий день войны врезавшемся со своим горящим самолётом

В нашем «Клубе 12 стульев» – увьи! – всё ещё продолжается ремонт. До некоторых старых рубрик и разделов руки ещё не дошли. Но вот недавнее приобретение: клуб в клубе – КЛАФ (клуб любителей афоризмов) под руководством Николая Казакова, знающего об афоризмах всё, решили не трогать. И перед вами – его ноябрьский выпуск на традиционном месте. А слева от него, в главной нашей комнате – бенефис всенародного любимца муз и

масс Александра Ширвиндта. Он недавно выпустил в «КоЛибри», Азбуке Аттикус тиражом 10 тысяч экземпляров более чем 330-страничную книгу. Как вы понимаете, мы сразу бросились читать «Склероз, рассеянный по жизни». А потом решили познакомить с частями «Лоскутного одеяла мыслишек» (так называется предисловие) читателей.

ЗАХАР ГУСТОМЫСЛОВ

Усталость накапливается. Моральная, не говоря уже о физической. Я тут ночью не спал: колена! Включаю телевизор. Идёт фильм «Трое в лодке, не считая собаки». Как раз тот момент, когда мы гонимся за сомом. Я стою в лодке, на мне стоит Андриушка Миронов, а на Андриушке – Державин. Я думаю: но это же было!

75, 85 и 100. Если это не талия и не бёдра, то цифры очень подозрительны.

Когда Бернарда Шоу спросили, почему он не справляет свои дни рождения, писатель ответил: «Зачем справлять дни, которые приближают тебя к смерти?» И действительно, что за праздники эти семидесяти- и восьмидесятилетия?

Это физиологическое ощущение – любить начальство, от которого зависишь. Не одни актёры грешат. Многие непримиримые журналисты резко меняются на очном приёме у высокого руководства. На печатных страницах и на экране они такие иронично-яростные, а при встрече... Я как актёр не могу этого не видеть: текста, конечно, никакого при этом не произносится и в глазах огонь, но поза выдаёт – вялая склонённая.

У меня была в нашей компании кличка Маска. Очевидно, неслучайно. Просто в молодости я увлекся Бастером Китном из ранних американских фильмов и Анатолием Кторовым из настоящего МХАТа, которые пленяли меня каменностью лиц при любых актёрских переживаниях и сюжетных катаклизмах.

Внутри всё кипит и бушует, а на лице – маска. Очень удобная придумка. Я её взяла на вооружение в свои актёрские арсеналы. Не устаю повторять студентам, что четыре года театрального образования – это, помимо приобретения разных навыков, попытка понять, что ты можешь, что не можешь, что тебе идёт, что нет. Улыбаться – твоё. Сердиться – нет. Смеяться тебе идёт, но не в голос. И так далее. Отсюда складывается ампула, с которым тебе дальше работать. Его можно преодолевать, его можно ломать, но нельзя делать вид, что его не существует.

Ощущение, что таланту всё дозволено и обаяние победит, иногда приводит к театральным катастрофам. Фёдор Михайлович Бурлацкий, известный американец, написал почти документальную пьесу «Бремя решений», где артисты Театра сатиры под руководством Плучека решали, бомбить Кубу или не бомбить. Андрей Миронов играл Кеннеди, Державин – Роберта Макнамару, министра обороны, Юрий Васильев – брата Кеннеди, я – советника по печати президента Пьера Салинджера, Диденко – Фрэнка Синатру, Рая Этуш – Жака Кеннеди, Алёна Яковлева – Мэрилин Монро. Мы себе ни в чём не отказывали. Спектакль прошёл раз десять.

Наш незабвенный, штучный артист и человек Спартачок Мишулин исполнил в этой фантазмагории роль начальника американских штабов Томсона и не мог выговорить слова «бомбардировка». Державин посоветовал ему написать это слово на бумажке. И Спартак Васильевич в арифметической тетради для первого класса дочки Карины большими буквами вывел: «Бомбардировка». Он скатывал листок в трубочку и входил с ним в

Старость – это не когда что-то забываешь, а когда забываешь, где записал, чтобы не забыть

Овальный кабинет. Там он распрямлял листочек и по слогам читал: «Предлагаю начать борбан... банбар...» Весь Овальный кабинет отворачивался в судорогах. И вот очередной спектакль. Выходит Мишулин и произносит: «На понедельник... – тут все ждут мук с «бомбардировкой», – назначен бомбовый удар по Кубе».

Это уже было нам не под силу! А у Андрея – дальше текст, и он не в состоянии его произнести. Вдали сидит Владимир Петрович Ушаков, игравший будущего президента Соединённых Штатов Линдона Джонсона. Миронов ему: «Линдон, а вы что молчите?» Тот говорит: «А почему я? У меня вообще здесь текста нет».

Вышла замечательная рецензия на этот спектакль, после которой его и закрыли: «Вчера в Театре сатиры силами «Кабачка «13 стульев» был разрешён Карибский кризис».

Узнаваемость... Захожу как-то в лифт, за мной вскакивает здоровенный детина. И говорит: «Можно я с вами прокачусь? Вы знаете, моя бабушка была вашей поклонницей, правда, она умерла восемь лет назад. И тёща моя вас любит, но она сейчас в реанимации...»

Более пятидесяти лет я преподаю в родном Щукинском училище (ныне Театральный институт имени Щукина). После Этуша я самый старый педагог. Евгений Князев, нынешний ректор, в каком-то архиве отыскал приказ 1957 года о зачислении меня на кафедру пластической выразительности актёра. Глядя на мою сегоднешнюю комплекцию, трудно поверить, что тогда я преподавал фехтование и сценическое движение.

А получилось так. Замечательный артист Аркадий Немировский обучал нас фехтованию, будучи в прошлом чемпионом Москвы. Рубен Николаевич Симон называл его «лучшим артистом среди шпажистов и лучшим шпажистом среди артистов». Аркадий попросился с тогдашним ректором Борисом Захаевой, ушёл в ГИТИС, и я его заменил. Так и началось.

Сейчас в Театре сатиры – два десятка моих выпускников-щукинцев. Я хороший педагог, терпеливый, не вредный. Лучше, что я делаю, я делаю в училище.

Многие студенты сегодня ничего не знают. На собеседовании мальчишка спрашивает: «Кто был Ленин?» Он отвечает: «Ленин был президентом».

Да что там Ленин! Как-то в училище зашёл Юра Яковлев, который никогда там не преподавал. Он сидел, ожидая кого-то, в вестибюле, и вся эта шпана бегала, сметая его, задевая ногами. Я

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ
СКЛЕРОЗ. РАССЕЯННЫЙ ПО ЖИЗНИ

собрал курс и начал оратор: «Когда в наше время артист Михаил Астангов проходил мимо, мы сбегались посмотреть на него. Яковлев – такой же великий артист, как Астангов. Вы ничего не знаете!» Одна моя студентка, которая, как только я к ней обращался, сразу на всякий случай начинала плакать, заплакала и тут: «Вы сердитесь, а сами нам ничего не рассказываете. Почему вы не рассказываете нам о своих встречах с Мейерхольдом?» Но я же не Радзинский, который знал в лицо Жозефину.

Звонит мне недавно Татьяна Егорова. Она стала очень популярной после книги «Андрей Миронов и я». То есть она. А я там – главное действующее дерьмо. Когда-то я взял Танюшу за ручку и с каким-то рассазиком привёл к Вите Веселовскому в «Клуб 12 стульев» «Литературной газете». То есть, по сути, сделал её писательницей. Брать за ручку надо не всякого. И в руки давать ручку тоже не каждому.

И вот звонит она и говорит: «Послушай, связались со мной якобы из «Комсомольской правды» и хотят, чтобы я сказала, с кем ты живёшь и с кем жил, каким способом, что ты за мужик. И рефреном: – «Вы же его терпеть не можете». Обещают хорошо заплатить Я их послала». Невяностики тоже бывают альтруистами.

Или ещё проще – звонят агенту актрисы, мой ученицы: «Расскажи, она жила с Ширвиндтом ещё в институте или он её в театр взял и там стал с ней жить? Мы хорошо заплатим». Это журналистика?

Кстати, один-единственный раз видел Жириновского растерянным. На юбилее Говорухина. Станислав Сергеевич велел мне бежать по залу с микрофоном и спрашивать зрителей о юбилее. Подошёл к Жириновскому и сказал: «Представьте, пожалуйста!» Он обалдел и тихо произнёс: «Меня все знают». – «Откуда?» – спросил я. И он растерялся. Ура!

В 1958 году у меня родился сын. Разочарование моё было безграничным: я хотел дочь! Я мечтал о дочери. Родители, жена, друзья, коллеги наперебой убеждали меня, что я идиот, что все прогрессивные отцы во все времена и у всех самых отсталых народов мечтали о сыновьях – продолжателях рода, дела, фамилии и так далее. Я вляло кивал и убивался. Наконец слух о моих терзаниях дошёл до Леонида Васильевича Маркова, и он призвал меня для разговора.

– Малыш, – сказал он, мягко полюбывая меня за плечи, – я слышал, что у тебя там что-то родилось?

– Да! Вот! – И я поведал ему о своих терзаниях. – Дурашка! Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

– Мило! Представь себе, что у тебя дочурка. Проходит каких-нибудь семнадцать лет, ты сидишь дома, уже несвежий, лысеющий Шурик, и ждёшь с Таточкой свою красавицу Фиру. А Фиры нет. Она пошла пройтись. Её нет в

двенадцать, в час, в два. Ты то надеваешь, то снимаешь халатик, чтобы куда-нибудь бежать, и вдруг звонок в дверь. Вы с Таточкой бросаетесь открывать. На пороге стоит лучезарная, счастливая Фира, а за ней стою я! «Папа, – говорит она, – познакомься, это Лёня». Ты втаскиваешь её в дом и в истерике вижишь всё, что ты обо мне знаешь и думаешь! «Папочка, – говорит она, – ты ничего не понимаешь: я его люблю». И я вхожу в твой дом. Малыш, тебе это надо? С тех пор я хочу только сыновей.

Мы с шефскими частями ездили по стройкам, воинским частям, колхозам. В актёрской бригаде был артист Аркадий Вовси. И вот картина: мы отработали концерт, на сцену поднимается какой-нибудь замполит или председатель колхоза и начинает нас благодарить за прекрасное выступление. Вовси с его лёгкой руки превращается то в После, то в Пржедре.

А со мной он вообще не может справиться, так как не в силах осознать, что в фамилии могут быть три согласных подряд, и облегчённо произносит – «Ширвинут». Ещё встречались Ширвин, Шервал, Ширман и Шифрин. Имелось даже штук пять неприличных вариантов моей фамилии, но о них не буду из скромности.

Мишка Державин всегда злорадно торжествовал. Но спустя много лет мы с ним были в военном госпитале под Ашхабадом, выступали перед ребятами-афганцами. И там на большой палатке типа клуба (она же – столовая) висела бумажка: «У нас сегодня в гостях известные артисты Дарвин и Ровенглот».

Ну я Ровенглот – это понятно, но что бы Мишка – Дарвин! Перебор!

ИМЕНИННИКУМ

Мысли известных людей, родившихся в этом месяце

1 ноября

Анри ТРУАЙЯ, французский писатель.

● Брак – это благоухающая тюрьма.

7 ноября

Альбер КАМЮ, французский писатель, лауреат Нобелевской премии.

● Мы обычно тратим жизнь, чтобы заработать деньги, тогда как нам необходимы деньги, чтобы выиграть время.

10 ноября

Мартин ЛЮТЕР, немецкий религиозный реформатор.

● Кто не любит вина, женщин и песен, так дураком и умрёт!

12 ноября

Юрий ПОЛЯКОВ, писатель, публицист, драматург.

● Некоторым хорошая память заменяет ум.

13 ноября

Роберт Льюис СТИВЕНСОН, английский писатель.

● Позвольте человеку говорить долго, и у него будут верные последователи.

22 ноября

Шарль де ГОЛЛЬ, французский генерал и политик.

● Политика – слишком серьёзное дело, чтобы доверять её политикам.

30 ноября

Марк ТВЕН, американский писатель.

● Когда я и моя жена расходимся во мнениях, мы обычно поступаем так, как хочет она. Жена называет это компромиссом.

ПЕРСОНА ГРАТА

● В стране дураков не умничай – дураком сочтут!

● Брак – это брак для лавеласа.

● Когда жена хочет приодеться, она раздевает мужа.

● Классных руководителей не хватает не только в школе.

● В пустой голове нет места только для мысли.

● Скромность красит человека, нескромность перекрашивает.

Сергей СИДОРОВ, Москва

БРАТ ТАЛАНТА

● Дал слово – не говори, что взаймы!..

Владимир БУТКОВ, Ростов-на-Дону

● Чем тоньше ум, тем он заметнее.

Николай ЕРМАКОВ, Москва

● Недовольных жизнью больше, чем тех, кем бы могла быть довольна жизнь.

Михаил НИКИТИН, Москва

● Если сегодня равняться на сегодня, то завтра окажешься во вчера.

Салек ПИНИГИН, Москва

● В мире хищников всегда виновата жертва.

Николай ПРОКОВЬ, Казань

● Неприятности приходят на всё готвенское...

Андрей СОКОЛОВ, Санкт-Петербург

● Трудно жить на широкую ногу – руки коротки.

Виктор СУМБАТОВ, Москва

АФОРИС

АКСИОМА ТОМАСА ЭДИСОНА:

СДЕЛАТЬ ИЗОБРЕТЕНИЕ ЛЕГКО; ГОРАЗДО ТРУДНЕЕ НАЙТИ ЕМУ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

Иллюстрация: АННУКОВ

Зав КЛАФом Николай КАЗАКОВ / kazakov-aforizm@mail.ru

ВАС БЕСПОКОИТ «ЛГ»

У конкурса должно быть запоминающееся имя!

С 10 по 15 ноября 2014 года в Москве пройдёт III тур II Всероссийского музыкального конкурса. «ЛГ», являясь информационным партнёром конкурса, как всегда, с большим интересом следит за его развитием. В этом году соревнуются специалисты: фортепиано, скрипка, виолончель, сольное пение. И нынешним конкурсантам есть за что бороться: ведь обладатели I премии Всероссийского музыкального конкурса смогут без отборочных прослушиваний пройти на XV Международный конкурс имени П.И. Чайковского – главное культурное событие 2015 года! После прослушиваний I и II туров, которые прошли во всех федеральных округах, нам удалось побеседовать с председателем жюри в номинации *Сольное пение*, народным артистом РФ Владимиром МАЛЬЧЕНКО.

– Вы только что вернулись в Москву после региональных прослушиваний Всероссийского музыкального конкурса. Какое самое яркое впечатление от этой поездки? Как проходил конкурс?

– Самое яркое впечатление – чисто житейское. Я давно не был в Новосибирске, Якутске, Свердловске, Ростове, Казани. Я окончил консерваторию в Ленинграде и не был там двадцать пять лет! Побывал в родной консерватории, где, будучи студентом, пел все экзамены и выступал с концертами. Там, слава богу, ничего не изменилось! А в отношении конкурса я немного разочарован не самым большим интересом к нему среди консерваторий, за исключением Ростова и Екатеринбурга.

– В чём это проявилось?

– Такое, немножко «дежур-

ное» отношение к его проведению. Когда проходили прослушивания Центрального округа в самой Академии им. Гнесиных, на отборочных турах было мало публики. И, на мой взгляд, в Москве было недостаточное количество конкурсантов.

– Как сделать Всероссийский музыкальный конкурс популярным среди молодых музыкантов?

– Я думаю, этому конкурсу нужно дать запоминающееся имя!..

– Программа достаточно сложная для того, чтобы выявить талант певца?

– На мой взгляд, она должна быть сложнее. На первом туре должно быть как минимум четыре произведения! Два – могут выявить только качество голоса...

– Нашлись ли самородки у нас в стране?

– Конечно! В Новосибирске, Ростове и Москве, но я бы не сказал, что это самородки. Это певцы с хорошими голосами, которые научились пользоваться этим даром. И это сразу видно! Если есть техническая школа, человек сразу начинает петь. У меня в классе, например, десять человек. Все с голосами, учатся... Но пока научился только один.

– В 1974-м вы получили III премию на Конкурсе Чайковского...

– Я был разочарован, чувствовал, что могу спеть гораздо лучше. Но в то время было такое правило: если получил лауреатство, участвовать ещё раз, то есть улучшить результаты, больше не имеешь права...

– Победитель Всероссийского музыкального конкурса, который определится 15 ноября, сможет пройти на Конкурс Чайковского в 2015 году без отборочного тура. В чём главная сложность для певца, если он решил участвовать в нём?

– Там будет мощный состав. Это престижнейший конкурс, международное жюри. Думаю, предстоит много «страстей». На чистом вокале, на одном голосе не пройдёшь...

– А как вас принимали в Большой театр?

– В то время я пел с Элитой Пхейой в ансамбле «Дружба» и думал о карьере эстрадного певца (мне, кстати, очень это нравилось). После получения звания лауреата конкурса Глинки меня сразу же пригласили прослушаться в три театра: Большой, Кировский и Михайловский... И во все три меня взяли. В Большом было три тура. В итоге из 150 претендентов в стажёрскую группу попал я один. Это был очень жёсткий отбор.

– Ваши ученики говорят о вашем главном принципе преподавания – демократии...

– У меня, к сожалению, мягкий характер. Это природное качество. Но я придерживаюсь правила, что со студентом нужно быть очень строгим. Это не всегда помогает – тот, кто *хочет* заниматься, занимается!

Беседовала ТЯТЬЯНА ЗСАУЛОВА

Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН (Концертный зал «Вернадский»)
г. Москва, м. «Добрыние», ул. Москва, д. 11, стр. 11

7 НОЯБРЯ 19.00
Сезон 2014-2015 гг.

«МИХАИЛ ГЛИНКА – ПЕВЕЦ РУССКОЙ МУЗЫКИ»
(210 лет со дня рождения)

– Инструментальные пьесы для струнного оркестра из опер «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» (в переводе Н.А. Римского-Корсакова)

– Басстиций дивертисмент для фортепиано с оркестром на темы оперы В. Беллини «Сомнамбула»

– Романсы: «Я помню чудное мгновенье», «Победитель», «Как сладко с тобою мне быть», «Я здесь, Писцель», «Волеро», «Китире», «Дель», «Не искусий»

Камерный оркестр «ВРЕМЕНА ГОДА»
Дирижер – Заслуженный артист России **Владислав БУЛАХОВ**

Виктория НОСОВСКАЯ (скрипка)

Ольга СИДОРЕНКО (виолончель)

Александр ФОМИН (бас)

Сергей ВАСЮКОВИЧ (тромбон)

Анна МАНАСАРОВА (фортепиано)

Надежда АСТАПЕНКОВА (фортепиано)

Билеты проданы в кассе музея
Справки по телефону: (495) 7827913, (495) 6820334, (495) 6141127
Билеты онлайн и информация о концерте: WWW.SGM.RU
MOSCOWCONCERT.COM

МОСКОНЦЕРТ